

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 4/2010

Возможна ли многосторонняя
структура безопасности
в Восточной Азии?

Политические проблемы храма
Ясукуни

Геополитические концепции
возвышающегося Китая

Российско-вьетнамские
торгово-экономические связи

Видение многополярности в России
и Китае и международные вызовы

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

4 / 2010

Июль - Август

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством Отделения общественных наук РАН

Издается с марта 1972 года

ДОКУМЕНТЫ

Декларация десятого заседания Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества 3

ПОЛИТИКА

А. Воронцов, П. Агальцов. Возможна ли многосторонняя структура безопасности в Восточной Азии 7
Я. Бергер. Эволюция геополитических взглядов в Китае 23
В. Гринюк. Политические проблемы храма Ясукуни 38

ЭКОНОМИКА

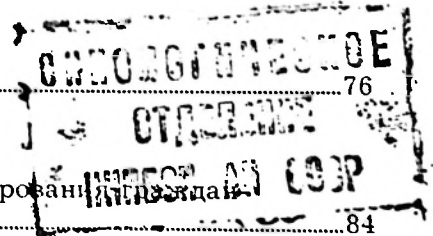
В. Мазырин. Новые тенденции и актуальные проблемы экономических отношений между Россией и Вьетнамом 53
М. Александрова. Закрытие “Большого рынка”, или Уход от “серых таможенных схем” 65

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

А. Тарасов. Китайский труд в Забайкалье 76

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

В. Ганшин. Роль Интернета в процессе формирования гражданского общества в КНР 84

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

- В. Портяков.* Видение многополярности в России и Китае и международные вызовы.....93
В. Постников. Тихий океан как “Средиземное море будущего”: история идеи (середина XIX—начало XX вв.).....105

ИСТОРИЯ

- С. Куртинец.* Японские разведывательные органы в Северной Маньчжурии в 20-е годы XX века.....115
Н. Тен. Освещение российской истории в современном Китае (на материалах учебников истории для средней школы и популярной литературы о России).....126

ДОКУМЕНТЫ, АРХИВЫ

- К. Фендлер.* О японском плане похищения корейского императора Коджона во время русско-японской войны 1904–1905 гг.: российская дипломатия спасла Коджона.....141

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- А. Ломанов.* Торжественное собрание Института Дальнего Востока РАН и Общества российско-китайской дружбы.....145
С. Савинский. Экономика КНР в условиях мирового кризиса. Научная конференция в ИДВ РАН.....149
Т. Герасимова. Научная конференция Центра политических исследований Китая ИДВ РАН.....158
А. Семин. Китайско-японские отношения и политика Китая в отношении Японии в грядущем десятилетии.....168

РЕЦЕНЗИИ

- В. Дацьшен.* Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность.....174
В. Буров. Кудашев Р.Ш. Моя жизнь в Китае.....180
А. Сенаторов. Сиобара Тосихико. Действительность и вымыслы о России — “военной державе”.....183
Contents.....186
Summary.....187

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков

Редакционная коллегия: Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, К.В. Внуков, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (зам. главного редактора), А.З. Жебин, Е.И. Зеленев, В.О. Кистанов, А.В. Ломанов, С.Г. Лузянин, А.Е. Лукьянов, А.В. Макаров, П.А. Минакир, А.В. Островский, Л.С. Переломов, С.С. Разов, И.А. Рогачев, Д.А. Смирнов, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.Н. Усов.

Документы

Декларация десятого заседания Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества

10–11 июня 2010 года в Ташкенте состоялось десятое заседание Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. По итогам обмена мнениями по актуальным региональным и международным вопросам его участники заявляют о следующем:

1. В современном динамично развивающемся мире происходят серьезные перемены и фундаментальные преобразования. В условиях утверждающейся многополярности возрастает взаимозависимость государств и активизируются процессы глобализации, которые оказывают существенное влияние на развитие мировой экономики и международных отношений.

Государства-члены Шанхайской организации сотрудничества (далее — ШОС или Организация) едины в оценке происходящих в мире изменений, которые сопряжены не только с новыми вызовами и угрозами, но и предоставляют возможности для продвижения к построению более справедливого политического и экономического миропорядка, основанного на верховенстве международного права, равноправном и взаимовыгодном сотрудничестве всех стран в соответствии с целями и принципами Устава ООН.

Государства-члены намерены строго следовать духу Хартии ШОС и положениям Договора о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве и претворять в жизнь основные цели и принципы Организации.

2. За прошедшие с момента основания годы ШОС стала важным фактором региональной и международной архитектуры безопасности и сотрудничества, зарекомендовала себя в качестве эффективного и открытого многостороннего объединения. Организация будет и впредь придерживаться линии, исключающей блоковые, идеологизированные и конфронтационные подходы к решению актуальных проблем международного и регионального развития.

Государства-члены полны решимости продолжить тесное и всестороннее взаимодействие в рамках ШОС с целью укрепления ее роли как надежного гаранта обеспечения мира, стабильности и процветания в регионе.

3. В свете событий в Кыргызской Республике государства-члены подтверждают принципиальную позицию о взаимной поддержке государственного суверенитета, независимости и территориальной целостности. Они выступают

против вмешательства во внутренние дела суверенных государств, а также действий, способных вызвать напряженность в регионе, за разрешение любых разногласий исключительно политико-дипломатическими методами путем диалога и переговоров.

Государства-члены, подчеркивая важность скорейшей стабилизации политической ситуации в Кыргызстане для всего региона, выразили готовность оказать Кыргызской Республике необходимую поддержку и помощь в решении этой задачи.

4. Государства-члены подтверждают, что центральное место в системе международных отношений принадлежит Организации Объединенных Наций, являющейся уникальным и во многом безальтернативным механизмом многостороннего сотрудничества.

Государства-члены намерены и дальше взаимодействовать в вопросах реформирования ООН и ее Совета Безопасности. Поскольку реформа затрагивает интересы всех стран-членов ООН, целесообразно продолжить открытые и всесторонние консультации в целях выработки комплексного проекта, который воплотил бы в себе максимально широкое согласие.

5. На современном этапе на передний план международной повестки дня выходят новые вызовы и угрозы безопасности, что повышает необходимость усиления совместной борьбы с терроризмом во всех его проявлениях и важность решения вопросов обеспечения международной и региональной безопасности. Государства-члены сконцентрируют усилия на реализации Глобальной контртеррористической стратегии ООН, соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН и положений Конвенции ШОС против терроризма, а также на противодействии идеологии терроризма и экстремизма путем развития межцивилизационного и межкультурного диалога.

6. Государства-члены подчеркивают, что в центре внимания ШОС должны оставаться вопросы усиления координации совместной деятельности, связанной с выходом из мирового финансово-экономического кризиса и снижением его негативных последствий. Обеспечению выхода из кризиса будут способствовать последовательная реализация задач модернизации национальных экономик, перевод их на инновационные рельсы, равноправная вовлеченность заинтересованных стран в процессы принятия ключевых международных решений, укрепление в этих целях взаимодействия на глобальном и региональном уровнях.

ШОС будет прилагать усилия для создания благоприятных условий для торговой и инвестиционной деятельности, реализации совместных региональных и межрегиональных проектов развития транспортной и коммуникационной инфраструктуры в целях повышения экономической конкурентоспособности государств-членов.

7. В современном мире определяющее значение приобретает построение системы международной безопасности, основанной на уважении международного права и выполнении государствами принятых ими обязательств. Для создания такой системы необходимы последовательные и эффективные меры в сфере разоружения и нераспространения.

Государства-члены выступают за неукоснительное соблюдение положений Договора о нераспространении ядерного оружия, в том числе о мирном использовании ядерной энергии, считают создание зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии важным элементом обеспечения регионального мира и безопасности, способным внести существенный вклад в укрепление режима

ядерного нераспространения, повышение уровня региональной и международной безопасности. Эффективным шагом в этом направлении станет подписание ядерными державами соответствующего Протокола к Договору о создании зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии.

Государства-члены приветствуют подписание в Праге 8 апреля 2010 года Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений.

Государства-члены подчеркивают, что неконтролируемое развертывание глобальной ПРО, равно как и опасность размещения оружия в космическом пространстве, могут стать источниками дестабилизации международной обстановки и привести к распространению и наращиванию ракетных вооружений в различных регионах мира.

8. Серьезными источниками угроз в регионе остаются продолжающаяся эскалация противостояния в Исламской Республике Афганистан, исходящие из этой страны терроризм, наркотрафик и транснациональная организованная преступность. Достижение мира и стабильности в ИРА является решающим фактором обеспечения безопасности, способствующим устойчивому социально-экономическому развитию всего региона.

Государства-члены подтверждают ведущую роль ООН в координации усилий международного сообщества в деле урегулирования ситуации в Афганистане. Они считают, что решение афганской проблемы исключительно военными методами невозможно и выступают за продвижение переговорного процесса под эгидой ООН с участием самих афганцев.

ШОС выступает за становление ИРА в качестве мирного и стабильного государства, исходит из важности проявления полного уважения к глубоким историческим и этно-демографическим корням многонационального народа Афганистана, его традиционным и религиозным ценностям.

ШОС поддерживает усилия государств-членов, принимающих участие в осуществлении проектов экономической реконструкции ИРА во взаимодействии с международными институтами и другими заинтересованными сторонами.

Государства-члены призывают международное сообщество активизировать усилия по борьбе с наркоугрозой из Афганистана по всей цепочке производства и распространения наркотиков. В этом контексте участники саммита выражают готовность к взаимодействию с другими международными и региональными структурами, призывают Международные силы содействия безопасности к сотрудничеству в сфере антинаркотических усилий с государствами-членами ШОС.

9. Государства-члены отмечают, что информационная безопасность тесно связана с обеспечением государственного суверенитета, национальной безопасности, социально-экономической стабильности и интересов граждан. Все страны имеют право в соответствии со своими внутренними реалиями и на законной основе осуществлять управление Интернетом, расширяя при этом сотрудничество в духе равноправия и взаимного уважения.

Информационные технологии должны использоваться в целях мира, развития, безопасности и процветания. Государства-члены будут и дальше претворять в жизнь подписанные в рамках ШОС документы о сотрудничестве в данной сфере и прилагать активные усилия к обеспечению международной информационной безопасности.

10. Государства-члены отметили возрастающую роль ШОС в формирующейся в Азиатско-Тихоокеанском регионе партнерской сети многосторонних объединений в контексте укрепления мира, стабильности и устойчивого развития в русле “Ташкентской инициативы” 2004 года.

Государства-члены высоко оценили подписание 5 апреля 2010 года в Ташкенте Совместной декларации о сотрудничестве между секретариатами ШОС и ООН, фиксирующей основные принципы и направления взаимодействия между двумя организациями.

11. Важным шагом в обеспечении дальнейшего развития ШОС, повышении авторитета Организации, совершенствовании правовых основ деятельности ее органов является утверждение главами государств Правил процедуры ШОС и Положения о порядке приема новых членов в ШОС.

Государства-члены выступают за дальнейшую активизацию сотрудничества с государствами-наблюдателями и партнерами по диалогу ШОС, усиление практического взаимодействия с целью вовлечения их потенциала, ресурсов и рынков в сферу совместной деятельности.

12. Государства-члены подчеркивают, что уроки Второй мировой войны, 65-летие окончания которой широко отмечается в государствах-членах ШОС и во всем мире, подтверждают важность и в современных условиях проявления всеми государствами и политическими лидерами решимости не допустить новых трагедий с масштабными человеческими жертвами и сообща, совместными усилиями эффективно противостоять вызовам и угрозам человечеству. Государства-члены, народы которых внесли основной вклад в достижение Победы и понесли тяжелые потери в ходе Второй мировой войны, решительно осуждают попытки возрождения идеологии фашизма, распространения ксенофобии и нетерпимости, экстремизма и терроризма ради достижения неблагоприятных политических целей.

* * *

ШОС будет, как и прежде, сохраняя приверженность миру, совместному развитию и равноправному сотрудничеству, на основе взаимного уважения и толерантности расширять диалог и сотрудничество с международным сообществом, прилагать все усилия по укреплению безопасности и стабильности и благополучия в регионе и в мире в целом во имя гармонии и всеобщего процветания.

Государства-члены подтвердили намерение провести в следующем году торжественные мероприятия по случаю десятой годовщины ШОС.

г. Ташкент, 11 июня 2010 года

Возможна ли многосторонняя структура безопасности в Восточной Азии

© 2010

А. Воронцов, П. Агальцов

В статье рассматриваются перспективы формирования структуры безопасности в Восточной Азии.

По мнению авторов, в регионе, который остается одним из немногих в мире, не имеющих постоянно действующего форума по проблемам безопасности, созрел запрос на соответствующую организацию.

В работе анализируются различные идеи и предложения, направленные на ее формирование: использование европейского опыта, прежде всего, ОБСЕ или опора на местные институты, вызревающие внутри региона.

Авторы приходят к выводу, что механизм шестисторонних переговоров по урегулированию ядерной проблемы Корейского полуострова при определенных условиях способен стать основой структуры безопасности в Восточной Азии.

Ключевые слова: Восточная Азия, безопасность, регионализм, интеграция, диалоговая структура.

В последние годы в политических и научных кругах ряда стран стали все шире обсуждаться разнообразные идеи и даже концепции, касающиеся перспектив формирования не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом, но и конкретно в Восточной Азии какого-либо типа многостороннего диалога, посвященного обсуждению вопросов региональной безопасности. В числе недавних и наиболее значимых инициатив называются предложения бывшего премьер-министра Австралии К. Радда о создании к 2020 г. Азиатско-Тихоокеанского сообщества, озвученное в июне 2008 г., и бывшего премьер-министра Японии Ю. Хатояма, предложившего в сентябре 2009 г. создать Восточноазиатское сообщество. Идея о постепенном вызревании в Восточной Азии условий для возникновения подобного рода структуры и об ее востребованности, можно сказать, "витают в воздухе" в столицах большинства государств региона. Не является исключением и Москва. Заместитель министра иностранных дел РФ А.Н. Бородавкин высказался на этот

счет вполне определенно: "Назрел серьезный и откровенный разговор об оптимальной архитектуре безопасности и партнерства в АТР. С учетом растущей роли АТР в мире по сути дела речь идет о формировании одной из основ нового мироустройства"¹.

В этой связи можно упомянуть целенаправленные усилия ряда ведущих мозговых центров США, в том числе Совета по внешней политике в Нью-Йорке, включившего в последнее время тему перспектив будущей региональной архитектуры в Северо-Восточной Азии (СВА) в повестку наиболее актуальных исследовательских проектов². Эта тематика все чаще становится предметом обсуждений на крупных региональных форумах. В качестве примера можно назвать представительную международную конференцию "Корея в возникающем балансе азиатских держав" (Сеул, 26–28 сентября 2001г.), организованную лондонским Международным институтом международных исследований и фондом Асан, где была проведена специальная сессия "За пределами шестисторонних переговоров: строительство долговременной инфраструктуры региональной безопасности Восточной Азии"³.

Нельзя не обратить внимание и на то, что в ходе подобных дискуссий непременно подчеркивается факт, что данный регион остается одним из немногих в мире, не имеющих постоянно действующего форума по проблемам безопасности⁴. Например, в МИД России уверены, что "если политические и экономические процессы в АТР развиваются в целом со знаком "плюс", то ситуация в области региональной безопасности не может не вызывать беспокойство. В силу разнообразных причин в регионе не сложилось стройной системы механизмов коллективной безопасности"⁵. При этом все согласны с тем, что Северо-Восточная Азия занимает особое, уникальное место в системе глобальных политических и экономических отношений, будучи местом соединения и одновременно столкновения геополитических интересов нескольких наиболее крупных мировых держав — прежде всего России, Китая, США и Японии. В ареал сложного переплетения сил в регионе попадают Южная и Северная Корея, а также Монголия. Существенно и стратегическое значение этого субрегиона, в частности, в качестве одной из важнейших сфер военно-политической активности Вашингтона на азиатском азимуте в целом. Наряду с этим межгосударственные взаимоотношения "большой четверки", сосредоточенные в пределах относительно узкого географического пространства, по своему "кумулятивному" воздействию приобретают не только региональную, но и глобальную подоплеку, способность оказывать широкое влияние на международный климат в целом.

Обращаясь к истории последних десятилетий, а также к реалиям дня сегодняшнего, можно сделать вывод о том, что характер и направленность международных отношений в СВА во многом были производными от суммарного результата взаимодействия четырех ведущих держав — США, Китая, Японии и России, текущий баланс сил между которыми обеспечивал быстро меняющуюся расстановку сил в регионе.

По большому счету это была игра без четко установленных правил или, по крайней мере, с минимальными ограничениями, которые подразумевали молчаливое согласие не прибегать к прямому использованию военной силы для наращивания своих позиций в регионе, хотя ее наличие у каждого из участников служило одновременно и серьезным фактором косвенного давления на оппонента, и существенным элементом в политике взаимного сдерживания, проводившейся

каждым из игроков. Свою лепту в эту игру вносили Южная и Северная Корея как наиболее непримиримые противники в регионе.

Далеко не случайно, именно две эти малые страны региона оказались в эпицентре внимания со стороны “четверки великих” соседей. Уроки Корейской войны 1950–1953 гг. наглядно показали, что отсутствие хотя бы мягких форм контроля за действиями Пхеньяна и Сеула, оказавшихся наедине друг с другом, может привести к непредсказуемым последствиям и потребовать прямого военно-политического вмешательства извне. В итоге вокруг Корейского полуострова сформировалась симметричная расстановка военно-политических сил, отражавшая реалии биполярного мироустройства той эпохи. С одной стороны, США в 1954 г. заключили с РК Договор о взаимном обеспечении безопасности, предусматривающий размещение американского воинского контингента (поначалу порядка 70 тыс. военнослужащих), прикрыли Южную Корею своим ядерным зонтиком и привлекли Японию к оказанию тыловой, а впоследствии и финансово-экономической поддержки Сеулу.

С другой стороны, Советский Союз и Китай в 1961 г. заключили военно-политические договоры с КНДР, гарантировав ее безопасность в случае нападения. С обеих сторон военно-демаркационной зоны, определенной соглашением о перемирии, развернулась крупномасштабная гонка вооружений. Упорство, с которым оба корейских режима стремились обеспечить условия для полной военной победы над противником (по крайней мере, до середины 70-х гг.) отражало их убежденность в том, что каждый из них является единственным законным представителем корейского народа, что было закреплено в их конституциях, распространявших суверенитет соответственно РК и КНДР на территорию всего Корейского полуострова. При всех перипетиях в российско-китайских отношениях, постепенном сближении между Вашингтоном и Пекином, сложном своеобразии взаимосвязей между “старшими” и “младшими” партнерами данная схема обеспечения безопасности, опирающаяся на военную мощь и оборонительные двусторонние союзы в целом оказалась работоспособной и позволяла — плохо ли, хорошо ли — поддерживать мир в Корее на протяжении ряда десятилетий. Реалии “холодной войны”, равно как и предельно низкий уровень доверия между участникам этой квазисистемы — все это вынуждало считать ее наименьшим из возможных зол, ввиду чего вопрос о создании здесь более конструктивной системы взаимоотношений по типу ОБСЕ даже не рассматривался.

Весьма важным для правильного понимания ситуации являлось то обстоятельство, что чисто военный конфликт, возникший на Корейском полуострове, и последовавшее за ним длительное жесткое военно-политическое противостояние между КНДР и РК, были дополнены важным идеологическим спором — о преимуществах социалистической или капиталистической модели развития. Возможно, именно по этой причине ставки в игре с самого начала были предельно высоки.

С начала 90-х гг. относительно четкие контуры региональной системы взаимоотношений стали терять прежние очертания — вся картина межгосударственных отношений в СВА становилась более подвижной и многообразной. Значимым фактором, внесшим определенные коррективы в складывающуюся расстановку сил в этом районе, стало постепенное повышение внимания России к своему участию в местных делах, что в свою очередь определялось задачами интеграции страны в динамично развивающийся Азиатско-Тихоокеанский регион. Естественным “мостом” для этого как раз был при-

зван стать северо-восток Азии. В условиях наличия в регионе ряда старых и появления новых конфликтных ситуаций, вызовов и угроз все более актуальной становилась стратегическая цель создания по периметру дальневосточных границ зоны мира, безопасности и стабильности.

Движению к этой цели во многом способствовало качественное улучшение отношений России с Китаем, формирование климата доверия и добрососедства, решение пограничной проблемы, которая в недалеком прошлом купировала возможности быстрого наращивания двусторонних связей и сотрудничества. В известной степени нормализация отношений с Пекином и быстрое продвижение по пути налаживания с ним стратегического партнерства сформировали предпосылки для существенного улучшения политических позиций Москвы в регионе. Если в прошлом Советский Союз, а затем и Россия присутствовали в СВА почти исключительно как военная держава, рассматривающая регион в категориях задач сдерживания США, создания системы передового базирования и обеспечения функционирования Тихоокеанского флота, то постепенно положение дел стало меняться.

При опоре на более активный внешнеполитический курс, в рамках которого удельный вес чисто военных факторов был минимизирован, но также во многом благодаря взаимодействию по широкому кругу международных вопросов с Пекином Россия сумела выйти из изоляции, в которой она находилась в АТР. Если раньше Москве прямо или косвенно противостоял "треугольник" в лице Вашингтона, Токио и Пекина, то на рубеже веков ситуация изменилась. Приобретя партнера в лице Пекина и несколько сняв напряженность в российско-американских отношениях в начале первого срока пребывания у власти президента США Дж. Буша, Россия сумела вернуться в занимающийся корейским урегулированием "клуб четырех", создать возможности для диверсификации практических связей со странами региона и расширения пространства для дипломатического маневра.

Эти достижения существенны, но вместе с тем они лишь создают определенные предпосылки для проведения Московской энергичной дипломатии, включая сферы экономики и безопасности, которые еще нужно суметь реализовать.

Не следует забывать, что регион СВА сохраняет на данном этапе второе по значимости после евроатлантического направления место в глобальной политике США и что за годы, пока России приходилось наверстывать упущенное, американцы стабилизировали отношения с традиционными союзниками, интенсивно работают над укреплением узкоформатных группировок под эгидой Вашингтона типа "сиднейской тройки" (США—Австралия—Япония)⁶ и трехстороннего механизма координации (США—Япония—РК)⁷. Есть все основания утверждать, что за последнее десятилетие США укрепили свое положение военно-политического "гегемона" в СВА и в АТР в целом, которое в обозримой перспективе вряд ли может быть кем-либо оспорено. Поэтому следует отдавать отчет и в том, что в вопросах обеспечения здесь мира и безопасности американцы всегда будут играть консервативную роль, которая будет сводиться, во-первых, к недопущению возникновению в этом районе неких "многополярных" структур, в которых США не были бы на позициях лидера, пусть даже и "неформального"⁸, и, во-вторых, к сдерживанию в этой части мира экспансии, любой державы — России, Китая или даже Японии, которая посягала бы на роль США.

Что касается интересов России, то в принципе она могла бы предлагать мягкие формы взаимодействия с КНР (других близких партнеров пока у нее

здесь не просматривается) для замедления дальнейшего усиления американской гегемонии. При этом следует избегать прямолинейности и таких действий, которые могли бы быть истолкованы США как попытка осложнить их отношения с союзниками или, тем более, поползновения на создание антиамериканских военно-политических альянсов в той или иной комбинации. На это вряд ли кто сейчас согласится, а если даже это и произойдет, то Россия окажется втянутой в ненужные ей конфликты, которые приведут к вполне закономерной подозрительности со стороны Вашингтона и его партнеров, что в целом способно неблагоприятно отразиться на российских позициях в регионе.

Следует признать, что на данном этапе постановка излишне амбициозных задач Москве, по-видимому, не вполне по силам. Кстати, ряд влиятельных западных политологов, полагают, что неопределенность вектора дальнейшего развития России, недостаточная устойчивость ее положения в СВА, связанная, в том числе и с проблемами развития ее дальневосточных территорий, могут рассматриваться как одна из наиболее серьезных угроз региональной безопасности.

Хотя в этих рассуждениях ситуация подается в гипертрофированном виде, нельзя не признать, что задача преодоления отсталости восточных районов России, оттока населения, нарастающего демографического, социально-экономического отставания от прилегающих к ним и динамично развивающихся территорий наших соседей по СВА, является вопросом, напрямую сопряженным с интересами нашей национальной безопасности, а если брать шире — то и с целью сохранения территориальной целостности страны. РФ, оправданно или нет, пошла на радикальное сокращение военного потенциала на Дальнем Востоке, который был сочтен излишним и обременительным. Как бы там ни было, сейчас основной акцент делается на обеспечении безопасности преимущественно политическими средствами, за счет достижения роста экономического могущества страны и благополучия ее граждан. Если вышеуказанные проблемы решаться не будут, Россия рискует оказаться вытесненной из СВА, а ее национальная территория с течением времени может оказаться объектом экспансии соседних государств, пусть даже сегодня с ними и поддерживаются вполне дружеские отношения.

В целом можно прийти к заключению, что после периода некоторой “застылости”, связанной с “переналадкой” международных отношений в регионе в соответствии с новыми реалиями, возникшими после окончания “холодной войны”, активно развивается процесс адаптации государств к быстро меняющимся условиям внешней среды, происходит перегруппировка сил. При этом динамичные страны диверсифицируют направления собственной активности и стремятся занимать наиболее выгодные “ниши” в усложняющейся системе внутри- и межрегиональных связей.

Вся эта картина, напоминающая “броуново движение”, происходит на фоне оживления споров по старым конфликтным ситуациям, появления и разрастания новых узлов противоречий, напряженности в межгосударственных отношениях, усиливающейся гонки вооружений, включая и ракетно-ядерные. Такая ситуация актуализировала задачи определения некоторых, хотя бы общих правил поведения для региональных игроков, в том числе, на путях создания форматов, в рамках которых могли бы обсуждаться меры взаимного доверия, пути профилактики конфликтов или их разблокирования в случае возникновения последних. Тем не менее, по целому ряду причин пока не удастся перевести разговоры о совместных усилиях в области укрепления мира и безопасности в практическую плоскость. Среди вышеотмеченных причин следует выделить, с одной

стороны, скептическое отношение США к созданию системы коллективной безопасности в регионе, в котором они предпочитают добиваться принятия нужных решений при опоре на двусторонние союзы⁹, а с другой — отсутствие четких представлений о том, на каких принципах и с помощью каких механизмов такая система могла бы функционировать¹⁰.

Второй ядерный кризис в Корее — катализатор многостороннего дипломатического процесса

Катализатором практических шагов на этом направлении стало кризисное развитие событий на Корейском полуострове, а именно обострение спора между Пхеньяном и Вашингтоном вокруг так называемой северокорейской ядерной проблемы.

Поводом к обострению северокорейской ядерной проблемы стали выдвинутые американской стороной в октябре 2002 г. обвинения КНДР в реализации программы обогащения урана. Визит в Пхеньян заместителя госсекретаря США Дж. Келли состоялся 3–5 октября 2002 г. В ходе его переговоров с первым заместителем министра иностранных дел КНДР Кан Сек Чу северокорейская сторона, по заявлениям американцев, признала наличие у нее программы по обогащению урана (северокорейцы отрицают факт такого признания). Жесткая реакция Вашингтона и других стран повлекла за собой начало нового ядерного кризиса на Корейском полуострове. В декабре 2002 г. американцы, вопреки условиям Рамочного соглашения между КНДР и США от 1994 г., прекратили поставки компенсационного мазута, приостановили деятельность КЕДО (Организации по развитию энергетики на Корейском полуострове) по сооружению в КНДР двух ядерных реакторов на легкой воде. Северокорейская сторона в ответ на это 10 января 2003 г. официально объявила о выходе из ДНЯО. Кроме того, Пхеньян прекратил деятельность инспекторов МАГАТЭ на территории ядерного комплекса в Ненбене и прервал сотрудничество с этой организацией.

Подобная эскалация конфликта потребовала неотложных международных усилий, в которых основную роль — ввиду полного паралича в северокорейско-американских отношениях — взяли на себя Россия и Китай. В январе 2003 г. в ходе визита в Пхеньян А.П. Лосюкова в качестве спецпосланника Президента Российской Федерации российской стороной был выдвинут “пакетный план урегулирования ядерной проблемы Корейского полуострова”, который предусматривал отказ КНДР от ядерной программы в обмен на встречные шаги со стороны партнеров по развитию экономического сотрудничества с Пхеньяном, нормализации политических отношений с ним, а также предоставление Северной Корее гарантий безопасности. Несколько позже, с августа 2003 г. в Пекине под эгидой китайского председательствa были начаты шестисторонние переговоры с участием КНДР, РК, России, США и Японии.

Первым серьезным успехом “шестерки” стало Совместное заявление, принятое 19 сентября 2005 г. В этом документе, явившемся итогом интенсивных дискуссий, было выражено согласованное всеми участниками понимание основных целей и принципов шестисторонних переговоров. Важнейшими элементами заявления стали взятое КНДР обязательство об отказе от ядерного оружия, всех существующих ядерных программ и возвращении в возможно короткие сроки в ДНЯО и МАГАТЭ, а также заявление США об отсутствии намерений нападать на КНДР и о готовности к нормализации двусторонних отношений с Пхеньяном. Участники переговоров заявили об уважении ими права КНДР на мирное ис-

пользование ядерной энергии и согласились обсудить в приемлемые сроки вопрос о предоставлении КНДР легководного реактора.

Тем не менее, кризис был еще далеко не исчерпан. Его обострению способствовали запуски в КНДР в июле 2006 г. баллистических ракет среднего и дальнего радиуса действия, а в октябре того же года проведение подземного ядерного испытания малой мощности, после чего Северная Корея объявила себя державой-обладательницей ядерного оружия и заявила, что отныне будет вести себя на переговорах по ядерному разоружению в Корею именно с этих позиций.

Иными словами, условиями своего отказа от “ядерных сил сдерживания” КНДР назвала симметричные шаги по ядерному разоружению в регионе со стороны своих противников, то есть, вывод американского ядерного оружия из Южной Кореи, а также с территории, прилегающей к Корейскому полуострову; отказ от заходов в порты Кореи морских судов, а в воздушное пространство — самолетов с ядерным оружием на борту.

Таким образом, ставки в игре были существенно подняты: после проведения испытаний подтвердилось, что КНДР не только располагает запасами оружейного плутония, но и в состоянии изготовить из него взрывное устройство. Однако отсутствие сколь-либо достоверных данных о состоянии боевого потенциала КНДР оставляло без ответа принципиально важные вопросы: во-первых, в состоянии ли страна собрать лишь примитивное взрывное устройство или же способна изготовить на его основе полноценный ядерный боеприпас; во-вторых, (в случае положительного ответа на первый вопрос) каким количеством и какими типами боезарядов Пхеньян располагает (эксперты на основе приблизительных подсчетов плутония, наработанного с 5 Мвт. ядерного реактора в Ненбене, называли цифру от 6 до 12 боеприпасов в зависимости от возможностей КНДР производить ядерные заряды малой мощности); и в-третьих, располагает ли КНДР возможностями доставки ядерных боеприпасов на дальнейшее расстояние, например, путем их установки на баллистические ракеты.

Эксперты по вопросам нераспространения неоднократно задавались вопросами о том, зачем столь малой стране, как Северная Корея, со слабой экономикой и более чем скромным материальным достатком идти на значительные издержки ради создания ядерного арсенала. Приводились доводы о непредсказуемости и даже иррационализме Ким Чен Ира и его ближайшего окружения, которые либо ставят целью “коммунизацию” Южной Кореи военным путем, либо пытаются шантажировать своих соседей, добиваясь выкупа своей ядерной программой за солидные политические и экономические дивиденды.

Существует, однако, и другое, вполне рациональное объяснение, если правильно понять внутреннюю логику северокорейцев. И ответ будет простым — создание военных гарантий для выживания страны в условиях действительной или мнимой угрозы нападения извне. Любой объективный наблюдатель вынужден будет признать, что после распада Советского Союза, изменения политики Китая в регионе, благодаря военно-политической поддержке которых в прошлом КНДР чувствовала себя в безопасности, ситуация для этой малой страны коренным образом изменилась, так как Москва официально отказалась от союзного договора 1961 г., а с КНР подобное соглашение сохраняется лишь формально. Действительно, если над такими мощными в военном и экономическом отношении странами, как Япония и РК по-прежнему находился американский “ядерный зонтик”, а на их территориях были расквартированы американские войска, то на

севере Кореи в силу изменений во внешнем окружении сложилась ситуация “вакуума безопасности”¹¹.

Поэтому в условиях очевидной военной слабости КНДР, отсутствия союзников, которые на практике были бы готовы ее защищать и наличия недружественно настроенных соседей руководство КНДР было вынуждено размышлять о нестандартных ходах для защиты своей безопасности. Если с администрацией Б. Клинтона удавалось находить компромиссные решения, которые удерживали Пхеньян от опрометчивых шагов, то Дж. Буш после избрания на президентский пост почти сразу заявил о неприемлемости для США “одиозного режима” в Пхеньяне и его лидеров. (Как известно, КНДР в начале 2002 г. наряду с Ираном и Ираком была включена американцами в “ось зла”). Определенным рубежом в эволюции менталитета северокорейских руководителей стало свержение режима Саддама Хусейна в Ираке. Оно убедило их в том, что искать примирения с США лишь на политической основе было бы опрометчиво и вступать в любые переговоры со столь “опасной” державой разумно лишь в случае наличия “солидных аргументов”, способных заставить американцев воспринимать противника всерьез.

Естественно, не подлежит сомнению, что проведение Пхеньяном ядерных испытаний как фактора демонстрации своих возможностей было серьезной авантюрой, приведшей к резкому усилению напряженности в СВА. В отношении КНДР были приняты резолюции СБ ООН 1695 и 1718, введившие достаточно жесткий санкционный режим, что усугубило изоляцию страны на международной арене. Однако факт остается фактом: ядерная “выходка” Пхеньяна способствовала укреплению его переговорных позиций визави Вашингтона, после чего вскоре возобновились прямые американо-северокорейские контакты. Также существенно активизировался шестисторонний процесс в Пекине, причем от этапа принятия политических деклараций стороны наконец перешли к конкретным практическим шагам.

Поскольку в наши задачи не входит отслеживание всех перипетий переговорного процесса по ядерной проблеме Корейского полуострова, обратим внимание на важные решения февральского (2007 г.) раунда “шестисторонки” о создании в рамках этого диалога пяти рабочих групп (РГ), призванных заниматься проработкой конкретных сюжетов по отдельным направлениям: трех многосторонних (по денуклеаризации, экономическому и энергетическому сотрудничеству, механизму мира и безопасности в Северо-Восточной Азии) и по вопросам нормализации двусторонних отношений: КНДР—США; КНДР—Япония.

Если вопросы, входящие в компетенцию большинства РГ, достаточно очевидны, то перед РГ по миру и безопасности в СВА, координацию работы которой взяла на себя Россия, стояли задачи равным образом сверхмасштабные, “первопроходческие”, а потому трудно выполнимые и весьма неопределенные. Начнем с того, что конкретные цели, основные направления будущей работы, своего рода “дорожную карту” деятельности этой РГ пока сформулировать не удалось, да и участники не ставили по понятным причинам такой цели, имея в виду, что именно российский председатель во взаимодействии с другими партнерами сможет провести такую подготовительную работу и представить на их рассмотрение план возможных мероприятий и свое видение архитектуры и принципов устройства будущего механизма. Сейчас трудно сказать наверняка, кто из участников стал инициатором данной идеи, однако есть серьезные основания полагать, что одной из главных целей было

показать Северной Корее, что в случае ее благоразумного поведения и отказа от новых ядерных авантюр, в перспективе может быть создан механизм или иная структура регионального значения, которая сможет взять на себя роль гаранта безопасности Пхеньяна, естественно, в случае полного свертывания его военно-ядерного арсенала. Как бы там ни было, все участники шестисторонних переговоров, включая США и КНДР, дали свое согласие на создание РГ и начало экспертной проработки планов создания подобного механизма.

В марте и августе 2007 г. в Пекине и в Москве состоялось два заседания упомянутой РГ, о результатах которых известно крайне мало, за исключением того, что сторонам удалось сопоставить свои позиции и договориться о выработке руководящих принципов мира и безопасности в СВА, которые могли бы стать своеобразным “кодексом поведения” государств региона во взаимоотношениях друг с другом.

Российская сторона, как, впрочем и другие партнеры, была склонна придерживаться мнения о том, что создание многостороннего механизма, какой бы характер и форму в конечном счете он ни приобрел — задача относительно отдаленного будущего. Реально речь о его формировании может идти только после полной денуклеаризации Кореи, а также по мере изменения характера взаимоотношений между отдельными участниками шестисторонних переговоров на более дружественные и доверительные.

С учетом этого были сформулированы следующие подходы в деятельности РГ: во-первых, это поэтапность в постановке задач — т.е. постепенный переход от решения относительно простых вопросов к более сложным; во-вторых, первоочередность проблемы освобождения Корейского полуострова от ядерного оружия по сравнению с работой по созданию механизма мира и безопасности; в третьих, понимание того, что на данном этапе, когда вопросы денуклеаризации КНДР и связанные с этим ответные компенсационные шаги партнеров решаются трудно, главная задача РГ состоит в том, чтобы своей деятельностью способствовать созданию благоприятной атмосферы для продвижения вперед на основных направлениях. Этому, в частности, должна содействовать работа над согласованием руководящих принципов.

Как известно, в ходе декабрьской (2008 г.) встречи глав делегаций стран-участниц шестисторонних переговоров российская делегация уже распространила обновленную версию руководящих принципов на основе пожеланий и рекомендаций партнеров, после чего углубленное обсуждение этого документа состоялось в Москве в феврале 2009 г. При этом следует признать, что у участников сохраняются противоречия, а порой высказываются противоположные и даже взаимоисключающие взгляды на фундаментальные вопросы по некоторым общим для всех правилам и принципам. В случае успешного преодоления противоречий согласованный текст документа может быть предложен на утверждение министрам иностранных дел стран “шестерки” и в таком случае будет, очевидно, считаться принятым. Однако, в апреле 2010 г. шестисторонние переговоры прервались, и пауза продолжается по настоящее время.

Тем не менее, сам факт пятилетнего, в целом успешного взаимодействия участников шестисторонних переговоров и достигнутый, невзирая на вышеотмеченные трудности, осязаемый прогресс дает ряду аналитиков основания прогнозировать возможность создания постоянно действующей региональной диалоговой организации¹².

Извилистый путь к многосторонней региональной структуре без- опасности

Каким бы сложным и затяжным не представлялся процесс оформления Механизма мира и безопасности в СВА, обсуждение этого вопроса активно ведется и на политическом, и особенно на академическом уровнях¹³. Диапазон высказываемых суждений самый широкий. Мнение европейцев чаще всего сводится к тому, что опыт ОБСЕ с учетом "универсальности" выработанных в Европе принципов взаимодействия между государствами вполне может быть применим и для СВА как в институциональном отношении, так и с точки зрения круга обсуждаемых вопросов, естественно, с учетом особенностей, присущих данному региону¹⁴. В качестве задач данного механизма, после решения специфических для шестисторонних переговоров проблем — денуклеаризация, нормализация двусторонних отношений КНДР с США и Японией, а также установление полноценной системы мира на Корейском полуострове — европейцам видится работа по трем основным измерениям: военно-политическому (предотвращение военных конфликтов и разработка мер доверия); экономическому (осуществление крупных энергетических, инфраструктурных и экологических проектов) и гуманитарному (тематика прав человека, гражданских свобод и демократии). При этом европейцы склонны считать, что внутрирегиональный диалог по безопасности в СВА должен быть максимально открытым, в том числе и для партнеров из Европы, которые хотели бы на этапе становления механизма широко делиться своим опытом и советами, а на более продвинутых фазах — напрямую подключаться к участию в новой азиатской структуре¹⁵.

Однако этот подход не учитывает серьезных различий в ситуации, существовавшей во время создания СБСЕ, переросшей затем в ОБСЕ, и современной ситуации в СВА. Достаточно упомянуть, что создание этой общеевропейской системы в 1975 г. стало возможным в период кульминации идей разрядки и мирного сосуществования — в результате формирования широкого консенсуса в отношении признания нерушимости послевоенных границ и статус-кво между двумя противостоящими друг другу военно-политическими блоками. Безусловно, отдельные наработки ОБСЕ могут быть применимы в процессе работы над созданием Механизма мира и безопасности в СВА, но в целом искусственные попытки наложить старые схемы на иную политическую ситуацию могут оказаться не только бесполезными, но и вредными.

При этом нельзя не отметить весьма сильный скепсис относительно уместности использования западноевропейского опыта, присущий внутрирегиональным игрокам. Они, в частности, обоснованно указывают на серьезные различия между Европой и Восточной Азией. В качестве важнейшего из них выделяется следующее: локомотивом интеграционного процесса, приведшего со временем к созданию ЕС, стал альянс ведущих на континенте экономических держав — Франции и Германии, сумевших полностью преодолеть чувство враждебности и негативное наследие Второй мировой войны. В Восточной же Азии ситуация прямо противоположная: главные экономические гиганты — Япония и Китай не сумели до конца примириться, и исторические обиды становятся источником периодических осложнений двусторонних политических отношений, что имело место и в последние годы¹⁶. Все явственнее становится борьба между ними за лидерство в регионе. Аналитики указывают на рост национализма в обеих странах, но противоположного свойства: в Ки-

тае — гордости поднимающего гиганта, в Японии — уязвленного чувства нации, проигрывающей экономическое соревнование¹⁷.

Говоря о существенных отличиях базовых характеристик Европы и Восточной Азии, невозможно не отметить фактическую незавершенность как “горячей”, так и “холодной войны” на Корейском полуострове, где КНДР и РК формально находятся в состоянии войны, лишь прерванной соглашением о перемирии; отсутствие между некоторыми государствами общепризнанных границ и даже дипломатических отношений (КНДР—Япония, КНДР—США); наличие территориальных претензий и споров у Японии почти со всеми соседями (Россия, КНР, РК) и т.д. Эти факторы, естественно, осложняют перспективы налаживания тесного регионального сотрудничества.

Для многостороннего процесса структурные, институциональные и процедурные моменты зачастую имеют не менее важное значение, нежели вопросы конкретного содержания. Однако при этом важно извлекать должные уроки из некоторых примеров недалекого прошлого.

Как известно, в 1980-е гг. идеи создания многосторонних систем безопасности в АТР выдвигались и СССР, и рядом других, преимущественно, англо-саксонских стран. Они не имели успеха как в силу своей “умозрительности”, так и потому, что предлагались в привычной для Европы политической манере: сначала сформулировать инициативу, затем организовать масштабную встречу на высшем уровне, принять солидный итоговый документ, собрать политический и пропагандистский капитал от ее проведения и лишь после этого начинать размышлять о содержательном наполнении принятых установок. Для политического мышления восточноазиатских стран характерно стремление двигаться не от общего к частному, а наоборот — “снизу”, когда созданию каких-то новых структур и их договорно-правовому оформлению предшествуют изменения на уровне сознания и вызревание необходимых условий для зарождения каких-то новых тенденций и конкретных шагов.

С этой точки зрения можно отметить, что, по сути, многосторонний процесс в СВА уже запущен в форме шестисторонних переговоров. Пока нет необходимости изобретать что-то новое в дополнение к уже созданному. Можно дорабатывать существующий формат, а по мере достижения консенсуса среди стран-участниц договариваться о расширении круга обсуждаемых вопросов, институционализации его структуры, подключении к работе новых государств-членов. Иначе говоря, зародыш Механизма мира и безопасности в СВА уже создан и важно способствовать его развитию естественным путем, без излишней спешки и по мере готовности партнеров к внесению тех или иных коррективов в его работу.

Вместе с тем хотелось бы предостеречь от излишнего оптимизма в отношении перспектив. На нынешнем этапе перед странами СВА стоит задача формирования системы безопасности в условиях несовпадающего и даже диаметрально противоположного восприятия существующих и потенциальных угроз и рисков, равно как и выбора вариантов реагирования на них. Так, страны “тройки” — США, Япония и Южная Корея склонны видеть главную угрозу безопасности в регионе в “деструктивном поведении” и агрессивных намерениях Северной Кореи, полагая, что последняя, во-первых, преследует цель добиться объединения Корейского полуострова путем применения военной силы и, во-вторых, способна к нападению на Японию с использованием своего арсенала баллистических ракет. Для Вашингтона КНДР — прежде всего, страна с “диктаторским, тоталитарным режимом”, распространяющая ядерное оружие и угрожающая соседям,

нарушающая права человека, принципы демократии и тем самым бросающая вызов странам “свободного мира” в Азии. К списку “грехов”, приписываемых Пхеньяну, Вашингтон и его союзники обычно относят также и участие в продаже ракет и ракетных технологий, распространении фальшивых денег и наркотиков ради пополнения скудного бюджета страны.

У Пхеньяна, в свою очередь, другие страхи. Там уверены, что США преследуют целью уничтожение существующего в КНДР строя либо путем прямого вооруженного нападения, либо методами постепенного “удушения” страны за счет углубления ее международной изоляции, перекрытия доступа к международной валютно-финансовой системе и “расшатывания” изнутри существующего строя, требуя проведения экономических реформ, навязывая западные ценности. Нелишне еще раз отметить, что испытывая серьезные подозрения в отношении подлинных намерений “враждебных сил”, в Пхеньяне считают на данном этапе единственной реальной панацеей от всех бед и зол обладание ядерным потенциалом¹⁸. Известно приписываемое Ким Чен Иру высказывание, что только благодаря этому фактору “страна может спать спокойно”. Люди, стоящие у руля управления в Северной Корее сегодня уверены в том, что, если этот “ядовитый зуб” будет полностью удален, страна останется полностью незащищенной перед лицом вооруженного агрессора, и с ней попросту никто не будет разговаривать.

Позиция Китая — весьма уклончивая, как это бывает всегда, когда речь не идет о его жизненно важных интересах. В целом она сводится к тому, что Восточная Азия находится в процессе трансформации и торопить естественный ход событий не следует. Сначала надо определиться с пониманием общих угроз — военных, экономических и экологических и выработать единые подходы к ним, и лишь затем приступать к формированию региональных институтов. Иными словами, Пекин в принципе выступает за развитие процессов многосторонности, но считает преждевременным говорить о чем-то конкретном применительно к СВА¹⁹.

Другая получившая определенное распространение концепция состоит в том, что важным предварительным условием обсуждения и решения вопросов собственно военной безопасности может стать более активная работа по развитию интеграционных процессов в регионе. Но и здесь имеются свои “подводные камни”. Дело в том, что СВА в принципе отвечает лишь одному критерию региональной общности — географической близости входящих в него стран. Фактор же экономической взаимозависимости, который для стран АТР играет преобладающую роль, в СВА проявляет себя очень неравномерно. Соответственно СВА в целом как регион в значительной мере остается в стороне от интеграционных процессов, которые как раз и могли бы стать мощными скрепами, а то и каркасом, на котором впоследствии основывалось бы движение к региональной консолидации и взаимопониманию. Если в рамках тройки КНР—Япония—РК степень двухстороннего и тройственного сотрудничества, в том числе в сферах инвестиций и торговли достигла высоких параметров²⁰, то России, Монголии и, тем более, КНДР предстоит еще приложить много усилий, чтобы подключиться к вышеотмеченным процессам.

Для понимания того, насколько велики еще в регионе силы “отталкивания”, можно привести примеры несбывшихся надежд на налаживание весьма выгодных для России, КНДР и РК крупномасштабных экономических проектов — таких как воссоздание Транскорейской железной дороги и ее соединение с Транссибом для доставки контейнерных грузов в Европу; создание широкого

энергетического кольца, часть которого проходила бы с российского Дальнего Востока через территорию Корейского полуострова, строительство газопровода для подачи российского природного газа на юг Кореи. Сложная военно-политическая обстановка на Корейском полуострове и, соответственно, высокая степень рисков не только отпугивают потенциальных инвесторов, но делают эти перспективные проекты на современном этапе просто нереальными.

На определенном историческом этапе задача побудить Северную Корею к отказу от ядерного оружия способствовала объединению усилий ряда абсолютно несхожих стран региона, обеспокоенных перспективами поддержания мира и стабильности в регионе. Мы не относимся к числу оптимистов, однако исходим из того, что со временем данная проблема может быть решена. Вслед за этим возникнет, однако, вопрос о том, что делать дальше: распускать “шестисторонку” или перенацеливать ее на решение иных более сложных задач?

Сталкиваясь сегодня с полным отсутствием ясности в вопросе о судьбе шестистороннего механизма и в тоже время признавая необходимость сохранения этого уникального формата, некоторые участники “шестисторонки” начинают размышлять в том плане, что и в “постядерный период” пекинский диалог должен оставаться форумом, предназначенным преимущественно для обсуждения проблематики Корейского полуострова, а если говорить прямо — северо-корейских дел, хотя повестка дня и круг обсуждаемых тем еще будут подлежать уточнению. Такой подход мотивируется тем, что даже и безъядерная Корея будет по-прежнему оставаться очагом напряженности и нестабильности в регионе, а “непредсказуемый и опасный” режим в Пхеньяне требует постоянного внешнего мониторинга, идеальным инструментом для осуществления которого как раз и является “площадка” шестисторонних переговоров.

Крайняя, но весьма откровенная точка зрения в рамках таких теоретических изысканий состоит в том, что после ликвидации северо-корейской ядерной угрозы конечной точкой маршрута должна стать “разгерметизация” КНДР, что подразумевает осуществление коллективных усилий в целях принуждения Пхеньяна к политике “открытости и реформ”, разоружению в военной области, демократизации страны и постепенному превращению в “нормальное цивилизованное государство”. Иными словами, в соответствии с подобной логикой повестка “шестисторонки” (либо Механизма мира и безопасности, который ее со временем заменит) могла бы включать последовательное рассмотрение таких вопросов, как сокращение конвенционных вооруженных сил КНДР до “разумного минимума”, отказ от ракетных вооружений, уничтожение вроде бы имеющегося у Пхеньяна химического и биологического оружия, а затем — плавный переход к вышеупомянутым мероприятиям политического характера.

“Маленький”, но на самом деле принципиально важный нюанс, о котором авторы подобных воззрений предпочитают умалчивать, состоит в том, согласится ли КНДР с подобной “дорожной картой” дальнейшей работы, как и в каком кругу рассматривать предлагаемую повестку в условиях предсказуемого бойкота северо-корейцами таких переговоров, а также какой будет реакция Пхеньяна, если рецепты “приобщения к цивилизованному сообществу” будут навязываться ему силой.

Остается неясность и в других вопросах. Например, если корейская тема все же будет доминировать в деятельности механизма, то как, на каком этапе и в каком формате будет решаться вопрос о замене перемирия в Корее от 1953 г. на прочный мир. Другими словами, перейдет ли этот вопрос в компетенцию Меха-

низма мира и безопасности, что было бы логично с учетом его особой значимости для безопасности и стабильности в СВА, или же “доводить дело до конца” будут те государства, кто подписывал соглашения о перемирии — США (от лица “сил ООН”), Китай, КНДР и, возможно, Южная Корея²¹.

Важно отметить, что за исключением корейской, все другие гипотетические темы для работы Механизма мира и безопасности в СВА пока не находят понимания у соответствующих сторон. Мотивы приводятся разные: либо они еще не созрели для вынесения на широкое обсуждение, либо их обсуждение уже ведется в других, как правило, двусторонних форматах. Например, можно предположить, что китайцы будут категорически выступать против обсуждения тайваньской темы в многостороннем формате. Японцы и южнокорейцы станут возражать против неизбежных выступлений северокорейцев по поводу укрепления их вооруженных сил в рамках военно-политических альянсов с США и требований о выводе американских войск с территорий соответствующих стран.

Ни Россия, ни Китай, ни Япония, ни Южная Корея не заинтересованы в вынесении двусторонних территориальных споров на третейский суд региональной структуры, тем более, что верховным арбитром в таком случае могли бы стать США, которые не имеют существенных территориальных проблем с другими державами этой части мира, но приложили руку к созданию известной проблемы российско-японского территориального размежевания. Наконец, Россия как единственный экспортер углеводородных ресурсов вряд ли заинтересована оказаться в такой ситуации, когда ей пришлось бы испытать совокупное давление стран нетто-импортеров нефти и газа, каковыми являются все без исключения потенциальные участники Механизма мира и безопасности в СВА.

В порядке резюме можно отметить, что ситуация с созданием и даже предварительной концептуальной проработкой вопроса о будущей региональной структуре по безопасности выглядит не очень обнадеживающей. Слишком мощные и разноплановые игроки собрались в рамках планируемой многосторонней структуры, слишком велик будет соблазн воспользоваться пока еще даже не появившимся на свет формированием, чтобы не попытаться подчинить его своему влиянию и интересам.

Кроме того, региональный институт — вовсе не панацея: из вышесказанного видно, что многие чувствительные вопросы будут решаться помимо него и посредством других каналов. Следует учитывать, что в последние два-три года в АТР ускоренными темпами идет институционализация и систематизация узкоформатных механизмов взаимодействия, например, между США, Японией и Южной Кореей, а также по линии Восточноазиатского “триалога” — Япония — КНР — РК,²² в рамках которых налаживается обсуждение общих контуров новой системы безопасности и мира в регионе, предпринимаются попытки координации внешнеполитических курсов соответствующих стран, определения характера существующих угроз и способов противодействия им.

Говоря о вышеупомянутой “тройке”, нельзя не отметить, что состоявшийся в конце мая 2010 г. на о-ве Чеджудо очередной саммит РК—КНР—Япония серьезно продвинул вперед их планы наращивания взаимодействия и интеграции в актуальных для участников областях. По итогам встречи был принят концептуальный документ, названный “Трехстороннее сотрудничество — видение на 2020 г.”. В нем ставятся конкретные и многоплановые задачи расширения взаимных связей в политической, торгово-экономической, финансовой, научно-технологических областях, культуре, а также в сфере безопасности и борьбы с тер-

роризмом, пиратством, распространением ОМУ, трансграничной преступностью. Конечная цель данных усилий — создание в перспективе Восточноазиатского сообщества, предлагаемого японской стороной. В этих целях участники договорились придать встречам на высшем, высоком и рабочем уровнях регулярный характер, учредить для координации этих контактов в 2011 г. в Сеуле постоянно действующий трехсторонний секретариат. Тем самым, получила подтверждение тенденция к формированию в лице трех стран мощного центра экономического тяготения в СВА (в 2009 г. совокупный внешнеторговый оборот Китая с Японией и РК составил 423 млрд долл.), который будет оказывать возрастающее воздействие на дальнейшее развитие ситуации в данном регионе.

При этом наиболее характерным становится стремление США использовать собственно военно-политические альянсы в регионе в качестве своеобразного “ядра”, системообразующих элементов более широких процессов и площадок, что видно на примере “тройственного стратегического диалога” (официальное название “сиднейской тройки”), в рамках которых формируется многоуровневый механизм военно-политической координации. Принципиальная позиция США заключается в том, чтобы вести дело к созданию новой архитектуры безопасности в АТР в целом — вроде предлагаемой Австралией инициативы об образовании Азиатско-Тихоокеанского сообщества, в то время как существующим или планируемым субрегиональным институтам будет отводиться роль “пристяжных” для решения локальных, частных задач — вроде работы на северокорейском направлении.

При таком раскладе существует опасность, что еще не созданный Механизм мира и безопасности в СВА ожидает судьба быть по крайней мере тесно привязанным к формируемым под эгидой США и их союзников более мощным и целостным региональным структурам, а участие в нем — на заведомо второстепенных ролях России и Китая — будет придавать видимость универсальности этой организации.

Впрочем, реальная практика, порой, опрокидывает казалось бы самые правдоподобные предположения и расчеты, поэтому время “хоронить” пекинский процесс как прообраз будущего регионального института еще не пришло²³. Можно сказать и то, что любой зарождающийся многосторонний процесс представляет важность как стимул для будущих изменений. Со временем и по мере начала активной деятельности он может стать катализатором вызревания тенденций, которые в конечном итоге приведут к формированию новой модели межгосударственных отношений в Северо-Восточной Азии.

1. *Бородавкин А.Н.* Многомерная архитектура для полицентричного Азиатско-Тихоокеанского региона // *Дипломатический ежегодник-2009.:* ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ МИД РФ. 2010. 27 февр. С. 11.
2. *Smith S.A.* Regional Impulses in Northeast Asia, January 14, 2010. — http://www.cfr.org/project/1352/regional_impulses_in_northeast_asia.html; *Klein B.P.* Focus on East Asia Security, Gulf News, January 13, 2009. — http://www.cfr.org/publication/18208/focus_on_east_asia_security.html.
3. *IISS-Asan Korea Forum, Korea in the Emerging Asian Power Balance, Seoul, 2008. 26-28 September. P. 69-74.*
4. *International Crisis Group Asia Report. Brussels. 2005. P 28-29.*
5. Выступление заместителя министра иностранных дел России А.Н.Бородавкина на организованной Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации на-

- учно-практической конференции на тему “Азиатско-Тихоокеанский регион и национальная безопасность Российской Федерации”, Москва, 18 марта 2010 года. — // www.mid.ru.
6. *Brazinsky G.A.* The United States and Multilateral Security Cooperation in Northeast Asia. // *Asian Perspective*. Seoul. 2008. Vol.32, #2. P. 34.
 7. U.S.-Korea-Japan Relations: Building Toward a “Virtual Alliance. / Washington., Center for Strategic and International Studies, 1999;
Kim Sung-han. Searching for Northeast Asian Peace and Security Mechanism // *Asian Perspective*. Seoul. 2008. Vol.32, № 4. P. 151.
 - 8 *Brazinsky G.A.* Op. cit. P. 35.
 9. Ibid.
 10. *Koo Bon-Hak.* Battle with the Wind and Waves: Uncertainty and Instability in Northeast Asia. // *New Asia*. Seoul. 2009. Vol. 16. № 2. P. 83.
 11. “Вздорная теория “цепной реакции” ядерного распространения” // Нодон синмун. Пхеньян, 2009. 27 июля.
 12. *Choi Kang.* The Six-Party Talks: Platform for Regional Security Cooperation // *IFANS Review*. Seoul. 2006. Vol. 14. № 1. P. 5.
 13. *Koo Bon-Hak.* Global Korea and Multilateral Security Cooperation in East Asia // *New Asia*. Seoul. 2009. Vol. 16. № 4. P. 85.
 14. *Tara O.* Building Peace Regime on the Korean Peninsula and in Northeast Asia // *Korea and World Affairs*. Vol. 31. № 4. 2007. Seoul, ROK. P. 432.
 15. A Framework for Peace and Security in Korea and Northeast Asia. Report of the Atlantic Council Working group on North Korea // *Global Asia*. 2007. Vol 2, № 2. Seoul. P. 113.
 16. *Лузянин С., Сафронова Е., Свешников А.* Некоторые итоги внешнеполитической активности КНР в 2005 г. // *Проблемы Дальнего Востока*. 2006. № 3. С. 64.
 17. *Борох О., Ломанов А.* Китай: возвращение Небесного повеления // *Pro et Contra*. 2009. № 3–4. С. 79.
 18. “Представитель МИД КНДР подчеркнул, что во враждебной политике США по отношению к КНДР нет ни малейших изменений” // ЦТАК. 2009. 8 мая.
 19. *Qiu Hua-fei.* Globalization and China's Asia-Pacific Security Environment // *Korea and World Affairs*. Seoul, 2007. Vol. 31. № 4. P. 456.
 20. *Kim Sung-han.* Searching for Northeast Asian Peace and Security Mechanism // *Asian Perspective*. Seoul, 2008. Vol.32, № 4. P. 144.
 21. *Kim sung-han.* Achieving Nuclear Disarmament and Building a Peace regime on the Korean Peninsula // *Korea Focus*. Seoul, 2007. Vol. 15, № 1. P. 114.
 22. *Eun Yong-soo.* How to Make Northeast Asia Safer: Identifying Security Threats, Analyzing the Causes, and Suggesting Alternatives // *Korea and World Affairs*. Seoul, 2007. Vol. 31. № 3. P. 356–360.
 23. *Van Ness P.* Designing a mechanism for Multilateral Security Cooperation in Northeast Asia // *Asian Perspective*. Seoul, 2008. Vol. 32, № 4. P. 107, 124.

Эволюция геополитических взглядов в Китае

© 2010

Я. Бергер

На основе анализа опубликованных за последнее время в КНР книг рассматриваются геополитические воззрения китайских исследователей различной идейной ориентации: националистической, великодержавно-экспансионистской и реалистической. Та или иная ориентация в значительной мере предопределяет выбор военной доктрины и внешнеполитической стратегии. Подлинным национальным интересам КНР соответствует лишь реалистический подход.

Ключевые слова: геополитика, стратегия, безопасность, вестернизация, национализм, великодержавие, экспансионизм.

В последние годы наметились важные перемены в глобальной геополитической обстановке. В немалой степени они связаны с растущей ролью Китая в мировом балансе сил. Им способствует как поступательное продвижение Китая к реализации своих долгосрочных стратегических целей, так и глобальный кризис, поразивший больше всего многолетних лидеров мировой экономики и политики.

Глобальный финансовый кризис и вызванный им упадок мировой экономики, по словам Чжан Дэгуана, бывшего главы секретариата ШОС и посла КНР в России, ослабили совокупную национальную мощь США и стран Запада и бросили вызов способности США управлять порядком в мире. Кризис также нанес серьезный ущерб и развивающимся странам, но он не смог обратить вспять крепнущую в последние годы тенденцию к сокращению экономического разрыва между развитыми и развивающимися странами, к увеличению влияния последних на международные дела¹.

Столь крупные сдвиги не могли не найти отражения в общественной мысли Китая, включая работы политологов и других профессионалов, анализирующих действующие тенденции и выстраивающих свои стратегические гипотезы на перспективу. Серьезные изменения происходят и в нынешних взглядах китайских экспертов на международные позиции и внешнюю политику Китая по сравнению с теми, что преобладали в докризисную эпоху².

Эволюцию можно заметить в нескольких направлениях. Прежде всего, следует констатировать определенную *радикализацию* подходов. Самое главное, по-видимому, заключается в идее о том, что Китай должен максимально использовать для дальнейшего рывка вперед те благоприятные возможности, которые предоставляет ему нынешняя историческая обстановка. Упустить исторический

Бергер Яков Михайлович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН, заместитель главного редактора журнала "Проблемы Дальнего Востока".
E-mail: yakovberger@mail.ru.

шанс, не воспользоваться им в данный конкретный момент может означать, по глубокому убеждению Пекина, утрату его навсегда. Сегодняшняя ситуация представляется наиболее выгодной для решительного усиления позиций КНР по многим, если не по всем, векторам международной политики. А это означает, что прежнее осторожное, поступательное движение, фиксировавшееся в концепции мирного развития Китая, оказывается недостаточным, и на повестку дня встает ее модификация, главным образом, путем сочетания ее с *глобальным расширением сферы государственных интересов КНР*.

Военная доктрина КНР официально по-прежнему считается оборонительной. Однако поскольку оборонная политика и военная стратегия определяются национальными интересами, а последние, как отмечено выше, подвержены глобальной диффузии, то и горизонты обороны тоже существенно раздвигаются. «Национальная оборона должна защищать государственные интересы и владеть стратегической инициативой в пространстве, выходящем за рамки территориального суверенитета»³. Соответственно в задачи стратегии включают отстаивание экономических и иных интересов государства на дальних рубежах всеми мерами, включая вооруженную мощь.

Целенаправленное изменение мирового баланса сил не может протекать бесконфликтно. Отсюда меняется и восприятие угроз национальной безопасности. До кризиса абсолютно доминировало представление о том, что непосредственной военной угрозы безопасности Китая не существует, что главными целями внешнеполитической стратегии являются обеспечение мирной внешнеполитической обстановки для модернизации и развития КНР, избежание конфронтации и холодной войны с Западом, особенно с США. Теперь многие исследователи констатируют возрастающую опасность окружения Китая и выхода из-под контроля очагов напряженности внутри страны и по периметру границ.

Другой важной тенденцией современной геополитической мысли можно считать значительную *диверсификацию* воззрений китайских исследователей. Еще несколько лет назад такого разнообразия, как сегодня, не существовало. Наблюдались, конечно, немалые различия между старыми и новыми левыми, между левыми и либералами — преимущественно по вопросам экономического, социального, внутривластного строительства. Но в международных вопросах преобладали анализ и комментирование модифицируемых официальных доктрин в более или менее схожем ключе.

Ныне ситуация многократно усложнилась. Официальные доктрины в ряде случаев вообще оставляются без рассмотрения, а взамен предлагаются концепты, либо собственного производства, либо заимствованные у западных коллег и более или менее приспособленные к национальной почве. При этом, однако, и это самое важное, при всем многоцветии сегодняшних воззрений их базовые императивы оказываются нередко весьма близкими друг к другу, а способ их изъяснения значительно более откровенный, чем это было принято прежде.

В настоящей статье делается попытка на основании китайских публикаций последнего времени проследить некоторые формы меняющегося самоощущения китайских интеллектуалов и элиты и восприятия ими окружающего мира и места в нем Китая. Предлагаемая панорама, разумеется, не претендует на полноту. Из рассматриваемого ниже материала не совсем также ясна распространенность тех или иных направлений геополитической мысли. Тем не менее, сходства, и различия их контента проявляются с достаточной очевидностью.

В литературе, посвященной проблемам становления Китая как мирового лидера, можно выделить три основных течения. Первое отличается безусловной антизападной, особенно — антиамериканской направленностью. Здесь фигурируют как работы публицистического характера, уповающие на возврат к традиции, так и сочинения, опирающиеся на военные доктрины.

Второе направление представлено теми, кто видит путь Китая к возвышению в сочетании сотрудничества и противоборства с Соединенными Штатами Америки, при сильной примеси негативизма в отношении России. В общем отношении к Западу хитроумные расчеты в духе древних стратагем парадоксальным образом сочетаются с сервильностью.

Между работами националистического и великодержавно-экспансионистского толка нет непроходимого барьера. В ряде моментов позиции их авторов сходятся. Вместе с тем современный китайский национализм — это, прежде всего, достаточно широкая *общественная реакция* на агрессивную и гегемонистскую внешнюю политику США, на усиление разлагающего идеологического и культурного влияния США в самом Китае и на попытки проамерикански настроенных представителей китайской элиты навязать Китаю американскую модель развития и усилить его зависимость от США. Необходимо также особо подчеркнуть, что работы китайских националистов, как правило, лишены антироссийской направленности.

Что же касается сочинений по преимуществу великодержавно-экспансионистского характера, то они выражают взгляды определенной части китайской *политической и военной элиты*, которая имеет немаловажные позиции в истеблишменте и намерена усиливать свое влияние на внешнюю и оборонную политику страны. В отличие от националистов авторы великодержавно-экспансионистских работ не верят в возможность широкомасштабного вооруженного столкновения США и Китая. Задачи восхождения Китая на позиции мирового лидера они надеются решать путем лавирования и постепенного оттеснения США на вторую позицию, в частности, путем использования для реализации своих планов Японии и мусульманского мира. Если националисты полагают, что Китай для восстановления своей территориальной целостности и обеспечения безопасности поставок энергоресурсов и торговли должен усиливать свои позиции на южном направлении, опираясь на строительство мощных ВМФ и ВВС, то великодержавники стремятся повернуть экспансию Китая в северном и западном сухопутных направлениях, в сторону Центральной Азии и Сибири.

В третьем направлении центральное место занимают работы, идеологически менее ангажированные, претендующие на использование более рационального, аналитического и теоретического подхода. Их исходные позиции более близки реальным национальным интересам Китая. Они, как правило, выступают за сотрудничество с Россией, хотя и не всегда готовы в полной мере уважать ее интересы, особенно в тех случаях, когда с не слишком дальновидной точки зрения, российские интересы на соседних территориях не совпадают с интересами Китая.

В отношениях с Западом и США реалисты занимают достаточно сдержанную, прагматичную позицию. Они вполне отдают отчет в наличии огромной дистанции, которая отделяет сегодня Китай от тех позиций, которые на деле позволили бы ему претендовать на роль мирового лидера, и стремятся не доводить до крайности неизбежные трения и конфликты столь долго, насколько это окажется возможным.

Национализм.

Авторы радикально антизападных и антиамериканских публикаций — люди разного социального статуса, разных профессий, разного отношения к истеблишменту, но объединяемые сходным душевным порывом, единым неприятием западных рецептов по развитию Китая, единым осуждением попыток Запада сдерживать Китай, создавать для него внешние угрозы.

Важным компонентом данного течения общественной мысли служат призывы к демистификации Запада, особенно США, к освобождению от иллюзий на счет западных ценностей, западного образа жизни, приверженности к миролюбию.

Среди наиболее заметных публикаций антизападной направленности следует упомянуть, прежде всего, сочинения двух публицистов из авторского коллектива, выпустившего несколько раньше книгу “Китай недоволен”, которая вызвала неодобрение либерально настроенных интеллектуалов и поддержку пользователей Интернета с “левыми” настройками. Один из этих авторов — Лю Ян опубликовал (кстати говоря, в официальном издательстве “Жэньминь чубаньшэ”, что, несомненно, свидетельствует о наличии у него определенной политической поддержки) произведение под названием “Для Китая нет образа”⁴.

По словам Лю Яна, за 30 лет реформ сбылись многие чаяния китайского народа, связанные с повышением его жизненного уровня. Но вместе с тем Америка стала для многих образцом для подражания в самых различных областях жизни. Китайская мечта стала походить на американскую.

Указывая на пороки западной цивилизации и утверждая, что наступает ее закат, автор подводит читателя к мысли, что образцом для мира должен стать Китай, с его более рациональной, чем у Запада, системой ценностей и со своими традиционными представлениями о законе и демократии. Китай, полагает Лю Ян, должен черпать способность противостоять новым вызовам из своей традиционной культуры. Необходимо коренное изменение западной цивилизации, что возможно только, если человечество поставит мораль выше выгоды. И эту великую миссию должен осуществить Китай: сначала в своих пределах, а затем, по своему примеру, повсеместно. Очень вероятно, что не желающие сойти со сцены игроки, для которых выгода превыше всего, пойдут на новые конфликты. Поэтому Китай должен обладать достаточным военным потенциалом, чтобы в случае необходимости защитить свои национальные интересы. Такова китайская мечта, которая принадлежит всему человечеству, но, прежде всего, самим китайцам. Настанет день, когда существование Китая станет, утверждает Лю Ян, счастьем для всего мира.

Другой автор из числа “недовольных” — Ван Сяодун, который, начиная с 90-х годов прошлого века, выступает, по его собственному определению, провозвестником “современного китайского национализма”. Национализм, считает Ван Сяодун, это всего лишь стремление превратить свою страну в сверхдержаву. По сути, это — своего рода патриотизм, направленный, прежде всего, против “разсизма наизнанку”, против самоуничужения перед Западом, перед “белым человеком”. При этом утверждается, что национализм не противостоит демократическим порядкам, что за пределами страны он должен отстаивать права нации, а внутри страны — права человека.

Новая книга под названием “Большое государство по воле Неба” представляет сборник ранее опубликованных работ⁵. Их важнейшим отправным момен-

том служит понятие “жизненного пространства”. Китай, утверждает Ван Сяодун, должен, как минимум, защищать свое жизненное пространство и “рационально расширять” его. Вооруженная мощь нужна Китаю, чтобы в условиях глобализации экономических и иных интересов эффективно отстаивать их на дальних рубежах, защищать право нации на существование и мир во всем мире.

Особую группу публикаций этого типа представляют работы военных аналитиков. В них главное внимание уделяется угрозам, которые представляет для Китая политика США, и проводится мысль, что Китай может выйти на лидирующие позиции в мире, лишь опираясь на превосходящую военную мощь.

Одна из наиболее известных фигур китайского Интернета — старший полковник ВВС, научный сотрудник Центра стратегических исследований Пекинского университета Дай Сюй. В начале 2010 г. вышла книга Дай Сюя, в которой прокламируется неизбежность войны⁶. Рассматривая ситуацию в государствах, которые находятся в подковообразной полосе, опоясывающей Китай с востока, юга и запада, Дай Сюй повсюду видит наращивание наступательных вооружений и приготовления к войне, координируемые США. Единственный не замкнутый пока участок находится в Северо-Восточной Азии и вдоль границы с Россией. Но полковник опасается, что Япония может договориться с Россией, а если изменится еще и ситуация на Корейском полуострове, то кольцо вокруг Китая полностью сомкнется.

Стремление США окружить Китай, полагает Дай Сюй, диктуется не природной враждебностью, не столкновением цивилизаций или идеологий, а исключительно стратегической целью США создать глобальную империю. Все, что происходит вокруг Китая, а также терроризм и беспорядки в его национальных районах — это не случайные, изолированные события, а звенья единой стратегии США. И чем дальше, тем опаснее будут становиться такие события.

США, по мнению Дай Сюя, фактически реализуют план, разработанный З. Бжезинским. Американский геополитик исходил из того, что глобальные интересы США сосредоточены на трех фронтах. Методы на этих фронтах использовались разные. Против исламского мира — прямые военные удары. Против России — цветные революции, продвижение НАТО на восток, давление с помощью противоракетных систем, осада и расчленение. Против Китая — связывание экономики, истощение финансов, геополитическое окружение, политическое вмешательство, посулы, военное давление и дипломатическое раскачивание.

К сожалению, пишет Дай Сюй, у трех оппонентов США пока отсутствует солидарное восприятие этой ситуации и желание взаимодействовать. Каждый в основном ведет свою собственную борьбу, защищает себя. Иногда они даже оказывают стратегическое содействие США в уничтожении оппонента. Например, при американском вторжении в исламский мир под предлогом борьбы с терроризмом Россия предоставила США базы и информационную поддержку. США, однако, не ответили России взаимностью, а напротив, стали разрушать СНГ посредством цветных революций, устанавливая противоракетные системы в Восточной Европе, выдавливая Россию из ее стратегического пространства. Россия, наученная горьким опытом, извлекла необходимые уроки. Об этом говорят ее действия после начала грузинской войны. Россия не уступила ни пяди земли США и Западу в Центральной Азии, и американская военная колесница повернула в сторону Китая, пытаясь осуществить прорыв на этом направлении.

Китай тоже оказал моральную и материальную поддержку антитеррористическим акциям США в Афганистане, а США в ответ начали вести с афганской

территории радиовещание на уйгурском языке, передавая Ребии Кадир инструкции по организации террора и беспорядков в Синьцзяне.

За 20 лет после окончания холодной войны США добились крупных успехов на всех трех направлениях. Они взяли под свой полный контроль всю территорию исторических империй: Персидской, Александра Македонского, Римской, Чингис-хана, Османской, Британской, большую часть Российской империи, периферию Китайской империи при ханьской и танской династиях и готовятся поглотить всю бывшую Российскую империю и сердцевину Ханьской и Танской империй.

Положив в основном после расправы с Саддамом конец возрождению исламского мира, США усилили давление на Россию и Китай. США не только держат Китай в полукольце, они его шаг за шагом удушают. Из 28 отраслей китайской экономики США контролируют 21. В течение многих лет, пока Китай был одурманен данными о ВВП и объемах внешней торговли, США вели курс на его экономическое обессиливание. Они занимают у Китая деньги и вкладывают их в его экономику, уничтожают китайские бренды, контролируют добычу полезных ископаемых, приобретают паи в китайских банках, манипулируют рынками капитала и недвижимости, не позволяя Китаю покупать американские предприятия, не поставляют Китаю высокие технологии и вооружение, разрешая лишь приобретать большие партии своих казначейских облигаций.

Американская внешняя политика, по словам Дай Сюя, направлена на изоляцию Китая, на отторжение от него друзей и союзников. Усиливается американская поддержка "пятой колонны" внутри страны. США, убежден Дай Сюй, могут быстро вооружить 300–500 тысяч противостоящих Центру уйгур и мгновенно перерезать нефтяные и газовые артерии Китая. Далай-лама, по словам Дай Сюя, тесно связан с деятелями демократического движения в Китае, с Демократической прогрессивной партией на Тайване. США внедряют также множество шпионов в важные отрасли экономики и в научные учреждения.

США окружают Китай не потому, что они стремятся осуществить прямое вторжение на его территорию, но для того, чтобы Китай тратил свой военный бюджет на бесполезную ее оборону, они не могут допустить, чтобы он бросил вызов превосходству США на море и в воздухе, обеспечивающему их мировую гегемонию.

Войну, настаивает Дай Сюй, нельзя допустить на китайскую территорию. Ее надо вести на дальних оборонительных рубежах, не ближе 4 тыс. км. Поскольку у Китая нет союзников, нет авианосцев, нет стратегических опорных пунктов, постольку главный упор надо делать на авиацию дальнего действия. Нельзя стремиться только к тому, чтобы избежать войны. Справедливая и законная война необходима. Китай, полагает Дай Сюй, не может избежать войны, причем в ближайшем будущем, не позже, чем в течение 10–20 лет.

Действуя против Китая, США одновременно стремятся расчленить Россию. Чтобы поставить под свой контроль евроазиатский материк, им нужно устранив и Китай, и Россию. Независимо от того, кто из них падет первым, другой непременно станет следующей жертвой.

Великодержавие и экспансионизм

Весьма влиятельным представителем великодержавно-экспансионистского направления китайской геополитики можно считать генерал-лейтенанта НОАК Лю Ячжоу. В конце января 2010 г. он занял должность политкомиссара и

секретаря парткома Университета государственной обороны. Это учебное заведение, непосредственно подчиненное Центральному военному совету КПК, готовит высший командный состав вооруженных сил КНР. Ректор и политкомиссар университета по своему рангу приравнены к командованию военными округами.

Лю Ячжоу — зять Ли Сяньняня, в прошлом — одного руководителей КНР. Это означает принадлежность к высшей политической элите страны нашего времени.

В 80-е годы прошлого века Лю Ячжоу имел возможность стажироваться в США. Возвратясь на родину он стал быстро продвигаться по карьерной лестнице. На XVII съезде КПК его избирают членом Центральной комиссии по проверке дисциплины.

Интересы Лю Ячжоу весьма многосторонни. Помимо собственно военной стратегии, в поле его зрения находятся внешняя и внутренняя политика, экономика, этика и мораль, религия и культура.

Сравнивая Китай с Западом, Лю Ячжоу констатирует превосходство последнего во многих отношениях. С его точки зрения, западная элита намного более совершенна, чем китайская. Особенно высоко ставит Лю Ячжоу американскую демократию. По его словам, она проникает в кровь и плоть американцев. Такая нация, говорит он, более, чем какая-либо другая, достойна благоденствия, и только она может господствовать в мире⁷.

В тысячелетней конкуренции Востока и Запада, полагает Лю Ячжоу, Запад победил Восток. Одержали верх западная религия, западный дух. По Лю Ячжоу, в истории Китая не было философов и мыслителей, равных Гегелю, Сократу, Платону.

В центре геополитики, с точки зрения Лю Ячжоу, находятся ресурсы. Поэтому безопасность не сводится к неприкосновенности национальной территории. Чем шире раздвигаются интересы, тем дальше должны продвигаться передовые рубежи безопасности.

Поскольку развитие Китая не может опираться только на внутренние ресурсы, постольку именно здесь сталкиваются коренные интересы США и Китая. Поэтому пути к рынкам блокируются с помощью Тайваня, доступ к нефти перекрывается посредством войны в Афганистане, возможности использования мировых рынков продовольствия ограничиваются.

Будущая концепция безопасности Китая включает в себя безопасность собственной территории и сферы интересов. Безопасность границ лимитирована, но пределы безопасности безграничны⁸. Отсюда следует вывод о безальтернативности развития ВВС. В краткосрочной перспективе Китай не может, подобно США, поглотить весь мир, но он в состоянии поглотить несколько его кусков, иными словами, подпитывать себя мировыми ресурсами. Здесь находится болезненный корень затруднений в отношениях с США. Только став неодолимым соперником США, Китай может стать их другом.

США, по Лю Ячжоу не навязывают современному миру свое господство, но устанавливают в нем порядок. Они не в состоянии господствовать в мире и добиваются сотрудничества под своим руководством, а не противостояния. США втягивают и Китай, и Россию в свой порядок, побуждают их следовать установленным ими правилам игры. Эти правила рациональны и потому более приемлемы, чем аналогичные гегемонии, существовавшие в истории.

Лю Ячжоу не сомневается в том, что США хотели бы, чтобы Китай изменил цвет. Но он не верит, что США, действительно, стремятся к развалу Китая и

готовы использовать для этой цели вооруженную экспансию. США не в состоянии в настоящее время развязать против Китая войну, тем более — ядерную. Такая война превратила бы восточное полушарие в руины.

Идеологические разногласия между США и Китаем сводятся к вопросу о приоритетности прав человека или национального суверенитета. Это противоречие неразрешимо, но его и не нужно разрешать. Каждый американский президент в начале своего выборного срока поднимает знамя прав человека, но потом постепенно отодвигает его в сторону. У США и Китая нет непримиримых интересов, убежден Лю Ячжоу. Многополярность не предполагает неперемennого противостояния США, хотя и противоречит их стратегическим интересам.

Американская стратегия в Азии состоит в том, чтобы азиаты боролись с азиатами. Им противостоят здесь Япония и Китай, но главный соперник — Япония, поскольку у нее есть реальная сила, а у Китая она — в потенци. Поэтому главные свои усилия США сосредоточивают на том, чтобы прочно контролировать Японию. И одновременно присматривать за Китаем. У США против Китая есть немало козырей, главный из них — Япония. Больше всего они боятся сближения этих двух стран. Многие считают такое сближение невозможным, но США всерьез его опасаются. Они знают, что сил каждой из этих двух стран в отдельности недостаточно, чтобы поколебать позиции США в Азии. Но совместными усилиями они могут этого добиться. Китайско-японское сближение может бросить серьезный вызов США. Им будет трудно сохранить свое военное присутствие в Южной Корее. А потеряв Восточную Азию, им не удержаться и в Юго-Восточной Азии. США должны будут отступить во всем Тихоокеанском регионе. Сфера их глобального влияния сократится на треть. В Азии США сохраняют лишь маргинальные позиции. Вся политическая обстановка в мире будет перекроена. Наступит подлинная многополярность. От китайско-японского сближения выиграют не только эти две страны, но и весь мир, а проиграют только США.

Ради приобретения источников сырья и энергии Япония способна пойти на новую авантюру. Если возродится японский милитаризм, то, вероятнее всего, он будет направлен на север или на юг: в сторону ресурсов Сибири или Тихого океана. Но на юг его не пустят США, пока сохраняется их присутствие в тихоокеанском регионе. Лю Ячжоу предлагает обдумать возможную поддержку Китаем японских требований о возврате четырех северных островов, чтобы стимулировать решимость Японии продвигаться на север. Он допускает возможность схватки между Японией и Россией за Сибирь в недалеком будущем. Помимо инвестиций в Сибирь ради установления контроля над ней, возможна также тайная поддержка местных раскольнических сил, выступавших за независимость Сибири, за создание "Амурской республики" во время развала Советского Союза. При реализации такого сценария либо понесут урон обе стороны, либо Россия еще более ослабнет и, в конце концов, будет вынуждена уйти из Азии. Япония, получившая контроль над Сибирью и отделенная от Аляски только Беринговым проливом, естественно, будет представлять большую опасность для США. Если же Россия будет готова предоставить Японии возможность одностороннего освоения Сибири, то Китай может выступить с проектом трехстороннего сотрудничества. Однажды войдя в этот район, он уже его не покинет.

Лю Ячжоу утверждает, что в течение почти полутора сотен лет Китай жил под тяжким прессингом со стороны России⁹. Только развал Советского Союза ослабил этот прессинг. Он характеризует русских как нацию экспансионистскую, но вместе с тем обладающую сильным духом самовосстановления. Терри-

тория России сильно уменьшилась и в дальнейшем, полагает Лю Ячжоу, она может еще более сократиться, но люди обрели больше свободы, и это может послужить двигателем нового подъема России, которому, с его точки зрения, надо простоять.

Китай, утверждает он, должен проявлять бдительность по отношению к возрождению России и ни в коем случае не помогать ему. Нужно лишь использовать мощь России, чтобы уравновешивать США, но не допускать, чтобы такая позиция переросла в союзнические отношения. Только если Россия останется слабой, Китай сможет ее использовать. Поэтому ему нужно, чтобы Россия не укрепилась в такой степени, чтобы угрожать Китаю, но и не ослабла настолько, чтобы окончательно опереться на США.

Китай, по убеждению Лю Ячжоу, не может враждовать с США. Он далеко еще не является подлинно крупной державой. Изображать себя таковой и надуть щеки — крайне опасно. Китай не стал еще в полной мере сухопутной военной державой. Попытка же встать в ряд мощных военно-морских держав и строить авианосцы равносильна повторению “большого скачка” в военной сфере. Но это не значит, что Китай не должен стремиться к стратегическому равновесию с США. Только такое равновесие может удержать Тайвань от попыток провозгласить независимость. Мирное возвышение должно опираться на военную силу.

Центр китайской стратегии, полагает Лю Ячжоу, перемещается на запад. Ядро этой стратегии находится в Центральной Азии, которая, по определению Лю Ячжоу, представляет собой второй Ближний Восток. Не только по своим ресурсам, но и в силу своей геополитической и стратегической важности.

Критическое обсуждение взглядов Лю Ячжоу в китайском Интернете продолжается уже несколько лет, то усиливаясь, то некоторое время утихая. Наибольшее неприятие вызывает уничтожение китайской цивилизации и культуры, очернение всего, что на протяжении долгих веков помогало нации сохранять свое единство и целостность. Во многих откликах подчеркивается, что, лишая Китай его духовных корней, Лю Ячжоу фактически оставляет него единственный выход — востороннюю и полную вестернизацию.

Вольно или невольно Лю Ячжоу внушает мысль о неодолимости США. Если дело, действительно, обстоит таким образом, говорят критики подобного подхода, то заявления Пекина, что при определенных условиях он готов применить силу, если например, Тайвань провозгласит свою независимость, оказываются пустыми словами.

Решительный протест вызывает идея японо-китайского сближения для совместного захвата природных богатств Сибири. Резкому осуждению подвергается концепция военного продвижения на запад, способная, как полагают, привести к развалу собственной страны, как это уже было в XIX веке.

Идея грядущего глобального верховенства Китая, опирающегося на вооруженную мощь, развивается также в ряде других китайских публикаций последнего времени. Особенно в этом отношении выделяется упомянутая выше и вышедшая в свет накануне нового 2010 г. книга профессора Университета государственной обороны полковника Лю Минфу “Китайская мечта”¹⁰.

Можно выделить ряд ведущих тезисов, которые в разных вариациях многократно развертываются в довольно объемистом тексте книги. Приведем некоторые из них.

- Китай должен обрести (или — вернуть себе) мировое первенство, или главенство, которое ныне принадлежит США. Он призван взять на себя руково-

дство миром, поскольку американское лидерство угрожает безопасности человечества. Америка, разумеется, приложит все силы, чтобы удержать свои позиции. Китаю не следует питать на этот счет иллюзий.

- Американцы не верят в добрые намерения других стран, в расчет берется только сила. Поэтому Китаю уготована честь быть соперником США.

- США всегда стремились создавать для себя врага. Ныне таким врагом становится Китай. Не в силу расхождений в идеологии или политическом режиме, но исключительно потому, что Китай намерен догнать и перегнать по своей мощи США. США не страшатся Китая социалистического, им страшен Китай сильный. Они предпочли бы иметь дело скорее с Китаем социалистическим, но неразвитым, чем с Китаем капиталистическим и сильным.

- США готовы сотрудничать с социалистическим Китаем и помогать ему, лишь бы он не стремился их догнать и перегнать, лишь бы не домогался ведущего положения в мире. Но добывающийся верховенства Китай, будь он трижды капиталистическим, непременно встретит противодействие со стороны США.

- У Китая и США немало конкретных разногласий: по Тайваню, Тибету Южно-Китайскому морю, по проблемам экономики, участию в международных организациях, распространению ядерного оружия, окружающей среды. Но коренное расхождение — это противоречие между страной, обладающей верховенством, и страной, стремящейся стать таковой.

- Поскольку одолеть Китай Америка не в состоянии, постольку она стремится заключить его в объятия. Вашингтон не мыслит отношения с Пекином иначе, чем отношения ведущего и ведомого, руководящего и руководимого. Это — курс на сдерживание с рукопожатиями и улыбками на устах, с заверениями в готовности к дружбе и сотрудничеству. Попытки вовлечь Китай в международные дела сопровождаются политикой “разделяй и властвуй”, попытками противопоставить Китай Японии, Индии, Австралии. Сдерживание, однако, остается ограниченным, поскольку иначе пострадали бы интересы самих США.

- Политика “дружелюбного сдерживания” характеризуется как “полухолодная война”. Она представляет определенный прогресс по сравнению с “холодной войной”, но все же несет на себе ее следы. Китай хотел бы еще более цивилизовать этот процесс, привнести в него элементы спортивного состязания.

- Китай и США, будучи мировыми державами, обречены на сотрудничество и партнерство в тех областях, где их интересы совпадают. Но во главе угла остается стратегическое соперничество.

- Глобальное первенство для Китая — это не только первенство в экономике, в материальном производстве, но также первенство культурное, духовное. Китай должен стать знаменосцем мировой культуры. Он призван создать культуру, более привлекательную для мира, чем культура американская, такую, которая может способствовать и мирной эволюции Америки. Китайская культура взаимодействует с американской, заимствует из нее полезные элементы. В свою очередь, она может помочь превращению США в негегемонистское государство. Америка — не дьявол и не ангел, но в стратегической конкуренции с ней Китай может способствовать ее восхождению к ангельскому чину и помешать обращению в дьявола.

- Китай должен иметь мощные вооруженные силы. Некоторые полагают, что модернизация национальной обороны не должна ставить задачи догнать и перегнать США, что безопасность Китая не требует создания вооруженных сил

по типу американских или сравнимых с российскими. Но если не ставить перед собой таких задач, то китайская армия останется третьесортной.

- Цель Китая — “богатая страна, сильная армия”. В течение нескольких десятилетий строительство “сильной армии” отставало от строительства “богатой страны”. Теперь настало время, когда обе задачи могут решаться параллельно. По “богатству страны” Китай уже превзошел Россию. Теперь предстоит догнать и перегнать самую развитую, самую изобильную страну мира, догнать и превзойти самое мощное государство и одновременно создать первоклассные вооруженные силы.

- Только наличие у Китая мощных вооруженных сил может служить гарантией того, что между США и Китаем не вспыхнет большая война. Оно необходимо для сохранения баланса в мире, для того, чтобы образумить военных авантюристов в США.

Рост великодержавных настроений в современной китайской публицистике и научной литературе питается как наследием великоханьской традиции, так и новейшим подъемом китаецентризма, обусловленным, в частности, завышенной оценкой реальных достижений последнего времени.

Идеи великодержавия и экспансионизма способны лишь дополнительно подпитывать распространенные в мире опасения “китайской угрозы” и сеять сомнения среди тех, кто искренне приветствует возрождение китайской нации и поддерживает ее стремление занять ведущее место в мировой экономике, политике, культуре. Нетрудно также заметить, что эти идеи противоречат многим официальным документам и международным обязательствам КНР, не говоря уже о призывах к гармонизации мирового порядка.

Реализм

Прагматичную, умеренно антизападную и в целом достаточно конструктивную по отношению к России позицию занимают китайские исследователи, которые создают геополитические конструкции, также нацеленные на отстаивание национальных интересов, но значительно более рациональные и реалистичные.

Среди таких авторов — докторант Билефельдского университета в ФРГ Лю Тао. Пребывая за рубежом уже более десяти лет, он регулярно публикует на родине свои работы, которые в результате вылились в издание книги, названной “Держава первого ранга: мечты, реальность и стратегия Китая”¹¹. В издательской аннотации к книге говорится, что китайский народ более 100 лет мечтал о времени, когда Китай как мировая держава первого ранга сможет на равных говорить другими державами того же порядка и определять вместе с ними правила игры. Сейчас такое время наступает, но процесс превращения доморощенного Китая в мировую державу далеко не завершен.

Анализируя современную международную ситуацию, Лю Тао сравнивает ее с той, что существовала в Китае 2500 лет назад в период Чжаньго (Борющихся царств). Главной ее характеристикой сегодня является мировая гегемония США как единственной и самой мощной во всех отношениях сверхдержавы, которая всеми силами стремится увековечить свою гегемонию и не допустить появления соперника. США, как в свое время Римская империя, все более широко простирает свою глобальную экспансию. В результате мир все более теряет динамическое равновесие и становится все более опасным.

Концептуальной основой книги Лю Тао служат идеи известного британского географа, родоначальника англо-американской школы геополитики Хэл-

форда Джона Макиндера, развитые им в начале XX в. Его теория мирового "хартленда" используется для объяснения истории Китая. Другим идейным источником служат труды Николаса Джона Спайкмэна, который позднее выдвинул понятие "римленда". Оно позволило считать сердцевиной мира не район "хартленда" евроазиатского континента, а его восточную и западную периферию, где и появились мировые державы, концентрировавшие в своих руках огромные людские и природные ресурсы.

Свои надежды на превращение Китая в державу первого ранга Лю Тао связывает с приоритетностью морской силы. Китай, по мнению Лю Тао, не должен ставить перед своим ВМФ задачу глобального преобладания. На это у него нет реальных возможностей. Ему нужны достаточные морские силы, оборонительные, но способные обеспечить экономическую безопасность страны, внешнюю торговлю и транспортировку энергоносителей, защитить необъятные интересы зарубежных торговых связей.

Всестороннее восстановление и нормализация китайско-российских отношений и превращение границы между двумя государствами в границу дружбы способствовало, по мнению Лю Тао, переходу от стратегии континентальной силы, обращенной долгое время в сторону севера, к стратегии морской силы.

Вместе с тем в результате развала Советского Союза и последующих политических сдвигов в корне изменилось соотношение сил между западным римлендом, представленным морскими демократиями Западной Европы, хартлендом евразийского мирового острова, представленным Советским Союзом и Россией, и восточным римлендом мирового острова, где наибольшей мощью обладает Китай. Если после 2-й мировой войны это соотношение представлялось как "слабость-сила-слабость", то теперь это — "сила-слабость-сила".

В этой принципиально новой геополитической обстановке силы Востока и Запада получили возможность еще больше поживиться за счет геополитических преимуществ хартленда. Единственно правильным способом не допустить этого для основных сил и главных государств хартленда Лю Тао считает поддержку геополитических стратегических интересов Китая на евразийском материке.

Лю Тао призывает к налаживанию прочной кооперации с Россией как центральной силой хартленда и реализации посредством такого сотрудничества основных интересов Китая в этом регионе. Он считает ошибочным и опасным вытеснение России и противостояние сил восточного и западного римленда. Но вместе с тем Лю Тао полагает неприемлемым и возврат к монополии России в хартленде. В отличие от методов "выталкивания" и "исключения", используемых ЕС в отношении стратегических интересов России, Китай делает акцент на "вовлечение" и "интеграцию". В международных политических кругах известно: если вы включаете Россию в ряд врагов, она станет вашим врагом. Этого поднимающийся Китай должен всеми силами избегать. В современной сложной международной обстановке находящийся на восточной периферии мирового острова Китай должен установить хорошие отношения стратегического партнерства с находящейся в центре мирового острова Россией. Только в этом случае возможно повышение Китая, заключает Лю Тао.

Большое значение придает Лю Тао иранской проблеме. С его точки зрения, предотвращение возможного обретения Ираном ядерного оружия — лишь прикрытые подлинных замыслов США, которые стремятся поглотить эту страну. В такой стратегической обстановке ШОС, по мнению Лю Тао, координирует интересы его участников, разрушает планы США путем цветных революций совер-

шить перевороты в пяти центрально-азиатских республиках, изолировать Иран и, в конечном счете, осуществить его военную оккупацию и тем самым окончательно установить единоличный контроль над путями транспортировки энергоносителей во всем мире. В иранском вопросе, полагает Лю Тао, Китай и Россия должны принимать решения, исходя из стратегических соображений, поскольку они касаются коренных национальных интересов обеих стран. Поэтому он считает весьма важным использовать в этом регионе механизмы двустороннего и многостороннего сотрудничества, развивать добрососедские межгосударственные отношения, что служит неотъемлемым звеном в становлении Китая как государства первого ранга.

К разряду реалистических следует отнести и концепции, авторы которых стремятся выстроить прагматичные и выгодные для своей страны отношения в треугольнике Китай—Россия—США. В их числе можно назвать работы бывшего военного, военно-морского и военно-воздушного атташе при посольстве КНР в РФ, известного ученого, сотрудничающего во многих исследовательских и учебных институтах КНР, генерала Ван Хайюня. В отличие от ряда своих коллег, полагающих, что такого треугольника более не существует, он не только признает его наличие, но и подчеркивает его принципиальную важность для долгосрочной стратегии своей страны¹².

Несмотря на ослабление гегемонистских позиций США, эта страна, как полагает Ван Хайюнь, еще долго будет оставаться сильнейшей в мире. Китайско-американские экономические отношения имеют первостепенное значение для развития экономики КНР. Гуманитарные связи Китая с США по своей широте и глубине не сопоставимы ни с какими иными. Расширение глобальных интересов Китая повсеместно вступает во взаимодействие с интересами США. Если США не откажутся от своей стратегии сдерживания Китая, они будут для него главным стратегическим соперником. Поэтому выстраивание отношений с США является для Китая важнейшей задачей.

Вместе с тем, убежден Ван Хайюнь, отношения с Россией представляют для Китая незаменимую стратегическую ценность. Соседство двух больших государств — важнейшая геополитическая реальность. В определенном смысле слова — это “полнеба” безопасности северной части страны. Стратегические интересы, стратегические представления Китая и России в огромной степени совпадают. По целому ряду важных международных проблем Китай и Россия — трудно заменимые стратегические партнеры. Китайско-российское стратегическое партнерство — важная гарантия предотвращения дальнейшей дестабилизации международной стратегической обстановки. Это партнерство составляет важную основу построения нового международного политического и экономического порядка. Китай ни в коем случае не должен ради развития отношений со своим стратегическим оппонентом жертвовать отношениями со своим важнейшим стратегическим партнером. И с точки зрения стимулирования отношений с США, Китай также должен укреплять свое стратегическое партнерство с Россией.

Ван Хайюнь считает необходимым укреплять взаимное стратегическое доверие Китая и России, рассеивать и устранять подозрения России, особенно по поводу его связей с США, его подхода к России после своего усиления, так называемой “демографической экспансии”, “экономической экспансии” и по другим проблемам. В стимулировании движения к многополярности мира, в становлении нового международного политического и экономического порядка, в формирова-

нии механизмов “двадцатки” и БРИК, в проблемах строительства ШОС Китай должен всемерно укреплять стратегическое партнерство с Россией. Чрезвычайно большое значение имеет реальное деловое сотрудничество Китая с Россией в самых разных областях. Только расширение и углубление такого сотрудничества может укрепить материальную основу стратегического партнерства двух стран. Таковы главные выводы из соображений Ван Хайюня о развитии трехсторонних отношений между Китаем, США и Россией, с которыми трудно не согласиться.

Выше приведенный обзор современных геополитических взглядов китайских аналитиков позволяет прийти к следующим основным заключениям.

- Как бы ни воспринимать отношения между существующей и восходящей сверхдержавами: в радикально-националистическом, великодержавном или реалистическом ключе, во всех случаях очевидно, что они на долгосрочную перспективу будут центром не только китайской, но и глобальной стратегии. Но от того, какой из рассмотренных подходов будет избран Пекином, зависит и будущее самого Китая, и будущее планеты.

- Выбор *националистического* варианта с очень большой долей вероятности означал бы обострение противоборства между Китаем и США. Причем обострение, как видно из аргументов сторонников этого подхода, на южном и юго-восточном направлении, включая сферу морского и воздушного пространства. Трудно оценить вероятность такого выбора. Но во всяком случае, она не равна нулю. На него работают, прежде всего, отнюдь не беспочвенная уверенность в том, что США ни при каком раскладе не уступят Китаю глобального первенства, а Китай, в свою очередь, никогда не откажется от этой идеи. Альтернативой упорному и безостановочному возвышению может быть только скатывание на позиции вечно второстепенной державы. А из этого следует неперемное обострение конфликтов, которое, как признают сторонники практически всех подходов, не может исключить перерастания в вооруженное столкновение.

- Радикально-националистический выбор, который можно еще назвать и выбором в пользу концепции морской силы, имеющей немало сторонников в Китае, подкрепляется также и тем обстоятельством, что именно южные моря имеют для Китая первостепенное стратегическое значение. По меньшей мере, в трех важнейших отношениях. Во-первых, здесь находится ключ к завершению процесса воссоединения китайских земель. Во-вторых, тут располагаются основные спорные акватории, потенциально богатые нефтяными и иными ресурсами. В-третьих, здесь пролегают главные пути, связывающие Китай с источниками сырья и энергии в Африке и на Ближнем Востоке. И именно поэтому Юго-Восточная и Южная Азия, скорее всего, станут главной ареной американо-китайского противоборства, в которое будут, так или иначе, втянуты все страны этих регионов.

- Выбор *великодержавный* ни в коей мере не отвечает коренным национальным интересам Китая, но он, безусловно, выгоден для определенной части китайской элиты, связанной с Западом, точнее говоря, с соответствующими кругами США. Но он опять-таки не полностью исключен, поскольку его сторонники апеллируют к возможности избежать обострения отношений с США. Поэтому они всеми силами противятся концепции морской силы. Поэтому они стремятся переориентировать основное направление китайской экспансии с Юга на Запад и Север. Поэтому они рассчитывают использовать в своих интересах третьи страны.

- Сторонники *реалистичных* подходов предлагают трезвый взгляд на политику США в отношении Китая и на перспективы китайско-американских

отношений. И, что для нас самое главное, они отдают должное значению китайско-российского партнерства. Надо надеяться, что именно эти подходы имеют наилучшие шансы возобладать в китайской геополитической стратегии и внешней политике.

- Не исключено, что реалистичный в принципе выбор может сочетаться в определенных обстоятельствах и по определенным направлениям с какими-то частичными элементами радикально-националистического подхода. В пользу этого свидетельствует, например, сравнительно широкое поле деятельности, предоставляемое сегодня националистам и "ястребам". Но если подходить к такой возможности чисто прагматически, то нельзя не признать, что она может быть оправдана тем обстоятельством, что подобное сочетание небезуспешно используют США. И, кроме того, для нас немаловажно и то, что китайский национализм обращен против Запада, в первую очередь, против США и, в отличие от великодержавного экспансионизма, лишен антиросийской направленности. Более того, его сторонники с большим сочувствием относятся к российскому стремлению отстаивать собственные национальные интересы всеми доступными средствами.

1. Чжан Дэгуан. Шицзе гэцзюй хэ гоцзи чжисюй юньнянь гайгэ [В международной обстановке и мировом порядке назревают перемены] // Чжунго цзинцзи чжоукань. 2010. 8 янв.
2. Большая стратегия Китая в оценках американских и китайских исследователей // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 1. С. 34–51.
3. Чэнь Чжоу. Синь синши ся Чжунго фаньюйсин гофан чжэнцэ ды синь фачжань [Новое развитие оборонительной политики национальной обороны Китая в новых условиях] // Сюэси шибао. 2010. 18 марта.
4. Лю Ян. Чжунго мэй ю баньян. Сифан бу ши шанди. Мэйго бу ши цзюйшигчжэ [Для Китая нет образца. Запад — не Бог, Америка — не мессия]. Пекин, 2009.
5. Ван Сяодун. Тяньмин согуи ши даго [Большое государство по волне Неба] Цзянсу, 2008.
6. Дай Сюй. С-син баовэй: нэй ю вай хуань ся ды Чжунго тувэй [С-образное окружение: Прорыв Китая из внутренних и внешних бед и потрясений]. Пекин, 2010.
7. http://blog_48ad951d0100g2s9.html.
8. Лю Ячжоу. Бай суй кунцзюнь [100 лет ВВС]. — http://blog.sina.com.cn/s/blog_53c6f2fc01000p0e.html.
9. Там же.
10. Хоу Мэйго шидай ды даго сывэй: Чжунго мэн [Ментальность великой страны в постамериканскую эпоху: китайская мечта]. — http://vip.book.sina.com.cn/book/index_120131.html.
11. Лю Тао. Тоудэн цянго. Чжунго ды мэньян, сянши юй чжаньлюэ [Держава первого ранга. Мечты, реальность и стратегия Китая.] Пекин, 2009.
12. Ван Хайюнь. Вого гоцзи чжаньлюэ юньчоу бисюй чжунши Чжун-Мэй-Э саньцзю гуаньси ды цуньцзай [В логистике международной стратегии Китая необходимо учитывать существование треугольника Китай-США-Россия]. — <http://blog.people.com.cn/blog/c9/s101221,w1264648100626543>.

Политические проблемы храма Ясукуни

© 2010

В. Гринюк

В синтоистском храме Ясукуни дзиндзя обожествлены военнослужащие японских вооруженных сил, погибшие за императора в войнах в период с 1868 до 1945 г. До 1945 г. Ясукуни служил инструментом воспитания населения в духе национализма и милитаризма. В послевоенный период он утратил статус государственного храма, однако сохраняет влияние как символ националистических ценностей. При храме действует музей, экспозиция которого оправдывает политику милитаризма. Либерально-демократическая партия Японии стремится превратить Ясукуни в государственное святилище, широкие слои японского общества выступают против, защищая свободу совести и антивоенные принципы. В зарубежных странах (прежде всего в КНР и Республике Корея, а также в США и Германии) эксперты отрицательно реагируют на то внимание, которое японские политические лидеры демонстративно выражают в отношении Ясукуни. В такой позиции правящих кругов страны усматривают нежелание дать четкую негативную оценку политике агрессии и колониального господства Японской империи.

Ключевые слова: Ясукуни дзиндзя, синто, государственный синто, милитаризм, военные преступники, официальные посещения Ясукуни.

Проблемы, связанные с храмом Ясукуни, после окончания Второй мировой войны приобрели политическое значение и играют довольно заметную роль в отношениях Японии с зарубежными странами, особенно с теми из них, которые понесли в результате японской агрессии огромные человеческие и материальные потери. Следует обратить внимание на то, что в публикациях встречаются упоминания об этом храме как о месте захоронения главных японских военных преступников, казненных по приговору Международного военного трибунала по Дальнему Востоку. Однако это ошибка, на самом деле в Ясукуни нет никаких могил¹.

Прежде чем рассматривать вопросы, связанные с этим храмом, было бы полезно разобрать несколько понятий, составляющих для них своего рода контекстную среду: синтоизм, государственный миф, государственный синто и "кокутай".

В основе японской национальной религии синтоизм (от японского слова "синто", что означает "путь (или учение) богов") лежит культ божеств природы и предков. В традиционных синтоистских представлениях о божествах не прово-

дится четкого разграничения между богом и человеком, и дух человека не воспринимается как нечто принципиально отличное от духов, сокрытых в природе.

Основное содержание японской национальной религии составлял коллективный обряд, связанный с деятельностью членов сельскохозяйственной общины и обслуживавший средствами магии их производственные нужды. Функции жреца, руководившего отправлением коллективного обряда, и политического руководителя общины не могли быть четко разграничены. В древнем японском государстве указанные представления нашли свое выражение в концепции единства обряда и управления делами государства. Эта концепция наиболее ярко воплощалась в лице правителя страны, совмещавшего функции верховного жреца и политического лидера².

Важной составной частью синтоизма являются мифы о рождении Японии и о божественном происхождении японских императоров, изложенные в древних летописно-мифологических сводах “Кодзики” — “Записки о деяниях древности” (712 г.) и “Нихон секи” — “Анналы Японии” (720 г.). В той их части, в которых описывается так называемая “эпоха богов”, говорится о первобожествах Идзанаги и Идзанами, о ведущей от них свое начало богине солнца Ааматэрасу, и о схождении с небес Ниниги-но микото — внука Ааматэрасу. Первым человеком — правителем Японии считается легендарный император Дзимму, великий внук Ниниги-но микото. Согласно легенде, Дзимму правил в 660–585 гг. до новой эры.

Созданный на основе синтоизма религиозный культ государственный синтоизм с центральной идеей божественности императора стал ультранационалистической идеологией, одним из постулатов которой является идея об исключительности японской нации. В синто и, в частности, в мифологии о возникновении Японских островов, просто нет места ни для кого, кроме японцев. Постулаты государственного синтоизма, которые были выстроены и базировались на националистическом потенциале древней мифологии, возникли в конкретных исторических условиях Японии в период после реставрации Мэйдзи (1867–1868 гг.). Позднее “открытие” Японии поставило перед властвующей элитой страны задачу приобщения к современной западной цивилизации при сохранении национальной идентичности. При этом японские правящие круги исходили из того, что страна может сохранить свою независимость и обеспечить для себя достойное место на международной арене только в том случае, если будет проводить империалистическую политику. Напор молодого японского империализма создал спрос на националистическую идеологию. Но для формирования ультранационалистической государственной религии необходимо было дополнить синто другими элементами. Видный российский востоковед Г. Комаровский отмечал, что в первые два десятилетия после событий 1867–1868 гг. политика японского правительства в области религии была изменчивой. Сначала курс на превращение синто в государственную религию и на возрождение его религиозной практики сопровождался преследованием буддизма и запрещением христианства. Затем было принято более терпимое отношение к буддизму и христианству и даже признана свобода вероисповедания. В итоге синто был выделен из числа других религий в качестве государственного обряда и занял главенствующее положение по отношению к другим религиозным направлениям. Такой изоциренный подход правительства дал возможность формально объявить свободу вероисповедания. Но, действуя под контролем властей, религиозные группы по существу дополняли синто функциями, которых он был лишен. Так синто — нерелигия превратил-

ся в своеобразную государственную религию, не знающую аналогов в истории религий мира³.

Для распространения государственного синто использовались все возможности государства, прежде всего учебные заведения и пресса. Императорский рескрипт об образовании, опубликованный 30 октября 1890 года, по существу стал канонем государственного синто. Американский исследователь Д. Холтом приводит любопытные примеры пропаганды государственной идеологии. Так, доктор С. Фудзии, профессор университета Васэда и директор Института изучения национальной политики в Азии, в марте 1940 г. писал в одном из японских журналов: "В статье 3 конституции нашей страны провозглашено, что тэнно (император) священен и неприкосновенен... Эти две характерные черты (священность и неприкосновенность) не только проявляются в историческом факте правления в Японии одной непрерывной линии правителей. Есть и другое историческое свидетельство — отсутствие фамилии у императорской семьи, в отличие от монархических домов Европы. Это объясняется тем, что в других странах правители происходили из народа, а в Японии каждый из божественных потомков богини солнца (то есть живое божество) последовательно владели Тремя Священными Сокровищами (меч, зеркало и ожерелье бусин из яшмы. — В.Г.). Они принимались по наследству от тэнно- предшественников как символ основания страны великим имперским предком — богиней Аматаэрасу"⁴.

Американский ученый отмечал, что наряду с идеей божественности императора японцам внушали веру в то, что божественные предки охраняют Японию — "землю богов" — и ее население. "Это означает, что сами острова, народ, их расовые особенности, а также уникальные черты их национальной жизни... с самого начала получили печать созидающей воли божественных предков, предвидевших отдаленное будущее и придавших земле, расе и институтам Японии изначально божественные черты, которые должны принадлежать им вечно"⁵.

На этой основе зиждется положение о "кокутай" — об исключительности географического положения Японии, совершенстве ее государственного устройства, выдающихся особенностях национального характера японцев. По мнению Г. Комаровского, это чрезвычайно емкое понятие может быть передано словами "уникальная (японская) национальная сущность"⁶.

От "кокутай" — один шаг к идее мессианства Японии. "В основе глубокой приверженности тому, что в этой стране называют "священной войной" в Восточной Азии, лежит убеждение, что Япония послана в качестве спасителя мира... Доктрина, согласно которой национальная структура Японии — наилучшая из существующих в мире — должна вести к естественному следствию, что другие народы (помимо японского) только выиграют, если окажутся под управлением Японии" — писал американский автор⁷.

Пропаганда "кокутай" устанавливала для японцев высокую планку стандартов и воспитывала у них наряду с привычкой слепого подчинения властям также и патриотизм, чувство ответственности, дисциплинированность и организованность. Правящие круги Японии формировали положительные черты национального характера японцев. Но одновременно и злоупотребляли ими в политике внешней агрессии и колониального подчинения других народов. В результате чувство ответственности оборачивалось фанатизмом, а дисциплинированность — безжалостностью. Ультранационалистическая пропаганда в условиях свирепого полицейского режима, существовавшего в Японии до 1945 г., сочеталась с репрессиями против политической оппозиции, прежде всего коммунистов

и социалистов, но также и против диссидентов в области религии. С начала японо-китайской войны в июле 1937 г. до окончания Второй мировой войны в сентябре 1945 г. наказаниям, связанным с подавлением свободы идеологических воззрений и свободы совести, в Японии подверглись не менее 100 тыс. чел.⁸

Святылище Ясукуни ведет свое происхождение от обрядов поклонения духам людей, погибших за императора в кровавых междоусобицах до и в ходе реставрации Мэйдзи, а также в последовавшей затем войне между сторонниками свергнутого сегуна и императора. В мае 1868 г. по распоряжению правительства в Киото было построено святилище Сёконся в честь воинов, павших за императора. Затем по этому образцу “сёконся” соорудили в каждом из существовавших тогда княжеств. В 1869 г. столица Японии была перенесена из Киото в Токио, и после этого туда же перевели киотское Сёконся, которое стало всеяпонским святилищем в честь воинов, погибших в войнах. В 1879 г. оно было переименовано в Ясукуни дзиндзя, и этому храму присвоили ранг всеяпонского святилища⁹.

Помимо Ясукуни дзиндзя в систему храмов государственного синтоизма входили и региональные “сёконся”. В 1939 г. они получили новое наименование — “гококу дзиндзя” (храм в честь павших воинов. Эти 51 святилища подчинялись Управлению синтоистских храмов (Синсиин) в Министерстве внутренних дел — в отличие от Ясукуни дзиндзя, на которое распространялась компетенция Министерства армии и Министерства военно-морского флота. Несмотря на подчинение разным ведомствам Ясукуни дзиндзя и храмы в честь павших воинов соотносились как головная организация и филиалы¹⁰.

Приобщение духов погибших к Ясукуни обозначается глаголом “го:си суру”, что в переводе означает “посвящать храм двум или более богам”. Размытость границы между духом божества и духом человека в синтоизме позволяла возвеличивать погибших воинов, поднимать их до уровня “божеств”. Ясукуни означает “мирная страна”, но “мир” здесь такого же свойства, что и в случае с “министерством мира” в романе Дж. Оруэлла “1984”. Культ Ясукуни в известной мере унаследовал элементы культа “горе”, предусматривавшего успокоение душ людей, погибших трагически или при необычных обстоятельствах, дабы отвратить беды, которые, как верили, души погибших могли наслать на живых. Еще со времен ожесточенных междоусобных войн средневековья повелось после каждого сражения совершать заупокойную службу по всем погибшим независимо от их принадлежности к тому или другому лагерю. Но культ Ясукуни не имел ничего общего с этой традицией. В этом святилище почитали лишь тех, кто погиб за императора.

Поскольку Ясукуни дзиндзя находилось в ведении министерств армии и военно-морского флота, его служители утверждались этими военными ведомствами. Роль главных церемониймейстеров во время праздников святилища, как правило, выполняли высшие офицеры в ранге не ниже генерала или адмирала. Охрану Ясукуни обеспечивала военная жандармерия. Обряды, отправлявшиеся в Ясукуни дзиндзя, носили форму вызова душ погибших воинов, которые спускались с неба, дабы присоединиться к тем, кто еще раньше был обожествлен в храме. Церемония вызова и встреч душ павших воинов проводилась ночью, что придавало ей зловещий характер¹¹.

В 1869 г. в токийском святилище Сёконся — предшественнике Ясукуни — объектами поклонения были души 3585 воинов, погибших за императора в гражданской войне. По мере активизации агрессивной политики Японии численность обожествленных в храме Ясукуни росла. В 1942 г. в святилище поклоня-

лись уже душам 240 тыс. погибших, а к моменту окончания Второй мировой войны перечень лиц, которым посвящен Ясукуни, насчитывал более 1200 тыс. имен¹². Сам ритуал поклонения (хайрэй) весьма прост: два поклона, два хлопка ладонями и еще один поклон.

Подписание акта капитуляции Японии перед представителями союзных держав 2 сентября 1945 г. и развал японской империи поставили под вопрос существование святилища Ясукуни. Понимая, что проводить обряд “вызова душ погибших” на регулярной основе в будущем будет невозможно, служители храма и их сановные шефы пошли на чрезвычайную меру. В ночь с 19 на 20 ноября 1945 г. в Ясукуни была проведена служба массового приобщения к храму душ всех военнослужащих императорских вооруженных сил, погибших в ходе Второй мировой войны и еще не обожествленных на тот момент. Резкое увеличение контингента “душ героев” было закреплено состоявшейся в святилище 20 ноября церемонией с участием императора Хирохито. Распорядителем церемонии выступил бывший начальник генерального штаба императорских вооруженных сил генерал Е. Умэдзу¹³.

Внесение имен погибших военнослужащих (с предварительной проверкой данных по каждому из них) в реестр святилища не могло быть проведено в те дни, поскольку требовало длительного времени. Список обожествленных пополнялся постепенно, по мере уточнения данных о погибших. В основном он сформировался к началу 1970 гг. Сегодня это 2 тыс. переплетенных в традиционном японском стиле книг, в которые вписаны имена приблизительно 2 460 тыс. чел.¹⁴ Священные фолианты наряду с зеркалом и мечом — регалиями императорской власти — являются объектом поклонения и постоянно хранятся в главном помещении (“святая святых”) святилища — (хондэн). В наши дни появилась и электронная версия реестра.

На первом этапе оккупации Японии, приблизительно до конца 1947 г., американские оккупационные власти проводили в этой стране согласованный с партнерами по союзной коалиции, включая СССР, курс на широкую демилитаризацию и демократизацию. В это время была осуществлена основательная чистка милитаристских элементов, проведены Токийский процесс главных военных преступников и ряд судебных процессов в отношении военных преступников классов “В” и “С”. В стране возобновилась деятельность левых политических партий и профсоюзов, была осуществлена широкая аграрная реформа, вступила в силу демократическая, пацифистская конституция.

Серьезные меры были предприняты для искоренения ультра националистической идеологии. 15 декабря 1945 г. штаб оккупационных войск США в Японии вручил японскому правительству директиву “Об отмене государственного покровительства, увековечивания, управления и распространения государственного синто”. Этот документ предписывал прекратить во всех государственных учебных заведениях воспитание учащихся в духе государственного синто, исключить из учебников соответствующие тексты, запрещал всем чиновникам официальные посещения синтоистских святилищ. Директива провозглашала в качестве важной цели “отделение религии от государства”. В новой конституции Японии, опубликованной в ноябре 1946 г., были закреплены принципы “отделения церкви от политики” и “свободы совести”¹⁵.

В новогоднем обращении к нации 1 января 1946 г. император Хирохито отрекся от статуса “живого божества”. Это заявление оказало глубокое эмоцио-

нальное воздействие на японцев. Оно стало мощным дополнительным импульсом к разрушению системы государственного синтоизма.

В результате отмены в конце 1945 — начале 1946 гг. всех законов, определявших особый статус учреждений государственного синто, правовая база прежде могущественного культа была уничтожена. Ясукуни дзиндзя наряду со всеми другими храмами Японии получил возможность пройти установленные процедуры и обрести положение религиозного юридического лица¹⁶. В феврале 1946 г. был оформлен статус Ясукуни дзиндзя как религиозного юридического лица, находящегося в ведении первого и второго министерств по делам демобилизации (эти ведомства были созданы взамен ликвидированных министерств армии и военно-морского флота Японии). В апреле 1946 г. состоялось первое после смены статуса святилища празднество “помещения в храм символов душ погибших”. Подобное празднество планировалось и осенью 1946 г., но штаб оккупационных войск в последний момент отменил это мероприятие. 3 февраля 1946 г. было учреждено в качестве неправительственной организации Бюро синтоистских храмов, оно объединило в своем составе все храмы в честь павших воинов, также преобразованные в религиозные юридические лица¹⁷. Следуя тенденции демилитаризации, некоторые храмы этой категории меняли свой характер — вводили новые самоназвания, проводили церемонии обожествления в храме лиц, не связанных с вооруженными силами и с войной¹⁸.

В 1948 г. под влиянием усиления позиций КПК в Китае и обострения противостояния Соединенных Штатов с Советским Союзом, США стали пересматривать отношение к Японии. Если прежде, с точки зрения американцев, это было вражеское государство, заслуживавшее наказания, то теперь Япония приобретала для Вашингтона значение важного военно-политического союзника. Поэтому в 1948–1952 гг. США проводили в Японии “обратный курс” свертывания демократических преобразований и выхолащивания мер по демилитаризации¹⁹.

“Обратный курс” оккупационной администрации проявился и в отношении к государственному синтоизму. 6 июня 1949 г. было опубликовано извещение руководителя правительственного управления по делам демобилизации. Им отменялся запрет государственным чиновникам принимать участие в поминальных службах, посвященных военным. Служители храма Ясукуни получали от правительственных учреждений данные о погибших военнослужащих и вели работу по пополнению реестра “душ героев”. 8 сентября 1951 г. состоялось подписание Сан-Францисского мирного договора, а уже 18 и 19 октября в Ясукуни и во всех храмах в честь павших воинов состоялся большой праздник с молитвами за счастливое пребывание в “другом мире” “божеств”, которым посвящены святилища. С разрешения американской оккупационной администрации, которая до официального вступления в силу мирного договора 24 апреля 1952 г. сохраняла административный контроль в стране, премьер-министр С. Есида 18 октября совершил официальное посещение Ясукуни. Его сопровождали председатели обеих палат парламента, а также министры правительственного кабинета²⁰. Таким образом, с санкции американцев было предпринято явное нарушение конституционного принципа отделения церкви от политики.

Святилище Ясукуни занимает особое место в эмоциональной жизни подавляющего большинства японцев старшего поколения. Перспектива “встретиться в Ясукуни” с боевыми товарищами после их гибели на полях сражения скрашивала довольно беспросветную долю бывших военнослужащих императорских вооруженных сил. Для родственников война его приобщение к сонму “душ героев”

в Ясукуни было честью, означало прославление павшего. К тому же близкие погибшего и внесенного в реестр святилища военнослужащего получали от государства пенсию. При этом вопрос о его обожествлении решался без участия кого бы то ни было, кроме представителей властей, потому что воин и его душа безраздельно принадлежали императору.

Внесение в реестр Ясукуни было массовым, но оно касалось главным образом военнослужащих и вольнонаемных лиц императорских вооруженных сил, включая медсестер, а также членов добровольческих отрядов (ополченцев). В особых случаях этой чести были удостоены немногочисленные гражданские лица (часть рабочих и работниц военных заводов, некоторые мобилизованные на оборонные работы и др.) Большинство мирных граждан, погибших во время бомбежек американской авиации, включая атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, и артиллерийских обстрелов с американских военных кораблей, были лишены такой привилегии. Подобная дискриминация вызывала недовольство у их родственников. С другой стороны, в первые послевоенные годы в связи со слабым гражданским самосознанием подавляющего большинства японцев не отмечалось случаев, чтобы родственники покойных возражали против их внесения в реестр Ясукуни — например, из-за их принадлежности к христианской или буддийской конфессии.

Сразу после окончания оккупации Японии американскими войсками в 1952 г. в стране развернулась политическая борьба вокруг Ясукуни. Святилище закономерно оказалось в фокусе внимания нации: для одних это сакральный объект благоговейного почитания и символ отторжения демократических ценностей²¹, для других — олицетворение милитаристской, захватнической политики и подавления свободы совести. 6 ноября 1952 г. Японская лига защиты благосостояния родственников погибших (национальная организация, созданная в 1947 г.) на своем съезде приняла решение добиваться выделения государственных средств на проведение в Ясукуни дзиндзя заупокойных служб. Съезд представил в правительство и в парламент соответствующее письменное требование. В марте 1953 г. на основе Японской лиги защиты благосостояния родственников погибших была учреждена в качестве фонда и юридического лица Японская ассоциация семей погибших на войне, объединившая в масштабах страны 2 млн семей²². Она вместе с обществами бывших военнослужащих и некоторыми правыми организациями образовала массовую базу движения за огосударствление святилища Ясукуни.

В феврале 1955 г. организация настоятелей синтоистских храмов Хоанкай совместно с Бюро синтоистских храмов провели в Ясукуни дзиндзя совещание с целью добиться придания святилищу государственного характера. Движение за огосударствление храма Ясукуни год от года активизировалось. В ноябре 1959 г. Японская ассоциация семей погибших на войне и Лига ветеранов войны (Гою рэммэй) развернули сбор подписей в поддержку требования предоставить святилищу Ясукуни государственную опеку. В 1960 г. в парламент было передано соответствующее требование, подкрепленное подписями 2 млн 950 тыс. японцев²³.

В середине 1960-х гг. проявилась и стала набирать силу тенденция укрепления связей между Ясукуни и храмами в честь павших воинов, с одной стороны, и японскими военными, с другой. В июле 1966 г. был зафиксирован случай, когда 160 офицеров и рядовых служащих Морских сил самообороны в униформе прибыли в святилище Ясукуни, выстроились в шеренги и по команде провели установленную церемонию поклонения божествам храма. Несмотря на отговорки, что

моряки прибыли в святилище по собственной воле и совершили моление в личном качестве, фактически это было официальное мероприятие²⁴.

В апреле 1969 г. Либерально-демократическая партия Японии подготовила проект закона о храме Ясукуни. Проект предусматривал придание храму статуса "особого юридического лица", установление над ним контроля со стороны премьер-министра правительства и выделение для храма государственных средств. Основным назначением Ясукуни объявлялись "проведение обрядов и ритуалов для выражения почтения народа к душам героев, погибших в сражениях и отдавших жизнь во имя государства, чтобы хранить память об их добродетельных деяниях, утешать их души и превозносить их заслуги". Тем самым святилище Ясукуни и впредь должно было с государственных позиций прославлять агрессивные войны японского империализма. Стремясь избежать противоречий с основным законом страны, авторы законопроекта внесли в его текст положение о том, что Ясукуни дзиндзя не является религиозной организацией²⁵.

План ЛДП натолкнулся на острое противодействие со стороны широких слоев общества. В мае 1969 г. организации японских христиан проводили в Токио и других городах голодовки и сидячие забастовки протеста. В этом же месяце 67 влиятельных религиозных общин Японии опубликовали совместное заявление против законопроекта, в защиту свободы совести. Союз религиозных организаций новой Японии предпринял в масштабе страны сбор подписей против законопроекта, к концу июля их было собрано 3 млн 770 тыс. 30 июля 1969 г. 238 депутатов советников парламента от ЛДП официально выдвинули законопроект в парламенте, однако это вызвало новую волну демонстраций, митингов, голодовок, сидячих забастовок по всей стране. Оппозиционные партии: Социалистическая партия Японии, Комэйто, Партия демократического социализма, Коммунистическая партия Японии выступили с заявлениями протеста. 5 августа 1969 г. законопроект был отклонен в парламенте. После этого либерал-демократы еще четырежды пытались утвердить законопроект в парламенте, но широкое сопротивление в обществе сорвало эти попытки²⁶.

Тем не менее Ясукуни дзиндзя и поддерживающая его Японская ассоциация семей погибших на войне сохранили свои позиции в качестве влиятельного оплота консервативных сил. К 1970 г. в святилище были обожествлены около одной тысячи военных преступников классов "В" и "С", казненных в соответствии с приговорами военных трибуналов в Иокогаме, Сингапуре, Маниле, Гонконге, на острове Гуам²⁷. 17 октября 1978 г., в связи с очередным большим осенним праздником в Ясукуни дзиндзя, в реестре обожествленных в храме делали новые записи. Тогда наряду с примерно 1100 погибших во время Второй мировой войны к контингенту "душ героев" присоединили имена четырнадцати военных преступников класса "А", казненных по приговору Международного военного трибунала для Дальнего Востока или умерших в заключении. Этот шаг был предпринят настоятелем храма при единодушной поддержке всех десяти членов попечительского органа — "Совета представителей почитателей Ясукуни". Их мнение сводилось к тому, что военные преступники класса "А" — "люди, отдавшие все силы служению родине", и к тому времени они еще не были обожествлены в Ясукуни только из-за "подчинения односторонним решениям Международного военного трибунала по Дальнему Востоку, навязанным зарубежными государствами"²⁸.

Руководство Либерально-демократической партии, не отказываясь от цели огосударствления Ясукуни дзиндзя, изменило тактику и стало добиваться постепенного изменения общественного мнения в свою пользу. В качестве средства

были избраны визиты политиков в святилище. Большинство премьер-министров Японии послевоенного периода посещали Ясукуни. Характер этих визитов определялся словом “сэйсики”, что означает “правильный”, “соответствующий форме”. Находясь в храме, высокие гости проходили в его главное помещение (хондэн) и там совершали ритуал поклонения. До начала 1970-х гг. в обществе не возникал вопрос об уместности этих действий премьер-министров²⁹. Однако после того, как Либерально-демократическая партия в 1969–1973 гг. безуспешно пыталась принять закон о храме Ясукуни, на визиты руководителей правительства в это святилище стали обращать серьезное внимание и японская общественность, и лидеры страны. 15 августа 1975 г., в тридцатую годовщину окончания Второй мировой войны (в Японии датой окончания войны считается 15 августа 1945 г., когда был объявлен рескрипт императора Хирохито о принятии условий капитуляции), премьер-министр Т. Мики посетил Ясукуни. Он сделал это после официального участия в общенациональной церемонии поминовения погибших в войне, по традиции проходившей в зале Нихон будокан, и в “частном порядке”. Тем не менее это было знаковое событие как первое в послевоенный период посещение премьер-министром храма Ясукуни в годовщину окончания войны³⁰.

В 1976 г. по инициативе Японской лиги семей погибших на войне было развернуто массовое движение за официальные посещения Ясукуни дзидзэя японскими политиками. В 1981 г. возникло “Общество депутатов парламента за массовое посещение Ясукуни”. Парламентарии — члены этого общества во время визитов в святилище демонстративно отказывались отвечать на вопросы журналистов относительно того, в каком качестве, личном или официальном, они его посещали³¹.

Я. Накасонэ, ставший премьер-министром в 1982 г. и провозгласивший цель “подведения черты под политикой послевоенного периода”, добивался осуществления официального визита в Ясукуни. После тщательной подготовительной работы по выбору процедуры, которая не противоречила бы принципу отделения церкви от политики, Я. Накасонэ 15 августа 1985 г. предпринял официальное посещение святилища (то есть отметился в книге посетителей как глава правительства). Однако во изменение принятого синтоистского ритуала поклонения богам Ясукуни, вместо двух поклонов, двух хлопков ладонями и еще одного поклона он ограничился лишь одним поклоном³².

Официальный визит премьер-министра Я. Накасонэ в святилище Ясукуни в сороковую годовщину окончания Второй мировой войны вызвал резкие протесты за рубежом, прежде всего в Китае и в государствах Корейского полуострова. Поэтому в дальнейшем Я. Накасонэ и другие главы правительств Японии воздерживались от посещений Ясукуни. Но в период пребывания Дз. Коидзуми на посту премьер министра Японии в 2001–2005 гг. официальные визиты японского лидера в храм Ясукуни были регулярными. Правда, он участвовал в церемониях поклонения божествам Ясукуни не в годовщину окончания войны, а во время так называемых больших весенних и осенних праздников рэйсай. Эти шаги Дз. Коидзуми привели к осложнениям в отношениях Японии с КНР и РК.

Сопrotивление японской демократической общественности ревизии принципов отделения церкви от политики проявлялось в разных формах. В сентябре 1968 г. настоятель Ясукуни получил от христианского священнослужителя С. Какута заявление с требованием исключить из реестра обожествленных в храме двоих родных братьев пастора. Это был первый в истории святилища случай, когда к его администрации обратились с подобным требованием. Какута обосновал

вывал свою позицию тем, что превозношение погибших означает приукрашивание их гибели и оправдание войны. Священник получил отказ, но затем еще дважды вместе с другими гражданами обращался с требованием аннулировать приобщение к “душам героев” имен девяти погибших. Эти обращения были также отклонены настоятелем Ясукуни со ссылкой на традиции святилища. В феврале 1972 г. на основании решения съезда Японской христианской церкви (Нихон кирисуто кекай) руководитель организации С. Ямада обратился к руководству Ясукуни дзиндзя с требованием отменить приобщение к “душам героев” четырех священников-христиан, погибших во время Второй мировой войны. Оно также было отвергнуто³³.

Начиная со второй половины 1970-х гг. японские местные суды и Верховный суд разбирают иски о нарушении конституционных принципов совести и отделения церкви от политики. Истцами выступают рядовые граждане. Сначала поводом послужил факт обожествления в храме в честь павших воинов погибшего служащего Сил самообороны вопреки воле его родных. Затем предметом иска становились случаи использования средств органов местного самоуправления для оплаты участия родственников погибших в празднествах, проводившихся в Ясукуни, для проведения служб “упокоения душ” в местных синтоистских храмах и пр. По делу Ясуко Накаи, вдовы погибшего служащего Сил самообороны, требовавшей отмены его обожествления в храме павших воинов, районный суд Хиросимы в июне 1982 г. признал факт нарушения свободы совести должностными лицами военного ведомства. Однако требование отменить приобщение покойного к реестру “душ героев” не было выполнено³⁴. В некоторых случаях районные суды и Верховный суд Японии признают факты нарушения конституции местными органами самоуправления.

Мы подробно показываем перипетии борьбы вокруг Ясукуни дзиндзя и храмов в память павших воинов, чтобы показать: данный вопрос представляет собой прежде всего важную внутривнутриполитическую проблему Японии, затрагивающую основы демократии. Как отмечал почетный профессор Университета Ибараки, автор исследования о Ясукуни Синобу Ооэ, “Ясукуни дзиндзя... не только запятнано кровью с полей сражений — святилище также стоит на крови, пролитой в тюрьмах борцами против войны”³⁵. Это положение важно потому, что в обстановке интернационализации данной темы, критика из-за рубежа в адрес руководителей Японии по поводу Ясукуни может произвести впечатление необоснованного вмешательства извне в тонкую, деликатную область национальных обычаев.

Вопрос Ясукуни не может не задевать другие страны, в первую очередь ближайших соседей Японии — Китай и государства Корейского полуострова — уже потому, что государственный синто выступал орудием духовного закабаления народов Китая и Кореи. Только на Тайване было сооружено около 100 синтоистских храмов. В Корее синтоистские святилища использовали для унижения национального достоинства корейского народа. Так, построенное в Сеуле в 1919 г. — в год героического восстания корейцев против японского колониального ига — Тёсэн дзингу, являвшееся главным синтоистским храмом на территории страны, было посвящено богине Амаэрасу, а также духу императора Мэйдзи, от имени которого была осуществлена аннексия Кореи. Культ синтоистских святилищ, совершенно чуждый религиозным традициям корейского народа, усиленно навязывался ему колониальными властями. Школьников и учителей принуждали посещать святилища, подвергая их подчас унижительной процедуре: выстро-

ившись на площади перед святилищем, они должны были часами простаивать перед ним, дабы проникнуться духом почитания новых богов³⁶. Под давлением японского генерал-губернаторства общее собрание пресвитеров Корейской христианской церкви постановило разрешить верующим посещать синтоистские храмы. Около 2000 последователей христианской церкви, игнорировавших это решение и не посещавших синтоистские храмы, были брошены в тюрьмы, более 50 из них умерли в заключении³⁷.

Кроме того, в Ясукуни не только обожествлены инициаторы и исполнители захватнической политики, но и ведется ее откровенное оправдание и приукрашивание. На территории храма находится военный музей Юсюкан, открытый еще в 1883 г. Его экспозиция посвящена всем войнам нового времени, которые вела Япония. Выставлены японские боевые самолеты, торпеды, вооружение времен японо-китайской войны и войны на Тихом океане, фотографии и личные вещи погибших военных, ставших божествами Ясукуни дзидзя. Материалы музея изображают развязанную Японией войну с одной стороны как осуществление "миссии по освобождению народов Азии от колониализма западных держав", с другой — как "законный акт самообороны империи". При этом оспаривается справедливость приговоров Международного военного трибунала для Дальнего Востока, хотя, подписав Сан-Францисский мирный договор в 1951 г., Япония официально их признала. После событий 11 сентября 2001 г. администрация музея Юсюкан в оправдание агрессии против Китая стала использовать тезис о "борьбе с терроризмом". Американский исследователь Джефф Кингстон отмечал: "Мы узнаем (из экспозиции Юсюкан. — В.Г.), что Япония сражалась против китайских "террористов". Отсутствуют упоминания о вторжении, агрессии, резне и жестокостях, совершавшихся японскими военными в Китае... Намерения Японии якобы были "благородными, но их неправильно поняли". Это в конце концов привело к эмбарго США против Японии, ...что вынудило бедную ресурсами страну начать войну"³⁸. По мнению Дж. Кингстона, "Музей Юсюкан только усиливает образ святилища Ясукуни как символ отсутствия у Японии покаяния по поводу ее действий в пятнадцатилетний (с 1931 по 1945 гг.) период войн в Азии"³⁹.

До краха японской империи в 1945 г. жители японских колоний (корейцы и выходцы с Тайваня) были в положении японских подданных "второго сорта", но их мобилизовали в императорскую армию в качестве военнослужащих или вольнонаемных. По официальным данным японской стороны, до 1945 г. только в Корее были мобилизованы в качестве военнослужащих японской императорской армии 110 тыс. чел. и как вольнонаемный персонал вооруженных сил еще 126 тыс. чел.⁴⁰ Они участвовали в сражениях и в случае гибели тоже становились "божествами" храма Ясукуни.

Предпринятые Дз. Коидзуми официальные посещения святилища Ясукуни вызвали не только резкие протесты со стороны руководства КНР и Республики Корея, но и демарши на уровне народной дипломатии. После обнародования японским премьером намерения нанести визит в Ясукуни, в июне 2001 г. группа граждан Южной Кореи численностью 252 чел., включавшая бывших военнослужащих и вольнонаемных, а также родственников корейцев, погибших в составе японской императорской армии выступила с иском против правительства Японии. В исковом заявлении, переданном в токийский районный суд, содержалось требование вернуть на родину останки погибших соотечественников, выплатить бывшим военнослужащим и вольнонаемным невыплаченную часть денежного довольствия и компенсацию ущерба в размере 2400 млн йен. 55 истцов из этой

группы требовали от японского правительства отменить приобщение к контингенту “душ героев” храма Ясукуни их погибших в годы войны родственников, поскольку они были насильно включены в японскую армию⁴¹.

Японские ученые и публицисты консервативного толка расценивают международную критику позиции Дз. Коидзуми по Ясукуни главным образом как использование Китаем в дипломатической игре антияпонской карты⁴². Однако недовольство позицией Дз. Коидзуми назревало и в Вашингтоне. Видный американский эксперт по вопросам Восточной Азии, бывший заместитель министра обороны этой страны, а ныне заместитель государственного секретаря США Курт Кэмпбелл в интервью японскому журналу летом 2006 г. заявил, что многие американцы встревожены тем ущербом, который наносят имиджу Токио визиты официальных лиц в святилище⁴³. Неготовность японского руководства дать исчерпывающую оценку своему историческому прошлому, содействовать переоценке ценностей и покаянию в японском обществе в той мере, в какой это сделали немцы по отношению к нацизму, вызывает критику со стороны Германии. Бывший канцлер ФРГ Гельмут Шмидт, выступая в Токио в октябре 2005 г., заявил: “У японского народа, к сожалению, в мире немного настоящих друзей... Это связано с двойственным отношением японской общественности к признанию завоеваний, началу войны на Тихом океане и преступлениям прошлого”⁴⁴. По свидетельству британского историка и политолога Фила Динза, в марте 2006 г. высокопоставленный дипломат Евросоюза говорил ему, что Германия не станет поддерживать стремление Японии войти в число постоянных членов Совета Безопасности, если японская сторона не признает свою ответственность за прошлые деяния. По словам дипломата, немцы оказываются в сложном положении из-за самой возможности того, что им могут приписать такую же позицию, какую занимает в этом вопросе Япония⁴⁵.

Японские политики оправдывали посещения храма Ясукуни приверженностью национальным традициям своей страны. Премьер-министр Дз. Коидзуми по поводу своего визита в Ясукуни в августе 2006 г. говорил: “Я посетил храм не для того, чтобы оплакивать определенных лиц (военных преступников класса “А”. — В.Г.), а чтобы выразить скорбь по поводу множества людей, погибших на войне. Это существенная сторона японской культуры”⁴⁶. Но в свете истории и характера святилища Ясукуни, с учетом той борьбы, которая велась вокруг него, такие высказывания представляются лукавством. Каждое посещение храма политическими лидерами Японии было точно рассчитанным и выверенным политическим шагом. Фил Динз полагает, что визиты Дз. Коидзуми в Ясукуни укрепили его положение в ЛДП и помогли умиротворить критиков выдвинутой им программы экономических преобразований. Вероятно, он счел, что издержки во внешней политике (критика из за рубежа) составляют ту цену, которую стоит заплатить, чтобы дать ход реформам. Его шаги были адресованы небольшой, но весьма влиятельной группе политиков внутри ЛДП, склонных к пересмотру исторического прошлого с националистических позиций⁴⁷.

В июле 2006 г. были опубликованы записи руководителя Управления императорского двора А. Томита, из которых следовало, что покойный император Хирохито был недоволен включением в перечень лиц, которым посвящен храм Ясукуни, имен главных военных преступников и отказался от посещений святилища (раньше он неоднократно его посещал). Эта новость об изменении отношения первосвященника синто к Ясукуни серьезно повлияла на настроения в япон-

ском обществе. Число людей, поддерживавших визиты политических лидеров в этот храм, уменьшилось⁴⁸.

В последующем премьер-министры японского правительства, избегая главным образом критики из-за рубежа, воздерживались от посещений Ясукуни. Это позволило преодолеть кризис в японо-китайских и японо-южнокорейских отношениях, возобновить прерванные встречи на высшем уровне. Однако обыгрывание темы святилища по-прежнему оставалось составной частью политики японского руководства. Так, в апреле 2008 г. 62 депутата японского парламента посетили храм Ясукуни по случаю очередного большого весеннего праздника⁴⁹. 7 октября 2008 г. премьер-министр Т. Асо, отвечая в нижней палате парламента на вопрос о том, намерен ли он посетить Ясукуни, сказал, что не хотел бы давать ни положительного, ни отрицательного ответа. Он также с сожалением заметил, что "в нынешней ситуации государству запрещено выражать высшую степень уважения тем, кто пожертвовал собой ради страны"⁵⁰. В апреле 2009 г. в связи с очередным большим весенним праздником храма Ясукуни его посетили 87 депутатов верхней и нижней палат парламента. Премьер-министр Т. Асо воздержался от визита, но передал в дар Ясукуни священное дерево сакаки, ветвями которого украшают храм во время церемонии поклонения обожествленным. Министерство иностранных дел Республики Корея заявило, что этот символический поступок японского лидера "вызывает сожаление"⁵¹. Аналогичной была и реакция МИД КНР. Таким образом, руководители правительственных кабинетов Японии, представлявшие Либерально-демократическую партию, расчетливо играли на "националистической клавише", апеллируя к сохранившимся в японском обществе настроениям уязвленной национальной гордости из-за поражения Японии во Второй мировой войне⁵².

Ситуация изменилась после прихода к власти в Японии 16 сентября 2009 г. кабинета министров, возглавляемого лидером Демократической партии Ю. Хатояма. Внешнеполитическая программа этой партии делает упор на развитие дружеских связей со странами Азии, поэтому Ю. Хатояма заявил, что не намерен посещать святилище Ясукуни, и просил членов своего кабинета также воздерживаться от визитов в храм. Премьер-министр поддерживает идею создания нерелигиозного мемориального комплекса в честь погибших на войне, который могли бы официально посещать японские политики. В Сеуле и Пекине положительно восприняли такие заявления японского лидера и выразили надежду на то, что новое японское правительство проявит конструктивный подход к проблемам истории⁵³.

За время деятельности кабинета Ю. Хатояма тема святилища Ясукуни действительно перестала быть раздражающим фактором в отношениях Японии с зарубежными странами. Однако она является частью более широкого вопроса исторической ответственности Японии и отношения к ней японского общества. Эта проблема едва ли может быть разрешена усилиями нынешнего коалиционного правительства Демократической партии, Социал-демократической партии и партии Новая комэйто. Правительственный кабинет наталкивался на серьезные трудности в проведении внутренней и внешней политики и проявлял определенную непоследовательность. Японцам будет непросто прийти к согласию в оценке прошлого своей страны.

1. *Молодякова Э.В.* Многоаспектность проблемы святилища Ясукуни // Япония 2007. Ежегодник. М., 2008. С. 58.
2. Синто. Путь японских богов. СПб., 2002. Т. 1–2. С. 309.
3. Там же. С. 275.
4. *Holtom D.C.* Modern Japan and Shinto Nationalism: a study of present—days trends in Japanese religions. Chicago, 1947. P. 12.
5. Ibid. P. 13.
6. Синто. Путь японских богов. СПб., 2002. Т. 1–2. С. 279.
7. *Holtom D.C.* Op. cit. P. 19.
8. *Танака Нобумаса.* Ясукуни но сэнгоси [Послевоенная история Ясукуни]. Токио, 2005. С. 7. Можно утверждать, что руководство Японии в целом злоупотребило результатами успешно проведенной после реставрации Мэйдзи модернизации страны (достижениями в развитии промышленности, науки, образования, медицины и т. д.), использовав их в милитаристских, захватнических целях.
9. Синто. Путь японских богов. СПб., 2002. Т. 1–2. С. 293.
10. *Ооэ Синобу.* Ясукуни дзиндзя. [Храм Ясукуни. Иванами синсе]. Токио, 2005. С. 162–164.
11. Синто. Путь японских богов. СПб., 2002. Т. 1–2. С. 294.
12. Там же. С. 295.
13. *Мураками Сигэеси.* Ирэй то секон. Ясукуни но синсе [Упокоение и вызов душ Идеология Ясукуни]. Токио, 2006. С. 202.
14. *Ооэ Синобу.* Указ. соч. С. 11.
15. *Танака Нобумаса.* Указ. соч. С. 11–13.
16. Там же. С. 13.
17. *Мураками Сигэеси.* Указ. соч. С. 204.
18. Там же. С. 205.
19. История Японии, 1868–1998: Учеб. пособие. М., 1998. Т. 2. С. 553.
20. *Танака Нобумаса.* Указ. соч. С. 25–27.
21. Ревностный защитник имперской политики Японии и противник послевоенных демократических преобразований, профессор Университета Мэйсэй Кэйитиро Кобори в книге “Ясукуни дзиндзя и японцы” пишет: “Послевоенная демократия сделала японцев низкими и даже внешне неприглядными... Видимо, как рефлекс на то презрение и отвращение, которые вызывают импортная идеология “послевоенной демократии” и ее последователи, усиливается любовь к Ясукуни дзиндзя”. *Кобори Кэйитиро.* Ясукуни дзиндзя то нихондзин [Храм Ясукуни и японцы]. Токио, 2005. С. 4.
22. *Мураками Сигэеси.* Указ. соч. С. 208–209.
23. Там же. Указ. соч. С. 212–213.
24. Там же. С. 214.
25. Там же. С. 216–217.
26. Там же. С. 218–219.
27. *Такахаси Тэцуя.* Ясукуни мондай [Проблемы Ясукуни]. Токио, 2005. С. 65.
28. *Танака Нобумаса.* Указ. соч. С. 152–153. Совет представителей почитателей Ясукуни включал весьма влиятельных политиков и представителей делового мира — например, бывшего мэра Токио Рютаро Хигаси и председателя Торгово-промышленной палаты Японии Сигэо Нагано (Там же. С. 152).
29. Там же. С. 114–116.
30. Там же. С. 142–143. В доказательство частного характера визита премьер-министра Т. Мики в Ясукуни 15 августа 1975 г. представители правительства указали на следующие моменты: 1) премьер-министр прибыл в храм не на служебном автомобиле; 2) он не тратил казенных денег на приобретение ветки священного дерева сакаки (клейеры) для подношения храму; 3) расписываясь в книге посетителей, не указал своей официальной должности; 4) его не сопровождали официальные лица (Там же. С. 143).
31. *Миццуги Сюдэй.* Атама о хиясу тамэно Ясукуни рон [Рассуждения о Ясукуни, призванные охладить голову]. Токио, 2007. С. 62.

32. Там же. С. 62–63. Характерно, что настоятель Ясукуни дзиндзя Нагаеси Мацудайра не был склонен идти на компромисс по поводу нарушения Накасонэ ритуала поклонения божествам Ясукуни. Действия Накасонэ во время визита в храм он оценил “проявление беспредельной невежливости к божествам”. Отношения между премьер-министром и настоятелем храма были испорчены (Там же. С. 63).
33. *Танака Нобумаса*. Указ. соч. С. 116–119.
34. Там же. С. 158–166.
35. *Ооз Синобу*. Указ. соч. С. 58.
36. Синто. Путь японских богов. СПб., 2002. Т. 1–2. С. 295–296.
37. *Танака Нобумаса*. Указ. соч. С. 8.
38. *Kingston J. Awkward Talisman: War Memory, Reconciliation and Yasukuni* // *East Asia: An International Quarterly*. 2007. Vol. 24, № 3. P. 301–302.
39. *Ibid.* P. 302.
40. *Танака Нобумаса*. Указ. соч. С. 221.
41. *Такахаси Тэцую*. Указ. соч.
42. См., например: *Окадзаки Хисахико*. Кокка сэнрюку кара мита Ясукуни мондай [Проблема Ясукуни с точки зрения государственной стратегии]. Токио, 2005.
43. *Кэмпбелл К.* Даматтэ иру кара бэйкоку сэйфу га сидзиситэ иру вакэ дэ ва най [То, что администрация США сохраняет молчание, не означает его поддержки] // *Рондза*. 2006. № 9. С. 77.
44. *Newsweek*. 2005. 26 oct. Цит. по: *Молодяков В.Э.* Историческая память японцев // Япония. Ежегодник. М., 2008. С. 298.
45. *Deans P.* Diminishing Returns? Prime Minister Koizumi's Visits to the Yasukuni Shrine in the Context of East Asian Nationalism // *East Asia. An International Quarterly*. 2007. Vol. 24. № 3. P. 280.
46. *Asahi Shimbun/International Herald Tribune*. 2006. 16 Aug.; *Deans P.* Op. cit. P. 276.
47. *Deans P.* Op. cit. P. 277.
48. *Емиури симбун*. 2006. 16 авр.
49. *Przystap J.J.* Institute for National Strategic Studies. National Defense University. Japan-China Relations: Progress in Building a Strategic Relationship. — www.csis.org/media/isis/pubs/0802qjapan_china.pdf.
50. *James J. Przystap.* Institute for National Strategic Studies. National Defense University. Japan-China Relations. Gyoza, Beans and Aircraft Carriers. — www.csis.org/media/isis/pubs/0804qjapan_china.pdf.
51. *Kang D.* University of South California. Ji-Young Lee, Georgetown University. Japan-Korea Relations. Pyongyang 's Belligerence Dominates. — www.csis.org/media/isis/pubs/0902qjapan_korea.pdf.
52. Премьер-министры Японии, представлявшие Социалистическую партию Японии — Т. Катаяма в 1947–1948 гг. и Т. Мураяма в 1994–1996 гг. — не посещали храм Ясукуни по идеологическим мотивам. Заявление премьер-министра Т. Мураямы 15 августа 1995 г. по поводу 50-летия окончания второй мировой войны, в котором содержалось извинение за то, что Япония “своим колониальным господством и агрессией причинила огромный ущерб и страдания народам других, особенно азиатских стран”, вызвало большой резонанс в Японии и за рубежом.
53. *Kang D.* University of South California. Ji-Young Lee, Georgetown University. Japan-Korea Relations: Japan's New Government: Hope and Optimism.- www.csis.org/media/isis/pubs/0903qjapan_korea.pdf.

Экономика

Новые тенденции и актуальные проблемы экономических отношений между Россией и Вьетнамом¹

© 2010

В. Мазырин

Представлены текущие изменения в экономических отношениях России и Вьетнама. Выявлены как объективные стимулы, так и трудности этого процесса. В порядке их значимости рассмотрены основные области взаимодействия — от военно-технической помощи до торговли и сферы услуг. Показано влияние мирового финансового кризиса, перехода СРВ к новой экономической модели и "морской стратегии" развития. Сделан вывод об активном сближении наших стран, преодолении застойных явлений в двустороннем сотрудничестве

Ключевые слова: Россия и Вьетнам, торгово-экономические отношения, военно-техническое содействие, промышленная кооперация, "морская стратегия" развития, влияние Китая

Предпосылки активизации сотрудничества

С 2001 г. двусторонние отношения России и Вьетнама, получив новый формат стратегического партнерства, начали выходить из длившегося почти целое десятилетие спада. Экономические и инвестиционные связи стали восстанавливаться, а взаимный товарооборот устойчиво расти. Активизировалось участие РФ в развитии ряда отраслей промышленности, укреплении военно-технического потенциала СРВ. Однако эта тенденция не выглядела устойчивой — подлинный перелом произошел, похоже, только в последние два-три года.

Какие же факторы привели к этому повороту? Следует назвать как изменение позиций обеих сторон, так и серьезную трансформацию отношений каждой из них с другими партнерами, сдвиги геополитического и геоэкономического порядка.

Мазырин Владимир Моисеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, доцент кафедры экономики и экономгеографии ИСАА МГУ.
Тел. 8 (916) 683-90-25.

В конце первого десятилетия XX в. руководство Вьетнама приступило к пересмотру своей внешнеполитической и экономической стратегии. Страна в основном завершила переход от административно-командной к рыночной системе хозяйства, исчерпала ресурсы и резервы экстенсивного роста, преодолела наиболее явные проявления бедности и отсталости. Начался этап модернизации и качественного совершенствования национальной экономики, углубления интеграции в мировое хозяйство. Соответственно, отчетливее стала ощущаться международная конкуренция, обострилась борьба за невозобновляемые ресурсы, потенциальные запасы стратегического сырья и места их расположения.

Основой для перемен стало существенное укрепление положения и авторитета страны в мире и собственном регионе. За 1986–2009 гг. благодаря устойчиво высоким темпам развития (в среднем 7,5% ежегодно) экономический потенциал СРВ вырос в 11 раз (по размеру ВВП в текущих ценах, пересчитанному в доллары США), а благосостояние граждан — в 7,6 раза (по среднелюдному показателю), что вывело ее в разряд стран со средним уровнем доходов. Даже по итогам кризисного 2009 г. удалось обеспечить увеличение ВВП на 5,32%². Международные инвесторы ставят Вьетнам в десятку самых быстрорастущих экономик мира (входящих в группы ВИСТА и БРИК)³. Страна превратилась в двигатель интеграционных процессов в Юго-Восточной Азии, начала играть видную роль в АСЕАН и других региональных организациях. С принятием в ВТО (с января 2007 г.) и получением места непостоянного члена Совбеза ООН (2007–2008 гг.) СРВ окончательно почувствовала себя полноправным и влиятельным членом мирового сообщества.

Вьетнам стал настойчивее отстаивать свои национальные интересы, задумываться о стратегических перспективах. В 2007 г. руководство СРВ сформулировало, а затем все активнее стало проводить курс на превращение страны в морскую державу регионального масштаба, что нашло отражение в ряде новых экономических проектов. Это расширение судостроения и мореходства, добычи морских ресурсов и использования территории островов, строительства транспортной и энергетической сетей, соответствующих промышленных объектов. Планируется, что к 2020 г. до 55% ВВП будет создаваться «морскими» отраслями экономики⁴. Такая ориентация может еще больше усилиться, если оправдаются прогнозы о крайне неблагоприятных для Вьетнама последствиях глобального изменения климата (затопление территории и т.п.)⁵.

Вполне очевидно, что в реализации данной стратегии Вьетнаму сложно рассчитывать на поддержку со стороны США и ЕС. Осознанию данной истины способствовал глобальный экономический кризис, начавшийся в самых развитых странах и повлекший изменение баланса сил и всей архитектуры мировой политики и экономики. Государством, в наименьшей степени пострадавшим от глобальной рецессии, даже укрепившим позиции в мире, оказался Китай. Зависимость Вьетнама от него выросла до критических размеров, тогда как еще 20 лет назад двусторонние связи были практически заморожены.

При быстром увеличении товарооборота сальдо в пользу Китая превысило в 2009 г. 11 млрд долл., что дало 94% дефицита всей внешней торговли Вьетнама⁶. Объем кредитования с китайской стороны фактически вырос до половины всего внешнего долга Вьетнама. По каналам как централизованной, так и пограничной торговли сюда хлынул поток дешевых товаров, не нашедших сбыта на рынках развитых стран. Компании из КНР все активнее действовали на вьетнамской территории, что больно ударило по местным произво-

дителям. Кроме того, заметно усилилась конфронтация вокруг спорных островов и акватории Южно-Китайского моря, сопровождаемая военными стычками и торгово-экономическими конфликтами⁷. Потребность в адекватном сдерживании мирной экспансии КНР серьезно повлияла на пересмотре внешнеполитических приоритетов Ханоя.

Двусторонний интерес. Россия оказалась единственной крупной влияющей державой, имеющей минимальный конфликтный потенциал с Вьетнамом и максимально близкие подходы к вопросам международного развития и двустороннего взаимодействия. Хотя сегодня экономические достижения РФ достаточно скромны, аналитики высоко оценивают ее долгосрочные перспективы⁸. Выдвигая задачу восстановления сотрудничества с Россией, лидеры СРВ признали нецелесообразность односторонней ориентации на промышленно развитые страны Запада с точки зрения интересов национальной безопасности, в том числе экономической⁹. В Ханое, безусловно, учли и военно-политический аспект: Россия стала последовательно отстаивать собственные интересы и интересы союзников, продвигать проекты глобального и регионального значения. Показательной была твердая позиция Москвы, которая вопреки внешнему давлению оказала помощь Южной Осетии и Абхазии летом 2008 г.

Будучи умелыми тактиками, вьетнамские лидеры приняли во внимание и тесные партнерские связи РФ с Китаем, позволяющие рассчитывать на посредничество Москвы в случае обострения отношений с Пекином. Значение Вьетнама как удобного канала продвижения России в ЮВА, расширения сотрудничества с АСЕАН, участия в интеграционных процессах в АТР также очевидно. Конечно, не стоит переоценивать перспективы России, “предложения” которой для государств ЮВА ограничены, а действия пока пассивны, тогда как экономическое влияние Китая непрерывно растет. С 2010 г. вступило в силу Соглашение о свободной торговле АСЕАН—КНР, а к 2015 г. должно быть завершено создание ЗСТ между ними.

Наряду с геополитическими мотивами сказывается и возникшее совпадение экономических потребностей и возможностей наших стран. Сотрудничество с Россией снова оказалось востребовано в тех областях, где она имеет богатый опыт и технический потенциал, широкое признание на международной арене. Характерно, что в этих же областях РФ стремится развивать отношения с другими членами АСЕАН. В сфере торговли также возникли условия для сближения. Так, Россия оказалась выгодным партнером в условиях спада на ведущих рынках, выступая поставщиком дефицитных для Вьетнама товаров и материалов, принимая без особых ограничений его традиционную продукцию. В свою очередь, она смогла получить дополнительные заказы на свою промышленную продукцию и технологии, которые на более развитых рынках мало востребованы.

Конечно, вьетнамская сторона добивается увеличения российских инвестиций¹⁰. По размеру зарегистрированного капитала СП, созданных во Вьетнаме, РФ в конце 2008 г. находилась на 16-м месте среди его иностранных партнеров. Накопленные инвестиции достигли 1935 млн долл. (доля российской стороны составляет 60%), фактически освоено почти вдвое меньше¹¹. За последние 2 года эти показатели удвоились за счет новых крупных объектов, однако наша страна намного отстает от конкурентов. Для сравнения, лидерами по прямым инвестициям выступают Тайвань (по накопленному за 1988–2008 гг. объему около 21 млрд долл.), Малайзия (18 млрд), Япония, Сингапур и Южная Корея (пример-

но по 17 млрд каждая). Вместе с тем, потенциал совместных проектов с Россией значителен и по ряду перспективных направлений пока не раскрыт.

Рассмотрим основные направления двустороннего сотрудничества в порядке их значимости и объемов.

Военно-техническое сотрудничество. Вьетнам ставит задачу обеспечения суверенитета над своим континентальным шельфом, особенно островами архипелагов Парасельский и Спратли. Для этого он укрепляет военно-морские и военно-воздушные силы, способность патрулировать удаленные от берега районы на море и с воздуха. Очевидно, что найти опору вне России для решения такой задачи проблематично, хотя западные эксперты полагают, что военным партнером Вьетнама не прочь стать США¹². РФ выразила готовность поставлять СРВ современные виды вооружения, а также предоставить соответствующее материально-техническое обеспечение.

Во время визита в РФ премьер-министра СРВ Нгуен Тан Зунга (декабрь 2009 г.) достигнуто самое крупное после окончания вьетнамской войны соглашение по поставке военной техники. Как сообщают СМИ, Вьетнам разместил дополнительный заказ на 12 многоцелевых истребителей Су-30МК2 (еще 8 должны быть поставлены в 2010 г.). Это доводит общую стоимость сделки до 1 млрд долл., закупка ракет и наземного оборудования может повысить ее еще минимум наполовину¹³. Серьезным пополнением ВМС Вьетнама станут шесть дизель-электрических подводных лодок (проект 636 "Варшавянка"). По данным российского Центра анализа стратегий и технологий, сооружение субмарин обойдется Вьетнаму в 1,8 млрд долл., а весь контракт, включая подготовку базы и кадров, в 4 млрд. Причем базу, по последним данным, предполагается воссоздать в бухте Камрань¹⁴.

Суммарно объем упомянутых заказов приближается к 6 млрд долл., что составляет свыше 6% ежегодного ВВП СРВ¹⁵. Даже оплата продукции по мере готовности, например, в течение 5–6 лет, ляжет тяжелым бременем на вьетнамский бюджет, тем более, что его дефицит в результате реализации пакета антикризисных мер предположительно достиг в 2009 г. критических 8–9% ВВП. Поэтому, возможно, поставки будут вестись в счет госкредита со стороны РФ.

По оценке аналитиков, выполнение данного соглашения выводит Вьетнам в ряд крупнейших покупателей российских вооружений в мире¹⁶. Более того, зарубежные эксперты квалифицируют эти закупки как крупнейшие в АСЕАН со времени приема СРВ в ее состав (1995 г.) Особо отмечается, что в распоряжение последней поступят такие образцы современного оружия, которых нет у других членов Ассоциации. По мнению англоязычной газеты Таиланда "Бангкок пост", это вызывает серьезную озабоченность стран региона, ибо "может усилить здесь напряженность и скорее повлечь возобновление гонки вооружений, чем укрепление мира"¹⁷. Другие члены АСЕАН (например, Малайзия и Индонезия), видимо, приветствуют участие РФ в обеспечении безопасности в регионе¹⁸. Понятно, что намерение поставить под сомнение приоритет Китая в Южно-Китайском море не встретит одобрения со стороны Пекина и может повлиять на его отношения с Москвой.

По имеющимся сведениям, вьетнамская сторона предлагает РФ участвовать в создании комплексной системы охраны морского побережья СРВ, регионального технического сервисного центра для системы ПВО, модернизации самолетов СУ и МИГ. Кроме того, продолжается техническое содействие в эксплуата-

ции и ремонте ранее поставленных вооружений, передача лицензий на производство отдельных видов военной техники, обучение местного персонала.

Топливо-энергетические ресурсы. Для поддержания набранных темпов промышленного роста Вьетнаму необходимо быстро наращивать энергоёмкости. С учетом угрозы мирового энергетического кризиса данная задача имеет для страны стратегическое значение. В 2010 г. внутренние потребности удастся удовлетворить в лучшем случае на 90% и придется импортировать 5–6 млн т нефтепродуктов¹⁹. Ввиду того, что в дальнейшем дефицит будет обостряться, правительство проводит курс на модернизацию и расширение обычных станций, ускоренное создание атомной энергетики, использование природных источников энергии — солнца, ветра, биогаза, геотермальных вод и т.п. Эти меры призваны снизить ущерб для окружающей среды от действующих станций, поскольку СРВ уже почувствовала опасность крупномасштабного экологического кризиса, вызываемого погоней за темпами роста экономики.

Оборудование предприятий, на которых сосредоточены выпуск и распределение электроэнергии, крайне изношено и устарело — большинство было построено при техническом содействии СССР минимум 20–40 лет назад. Например, эффективность работы ТЭС еще в начале этого десятилетия составляла только 25%, газовых установок 50%. потери при передаче электроэнергии по сетям более 15% (против 8–12% в странах АСЕАН)²⁰.

В сфере энергетики в последнее десятилетие российские компании утратили монополию. Сохранить позиции на вьетнамском рынке, опираясь на госкредиты РФ, пытается ОАО “Силовые машины”, которое занимается модернизацией ранее построенных станций, оснащением новых, выполнением контрактов “под ключ”. Компания “Интер РАО ЕЭС” в 2009 г. достигла соглашения о сооружении трех крупных тепловых электростанций (мощностью 1200 МВт каждая), в том числе двух во Вьетнаме и одной в Лаосе. Но китайские конкуренты все же идут впереди, выигрывают большинство тендеров, невзирая на заявления, что их оборудование дешевле, но хуже качеством.

В этой связи в России рассчитывают на участие в развитии атомной энергетики, чему способствует подписание в 2002 г. межправительственного соглашения и программы сотрудничества по мирному использованию атомной энергии, реализация контрактов на модернизацию Научно-исследовательского атомного реактора в г. Далате, поставка и монтаж оборудования для Ханойской гамма-установки.

Несмотря на финансовые и некоторые технологические преимущества французских и японских конкурентов, вьетнамская сторона склонилась в пользу проектирования и сооружения первой АЭС в провинции Ниньтхуан компанией “Росатом”. В этом случае Россия будет осуществлять и подготовку национальных кадров для атомной энергетики Вьетнама. Строительство станции (мощностью 4000 МВт) планируется начать в 2015 г., а ввести в строй в 2020 г. Стоимость проекта оценивается в 10–15 млрд долл., что суммарно превосходит все контракты с участием России по развитию вьетнамской энергетики²¹.

Во вьетнамской экономике, как и в мировой, важнейшей отраслью стала нефте- и газодобыча. РФ, являясь одним из мировых лидеров в данной сфере, давно и успешно сотрудничает с Вьетнамом. Запасы углеводородного сырья здесь залегают на континентальном шельфе, вдали от берега и на значительных глубинах, отчасти в акватории, на которую претендуют различные страны региона²². Российские компании обладают технологиями и опытом глубоководного бу-

рения и эксплуатации, добычи нефти из бедных и отработанных пластов. Их большое преимущество перед западными ТНК в сложившейся ситуации — возможность обойти фактическое эмбарго КНР на работу на спорных участках.

Расширению сотрудничества с Россией в последнее время способствовало предоставление Вьетнаму более выгодных условий, нежели действовавшие поначалу. Вьетнамской стороне открыт доступ к источникам углеводородного сырья на территории РФ. Для нашей экономики важно, особенно в условиях кризиса, привлечение вьетнамского капитала к освоению этих запасов²³. Стороны хотят совместно реализовывать проекты в третьих странах, например, в ЮВА, так как Вьетнам пока не выстроил собственные компании уровня ТНК и озабочен экономией невозобновляемых ресурсов.

Новые принципы сотрудничества реализованы с 2009 г. в рамках ведущего СП “Вьетсовпетро”, которое обеспечивает свыше 60% добычи нефти во Вьетнаме²⁴. Стороны решили преобразовать СП в акционерную компанию, начали разработку дополнительных месторождений, что позволит поднять добычу ценного сырья и снизить его дефицит в стране²⁵. Учредители “Вьетсовпетро” — “Зарубежнефть” и “Петровьетнам” — также создали СП “Русвьетпетро” на российской территории с уставным капиталом около 170 млн долл. Ему переданы нефтяные месторождения в Ненецком автономном округе, для освоения которых потребуется, по оценкам, около 2,5 млрд долл.

По пути наращивания взаимодействия с вьетнамской стороной пошел, хотя поначалу медленно, отраслевой гигант “Газпром”. После почти семи лет поисковых и разведочных работ в центральной части континентального шельфа Вьетнама в августе 2007 г. СП “Вьетгазпром” получило промышленный приток газа, который оценивается в 400 тыс. куб. м в сутки. В феврале 2009 г. осваиваемая территория была расширена на четыре блока, геологоразведку которых взялась профинансировать российская сторона. Как сообщается, “Газпром” планирует инвестировать 320 млн долл., чтобы к 2015 г. выйти на максимальную добычу, хотя сначала предстоит наладить технологию работы на шельфе²⁶.

“Газпром” рассчитывает получить долю в газораспределительных сетях СРВ (Petrovietnam Gas), которые только начинают сооружаться²⁷. Доступ к сырью на шельфе требует прокладки газопровода по морскому дну, и “Газпром” должен провести его сам, если не хочет, чтобы эту работу выполнили конкуренты²⁸. Недавно партнеры создали СП “Газпромвьет”, которое будет осваивать нефтегазоконденсатное Нагумановское месторождение в Оренбургской области и другие месторождения в Оренбуржье и Коми.

Промышленная кооперация. Сотрудничество в промышленности сосредоточено в традиционных отраслях, что частично снижает его значение для обеих сторон. Например, в электронике доминируют американские и азиатские компании. Поэтому обе стороны признают необходимость освоения новых сфер.

В сфере промышленного производства, особенно создающего высокую добавленную стоимость, России пока не удается конкурировать со многими странами, включая КНР. Переломить эту тенденцию намерена компания “Силовые машины” путем строительства в СРВ завода гидравлических турбин и гидрогенераторов. Ведутся также переговоры о налаживании совместного выпуска малых тракторов, спецсталей, электрокабелей, о развертывании инфраструктуры послепродажного обслуживания парка авиа- и вертолетной техники.

Лучше идет производственная кооперация, например, в автостроении. Российские предприятия “КамАЗ”, “УАЗ” перешли от поставки своих авто-

мобилей во Вьетнам к их сборке на месте. Однако выпуск ведется небольшими партиями, так как спрос на эти машины предъявляют в основном армия и органы внутренних дел, отдельные строительные компании; фирменная сеть техобслуживания отсутствует. За последние полтора десятилетия новые заводы здесь запустили 11 мировых автогигантов, которые работают не только на местный, но и на обширный региональный рынок, постоянно обновляют модельный ряд и улучшают сервис. Доступа сюда ищут и китайские автостроители, что еще более обострит конкуренцию.

Возможности начать сотрудничество в новых отраслях промышленности — металлургии, судостроении — ограничены. Дело не только в технологическом отставании России, но и в переизбытке мощностей во вьетнамской металлургии. В судостроении, безусловно, имеющем большие перспективы, прочные позиции уже захватили — Южная Корея и Тайвань. По оценке вьетнамских специалистов, необходимость обновления парка судов гражданского флота вызвана сильным износом большинства из них. Неудовлетворительное состояние флота и портового хозяйства препятствует активному участию страны в международных и региональных перевозках²⁹.

В начале 2000-х гг. российские судостроители упустили шанс опередить конкурентов. Остается надеяться, что выполнение крупных заказов на военные суда для Вьетнама известными кораблестроительными предприятиями России создаст основу для такого сотрудничества в дальнейшем хотя бы в отдельных сегментах. Перспективным может оказаться производство судовых двигателей и прочих агрегатов для малотоннажного флота. Вьетнаму с истощением доступной для простейших плавсредств прибрежной фауны придется перейти к лову морепродуктов в отдаленных районах современными траулерами. В туристической отрасли большой популярностью пользуются российские суда на воздушной подушке, однако их парк, сформировавшийся в начале 1990-х гг., устарел и не пополняется.

Особо остановимся на агропромышленной сфере, которая в 1980-е гг. рассматривалась как чуть ли не максимально отвечающая нуждам наших стран. В рамках долгосрочных целевых программ тогда были созданы крупные плантации по выращиванию кофе, чая, гевеи, кокосовой пальмы, которые сегодня приносят СРВ высокие доходы от экспорта продукции на мировые рынки. К сожалению, эти, как и большинство других проектов, не предусматривали долевого участия России в распределении прибылей. Исключением является эффективно работающее СП «Висорутекс», которое на базе плантаций гевеи (площадью 1 тыс. га) производит и экспортирует (ежегодно свыше 5 тыс. т) натурального каучука.

Стороны намерены создать ряд новых СП — по переработке чая, кофе, рыбы. Эти проекты могли бы быстрее осуществиться в случае участия России в международной программе содействия развитию Вьетнама (ОДА). Как считает вьетнамская сторона, предоставляя по примеру других стран свой капитал в форме льготных кредитов, РФ могла бы взяться за восстановление и расширение ранее созданных объектов, в том числе в агропромышленной сфере.

Проскты в сфере услуг. Вьетнамская сфера услуг в последние годы развивается исключительно динамично, привлекая основную массу иностранных инвестиций. Особенно это проявилось в условиях мирового экономического кризиса. Российские компании пришли в данную сферу с опозданием, что ограничивает их возможности.

Особый интерес представляет бурно растущий рынок информационных технологий. Его развитию оказывается активное содействие: создается инфраструктура, готовятся кадры, улучшается защита интеллектуальной собственности. Это обеспечило ему, особенно телекоммуникациям, самые высокие во всей экономике темпы развития в 1995–2008 гг. В результате удалось привлечь 332 иностранные компании с объемом инвестиций около 2 млрд долл. К 2013 г. приток капитала достигнет по прогнозам 3,5 млрд ³⁰.

Первой российской компанией здесь оказалось ОАО “Вымпелком”, которое создало СП GTEL-Mobile с уставным фондом около 300 млн долл. и планирует инвестиции до 1 млрд В 2009 г. пущена в коммерческую эксплуатацию сеть мобильной телефонии под торговой маркой Билайн³¹. СП намерено охватить услугами всю страну (пока они доступны в трех крупнейших городах — Ханое, Хошимине, Дананге для 2–4% абонентов в стране) и обеспечить 20% продаж SIM-карт. Удастся ли реализовать эти планы, покажет время, но развертываемая GSM-сеть, хотя и позволяет освоить формат 3G, технологически уступает конкурентам³².

Вьетнам, как один из перспективных рынков ИТ-услуг в Азии, начала осваивать российская частная компания Softline Venture Partners³³. Она хочет использовать большой потенциал вьетнамских разработчиков программного обеспечения и интернет-проектов. Совместная работа в сфере информатики крайне важна и перспективна с учетом провозглашенного СРВ курса на построение инновационной экономики. Здесь востребованы информационно-консультативные услуги. Потенциальные партнеры, особенно мелкие и средние предприниматели слабо знакомы с требованиями и состоянием рынков противоположной стороны. Поэтому информационный бизнес имеет большое будущее и в силу своей специфики может осуществляться небольшими компаниями.

Освоение высоких технологий вьетнамская сторона считает одним из своих приоритетов, и их передача должна стать одним из ключевых направлений сотрудничества. В то же время российское предложение ограничено, а продвижение на местный рынок требует серьезных финансовых затрат и лоббирования. Помимо исследований по обществоведению научные связи с Вьетнамом практически прекратились. Особняком стоит успешно работающий более 20 лет совместный Тропический центр, который ведет научно-практическую работу в разных сферах — от медицины до биологии.

Другим привлекательным сегментом является гостиничный и курортный бизнес. Инвестиции в него стимулируются льготным законодательством, наличием свободных земель (прежде всего, на протяженном и живописном морском побережье) и дешевой рабочей силы. Они достаточно быстро окупаются за счет благоприятных природных условий, доступного сервиса, высокой безопасности. Убедившись в выгоде работы на этом направлении, которое сопоставимо с Таиландом, ведущие российские туроператоры активизировали здесь работу. В результате многократно вырос поток российских туристов. С учетом этого российские девелоперы — инвестиционно-финансовые группы “Миракс” и “Метрополь” заявили в 2009 г. о планах сооружения отелей в Нячанге и на о-ве Кондао стоимостью около 330 млн долл. Расширение туристического бизнеса полностью вписывается в морскую стратегию СРВ.

Пока Россия слабо участвует в развитии транспорта — одной из наиболее отсталых, требующих больших инвестиций сфер вьетнамской экономики. Только авиасообщение с советских времен обеспечивает “Аэрофлот”, хотя сегодня его

позиции намного слабее, чем у зарубежных конкурентов. Закономерно и вытеснение с вьетнамского рынка наших гражданских самолетов, которые раньше здесь доминировали. Сейчас обсуждаются перспективы возобновления поставок российской гражданской и военной авиатехники. Почти полтора десятилетия ведется сотрудничество в обеспечении морского сообщения, обслуживании и ремонте судов, однако созданные СП работают неэффективно. Востребованы были услуги пункта материально-технического обеспечения в Камрани, который после закрытия в 2001 г. имеет перспективы восстановления.

Новый сектор, который должен быстро развиваться в СРВ, — городской общественный транспорт. Вьетнамские мегаполисы, особенно Хошимин, остро нуждаются в метро и автобусах. Если на рынке производства автобусов российскому бизнесу закрепиться не удалось, то в сооружении подземных магистралей, особенно под руслами крупных рек, у Метростроя есть весомые преимущества перед конкурентами. Однако нехватка финансовых ресурсов и опыта работы в рыночной среде за границей пока не позволили нашим компаниям получить доступ к сооружению первых линий метрополитена в Ханое и Хошимине.

Огромный простор для российского бизнеса открывает назревшая модернизация и расширение железнодорожного сообщения в СРВ — как путей, так и подвижного состава. Опыт работы в этом секторе у наших компаний есть, так как они занимались восстановлением основной магистрали страны — дороги “Единство” после окончания войны. Очень большие потребности уже сегодня ощущаются в развитии сухопутной транспортной инфраструктуры. Строительство автодорог, мостов, прокладка городских коммуникаций во Вьетнаме широко ведется и кредитруется зарубежными компаниями, в нем все активнее участвуют китайские подрядчики, использующие собственную рабочую силу (потеснить их сложно).

Возобновлены и расширяются связи и в банковском секторе. На смену стихийным попыткам отдельных российских банков найти нишу для своего бизнеса во Вьетнаме пришла координация усилий заинтересованных организаций обеих сторон в рамках Рабочей группы по межбанковскому сотрудничеству. В ноябре 2006 г. в Ханое начал работать первый совместный банк (ВРБ), который оказывает содействие развитию двусторонних торгово-экономических отношений, упрощению расчетов во взаимной торговле, реализации в СРВ крупных проектов с участием российского капитала.

Проблемы двусторонней торговли. В текущем десятилетии отмечен устойчивый рост двустороннего товарооборота (по данным вьетнамской статистики — с 363 млн долл. в 2000 г. до 1830 млн в 2009 г., а российской — со 156 млн долл. до 1562 млн, т.е. десятикратно³⁴). Он остается небольшим по объему, традиционным по ассортименту и занимает малозаметное место во внешней торговле обеих стран (на Вьетнам приходится лишь 0,3%, на Россию — 1,45%). Для сравнения, в 2009 г. вьетнамский товарооборот с КНР достиг 21,35 млрд долл. (17% всего оборота), с США — 14,36 млрд (11,5%), с Японией — 13,76 млрд (11%), со странами АСЕАН — 22,4 млрд (17,5%), с ЕС — 15,79 млрд. (12,3%)³⁵.

Особенно высокая динамика в российско-вьетнамской торговле отмечена в 2007–2009 гг. (в среднем 30–35% прироста ежегодно), что особенно примечательно с учетом кризисных явлений в мировой экономике. Вьетнам, настойчиво ищущий в последние годы альтернативных партнеров, начал, как нам представляется, поворот в сторону России, торговый потенциал которой предстоит раскрыть, особенно если перейти на взаиморасчеты в рублях.

Положительной чертой является сохранение в целом торгового баланса между нашими странами. Если прежде Россия обычно имела существенный профицит, то в 2006 и 2008 гг. образовался дефицит, а в 2009 г. снова достигнуто положительное сальдо. Вьетнам не смог увеличить поставки из-за падения спроса на российском рынке, сам же расширил закупки для сохранения темпов развития своей экономики.

Стремление сторон повысить объемы и эффективность взаимной торговли проявилось в поиске новых форматов. В частности, ведется подготовка двустороннего соглашения о создании совместной зоны свободной торговли. Поскольку РФ не является членом ВТО, она не может иным путем получить льготные тарифы на свои товары во Вьетнаме. По той же причине вьетнамская продукция оказывается менее конкурентоспособной на российском рынке, особенно при падении покупательного спроса в условиях кризиса.

Стороны стремятся к тому, чтобы взаимный товарооборот достиг 3 млрд долл. в 2010 г. и 10 млрд в 2020 г. Без реализации крупных проектов с участием государственных корпораций на поставку промышленного оборудования в СРВ или массовых партий тропической продукции в РФ (например, для оплаты оружия) удвоение объема нашей торговли в нынешнем году вряд ли возможно, не говоря уже о 4–5 кратном росте в последующие десять лет.

Хотя ассортимент российско-вьетнамской торговли улучшается, он серьезно отстает от оптимальных пропорций. В структуре вьетнамского экспорта преобладают сырье и товары с низкой степенью обработки и добавленной стоимости (прежде всего, продукты тропического земледелия, лесного и рыбного хозяйства). В последние годы доля продовольственной группы выросла до 60%³⁶, что и обеспечило подъем оборота. Быстрее других растут поставки морепродуктов — на них приходится около 30%, отражая морскую ориентацию вьетнамской экономики. Заметное место занимают изделия легкой промышленности — в основном, одежда и обувь. Расширение экспорта этой продукции во многом зависит от повышения качества.

Россия преимущественно поставляет в СРВ нефтепродукты, изделия из черных металлов, химические удобрения, машины, оборудование, транспортные средства и запчасти к ним. При этом доля продукции первого передела чрезмерно высока, а товары машиностроения (около 30% в объеме экспорта) утрачивают конкурентоспособность на вьетнамском рынке. РФ практически не экспортирует высокотехнологичную продукцию, в то время как спрос на нее во Вьетнаме растет. Выделение в 2010 г. 1,1 трлн руб. на развитие высокотехнологичного сектора в России³⁷, возможно, поможет переломить эту ситуацию в обозримом будущем.

Итак, изменения в геополитической и экономической ситуации, в устремлениях РФ и СРВ благоприятствуют подъему двусторонних экономических отношений и новому сближению. Объективная основа для взаимовыгодного сотрудничества способна значительно окрепнуть в ближайшие годы. Глобальный экономический кризис во многом стимулировал этот процесс. Следует активнее развивать двусторонние связи на тех направлениях, которые способствуют превращению СРВ в морскую державу, а РФ — в высокотехнологичную. В силу специфики экономических моделей Вьетнама и России, состоящей в большой роли государства в макроэкономическом регулировании, успех зависит от осуществления крупных хозяйственных проектов на межгосударственном уровне. Мелкий и средний бизнес также могут внести весомый вклад.

1. Автор дал анализ ключевых экономических аспектов современного двустороннего сотрудничества. Исторический обзор отношений между нашими странами в связи с их 60-летием см.: *Кобелев Е., Воронин А.* Яркая история дружбы и партнерства // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 1. С. 17–35.
2. Подушевой доход населения СРВ превзошел 1000 долл. США в 2008 г. // *Statistical Yearbook of Vietnam 2008*. Hanoi, 2009. P. 71; Предварительные данные ГСУ СРВ за 2009 г. — <http://www.gso.gov.vn/Default.aspx?tabid=217>. Расчет см. подробнее в: *Мазырин В.М.* Реформы переходного периода во Вьетнаме (1986–2006). М., 2007. С. 329–330.
3. В группу ВИСТА помимо СРВ входят Индонезия, ЮАР, Турция, Аргентина. Вьетнам, занимая 13-е место в мире по численности населения, оказался уже 57-м по размеру ВВП (37-м при его измерении по паритету покупательной способности за 2005 г., что составило 255,261 млрд долл. США) (*World Bank Development Indicators*, 2005).
4. VN quan tam chitn dau co doi moi cua Nga. — // www.bbc.co.uk/vietnamese/vietnam/2010/03/100302_viet_russia_fighterjets.shtml.
5. Подробнее см.: *Thayer C.A.* Vietnam and the impact of climate change // *Climate change and national security: a country-level analysis*. Monterey, CA, 2009. P. 48–75.
6. Рассчитано на основе предварительных данных ГСУ Вьетнама за 2009 г. — www.gso.gov.vn/default.aspx?tabid=629&ItemID=8264; www.gso.gov.vn/default.aspx?tabid=629&ItemID=9545 — 14.02.2010.
7. В частности, Китай силовыми способами и косвенным давлением препятствует ведению вьетнамскими судами рыбного лова, а также добыче нефти и газа в зонах. одно-сторонне объявленных частью китайской территории.
8. Например, по оценке ведущей мировой консалтинговой компании PricewaterhouseCoopers LLP, к 2030 г. Россия станет самой мощной экономической державой Европы, а в мировом рейтинге она выйдет на 5-е место. — fintimes.km.ru/ekonomika-rossii/krizis/9422 — 22.01.2010.
9. *Нгуен Ван Бинь.* Торгово-экономические отношения СРВ с США и странами ЕС в конце XX — начале XXI вв.: Автореф. дисс. д.э.н. М., 2006. С. 36.
10. Это понимает и российское руководство. В 2006 г. В. Путин во время визита в СРВ в качестве президента РФ обещал инвестировать во вьетнамскую экономику миллиарды долларов. Речь шла о совместных проектах не только в энергетике, но и в области телекоммуникаций, металлургии, агропромышленного комплекса и транспорта.
11. *Statistical Yearbook of Vietnam 2008*. Hanoi, 2009. P. 103, 106; *Statistical Yearbook of Vietnam 2007*. Hanoi, 2008. P. 103, 106. В ряде источников обеих сторон до сих пор приводятся существенно заниженные против этих данные.
12. *Carter A.B., Perry W.J.* China on the march // *The International Interest*. 2007. № 88. P. 21.
13. Вьетнам также рассматривает возможность приобретения новейших самолетов СУ-35, МИГ-29 и вертолетов Ми-17 и даже истребителя пятого поколения Т-50, который начнет выпускаться на паритетных началах российско-индийским предприятием только с 2015 г. — <http://www.argumenti.ru/news/news/14667> — 14.05.2009; РИА Новости. 19.08.2009. — news.km.ru/rossiya_postavit_vosem_su-30mk2; VN sap ky hop dong mua vu khi cua Nga. — www.bbc.co.uk/vietnamese/vietnam/2009/12/091205_viet_russia_deal.shtml — 05.12.2009; VN quan tam chien dau co doi moi cua Nga. — www.bbc.co.uk/vietnamese/vietnam/2010/03/100302_viet_russia_fighterjets.shtml — 03.02.2010.
14. *Котова Ю.* Вьетнам потратит на российские истребители \$1 млрд — www.gzt.ru/topnews/politics/-vjetnam-potratit-na-rossiiskie-istrebiteli-1-mlrd/ 288617.html — 10.02.2010; lenta.ru/news — 12, 19.12.2009. Покупка самолетов и подлодок не просто увеличивает их арсенал у Вьетнама, но и сопровождается сопутствующими инфраструктурными услугами: созданием причалов, системы обслуживания и управления, связи и обучения персонала.

15. ВВП Вьетнама в 2009 г. оценочно достиг 93,56 млрд долл. — см.: Cuc Dau tu nuoc ngoai, Bo Ke hoach va Dau tu. Bao cao nhanh dAu tu trUc tiEp nuOc ngoai nam 2009.-- www.gso.gov.vn/Default.aspx?tabid=217.
16. Dang sau hop dong mua ban vu khim. — http://www.bbc.co.uk/vietnamese/vietnam/2010/02/100203_vietnam_russia_arms.shtml.
17. Bao Thai lo viec Viet Nam mua vu khi. — www.bbc.co.uk/vietnamese/world/2009/12/091221_bangkokpost_vietarms.shtml — 2009. 21 дек.
18. См. подробнее: Джозеф К.Т., Хамзах Б.А. Территориальные споры в Южно-Китайском море и роль АСЕАН // Тихоокеанское обозрение, 2008–2009. М., 2010. С. 134–143.
19. Developing energy sources // Vietnam economic review. 2001. № 2 (78). P. 42–43.
20. Там же.
21. Сейчас “Росатом” имеет заказы на строительство АЭС в нескольких странах мира, включая Болгарию, Индию, Китай, Иран и Бангладеш. В некоторых странах строительство уже ведется. См.: Россия поможет Вьетнаму построить АЭС. -- lenta.ru/news/2009/12/15/vietnam/16.12.2009.
22. Подробнее см.: Локшин Г.М. Трудный путь к сотрудничеству в Южно-Китайском море // Тихоокеан. обозрение, 2008–2009. М., 2010. С. 144–152.
23. Инвестиции Вьетнама за рубежом выросли в 2007–2008 гг. в 6 раз. См.: Statistical Yearbook of Vietnam 2008. Hanoi, 2009. P. 114.
24. Mo rong giao thuong Viet — Nga, thu hep khoang cach.--www.vietrussia.com/bizcenter/0/news/1523/11680.
25. Газета. 2009. 1 июля.
26. Gazprom co ke hoach dau tu lon vao Viet Nam. — www.vietrussia.com/bizcenter/0/news/1615/16923 — 15.12.2009.
27. Бирюков А. Вьетнам ждет российских энергетиков. — www.gzt.ru/topnews/economics/277717.html — 16.12.2009.
28. Консорциум с участием американской, японской и тайландской компаний получил контракт на строительство газопровода на юге Вьетнама стоимостью 1 млрд долл. Из 400 км газопровода 246 км пройдут по дну моря, см.: Вьетнам получит новый газопровод стоимостью \$1 миллиард. — neftegaz.ru/news/view/93509/ - 12.03.2010.
29. Нгуен Ван Бинь. Указ. соч. С. 29.
30. www.outsource-portfolio.com — 01.02.2010.
31. Участниками этого СП стала компания, владельцем которой является министерство общественной безопасности Вьетнама (признак поддержки со стороны местных властей), и американская Millennium Global Solutions Group, специализирующаяся на финансовых инвестициях.
32. По данным Frost & Sullivan, в 2009 г. число сотовых абонентов во Вьетнаме составляло 64,8 млн чел., т.е. уровень проникновения рынка достиг 74,9%. — www.comnews.ru/index.cfm?id=47336 — 17.08.2009; telnews.ru/event/14084 — 12.09.2007.
33. <http://erpnews.ru/ext146845.html> — 18.08.09.
34. ФТС России, в т.ч. данные за 2008–2009 г. — www.customs.ru/ru/stats/stats/popup.php?id286=632; www.rusimpex.ru; www.vietrussia.com/bizcenter/0/news/1615/16901.
35. ГСУ Вьетнама. — www.gso.gov.vn/default.aspx?tabid=629&ItemID=8264; // www.gso.gov.vn/default.aspx?tabid=629&ItemID=9545 — 14.02.2010.
36. Nhieo co hoi mo rong giao thuong voi Nga // Kinh te Sai Gon online. — www.vietrussia.com/bizcenter/0/news/1523/11678.
37. Инновации получили импульс на 1,1 трлн рублей — fintimes.km.ru/ekonomika-rossii/finansirovanie/10066 — 4.03. 2010.

Заккрытие "Большого рынка", или Уход от "серых таможенных схем"

© 2010

М. Александрова

Заккрытие оптово-розничного Черкизовского рынка стало одним из шагов российского правительства в борьбе с нелегальным ввозом некачественной продукции на территорию РФ. Неоднозначная реакция китайской стороны породила множество слухов, один из которых — массовое закрытие китайских предприятий, производивших для России контрафактную продукцию. Текстильная, легкая, обувная отрасли российской промышленности имеют большую социальную значимость, обеспечивая также выполнение государственного заказа, удовлетворяя потребности армии и других силовых ведомств.

Ключевые слова: "Черкизон", контрабанда, "серая растаможка", контрафактные товары, китайские предприниматели в России, товары теневого происхождения, дешевая рабочая сила, градообразующие отрасли.

Произошедшее в минувшем году закрытие Черкизовского рынка всколыхнуло СМИ не только КНР и России, но и многих стран Запада. Почему — попытаемся разобраться.

Проблема Черкизона неотъемлемо связана с таким явлением, как "серая растаможка", или, по сути, с контрабандой товара, которое складывалось в течение долгого времени под влиянием многих факторов. После распада СССР дефицит товаров, а также цены на большую группу товаров легкой и обувной промышленности и продовольствие оказались чрезмерно высокими для большей части граждан России. Правительству пришлось сделать ставку на массовый импорт. В целях упрощения таможенных процедур российская сторона разрешила определенным компаниям по поручению поставщиков товаров оформлять их прохождение через границу РФ, а также осуществлять транспортировку и таможенную очистку. Данный способ обеспечивал бизнесменам, торгующим на российском рынке, упрощение процедур импорта: поручители платят такой компании за весь пакет услуг и получают товар на своем российском складе. Подобные операции более 15 лет практиковались также в торговле с Турцией, Южной Кореей, Испанией, Италией, Германией.

За истекшие годы придумано множество схем ухода от налогов, снижения себестоимости товара, сокращения таможенных платежей. Предприниматели из России используют зачастую так называемые консигнационные склады на тер-

ритории транзитных государств — Финляндии, Германии, стран Балтии. Там китайские блузки и кроссовки “меняют” страну происхождения и ввозятся под марками европейских фирм. Используются также схемы, предусматривающие подмену налогооблагаемых товаров на товары “прикрытия” (например, натуральные норковые шубы декларируются как синтетические одеяла).

При использовании подложных товаросопроводительных документов грузы идут сразу с двумя комплектами документации — настоящей и поддельной. При выезде из сопредельного государства предъявляются правильные документы, а на российской границе товар оформляется уже по подложным.

Например, финские таможенники не скрывают, что 60% грузов из этой страны идут по подложным документам, то есть контрабандой. Часть из них изготавливается за границей, а часть — в России. Предъявляемые на российской таможне бланки уже имеют соответствующие отметки о прохождении таможни сопредельного государства. Ввезенный подобным образом товар является, с точки зрения Таможенного и Уголовного кодексов, одним из видов контрабанды, замаскированной под легальный ввоз товара.

В соответствии с Законом РФ № 166 от 11 декабря 2002 г. “О внесении изменений и дополнений в Закон РФ “О товарных знаках, знаках обслуживания и наименования мест происхождения товаров”, контрафактными являются товары, этикетки, упаковки этих товаров, на которых незаконно используется товарный знак или сходное с ним до степени смешения обозначение¹.

В течение многих лет компетентные ведомства России не придавали большого значения полулегально-криминальной процедуре таможенной очистки груза: борьба с этим “недугом” то начиналась, то приостанавливалась. Правительство России осведомлено о всех недостатках подобных процедур, однако не может (а порой создается впечатление, что не очень-то и желает) окончательно от них избавиться.

Причины этого — сложные, затрагивающие разные факторы. Прямое следствие закрытия каналов “серой” растаможки — повышение цен на потребительские товары в России, что повлияло бы на повседневную жизнь людей. Вместе с тем, подобный вид таможенной очистки товара представляет цепочку интересов разных групп, весьма влиятельных в России, и закрытие данного канала реально уменьшает их доходы².

Подобные контрабандные схемы, крайне выгодные и китайским торговцам, поддерживаются и “теоретически” обосновываются в научной сфере КНР, не говоря уже о ее СМИ. Так, экономическая газета “Чжунго цзинци шибао” писала: “Кроме исключения волокиты, серая схема таможенного оформления позволяет сэкономить как деньги на таможенных платежах и пошлинах, на оплате квалифицированного специалиста по ВЭД, на дополнительных расходах, связанных с хранением на СВХ, на простое автомашин и прочем, так и время на проработывание поставки, на согласование вида и перечня документов с таможенными органами, с транспортными компаниями, с поставщиками”³.

Стараниями недобросовестных китайских и российских дельцов еще в начале 1990-х гг. общественности было навязано несколько мифов, главный из которых — легальная таможенная очистка значительно дороже, чем “серая”, из чего следует логичный вывод: если товар будет импортироваться легально, то он подорожает в разы, и большая часть российских граждан не сможет его приобрести.

Спектр товаров, ввозимых по подобным контрабандным схемам, широк (от крупной машинотехнической продукции до несессеров и зубочисток), но са-

мая значительная доля приходится на продукцию текстильной, швейной, обувной и меховой промышленности. Основная часть товаров этой группы реализуется через оптово-розничные рынки крупных городов России. К крупнейшим из них следует отнести: закрытый летом 2009 г. “Черкизовский рынок” в Москве (который обеспечивал товаром Центральную Россию и даже восточные регионы Украины), “Таганские ряды” в Екатеринбурге (снабжение региона Урала), “Шанхай”, или “Шанхайка” в Иркутске (снабжение Иркутской и соседних областей), рынки в Хабаровке, Уссурийске.

Возникнув незаметно, как результат технических мер городских властей по упорядочению уличной торговли, рынки стали стремительно разрастаться и превратились из обычных торговых площадок в целые городские кварталы со своими этническими, культурными, криминальными особенностями. В этих полиэтнических конгломератах преобладающей национальностью являются ханьцы (китайцы). На Черкизоне работали люди как минимум двенадцати национальностей: вьетнамцы, корейцы, индусы, афганцы, азербайджанцы, уйгуры, украинцы, горские евреи, турки, таджики, узбеки, русские, но численно, конечно, преобладали китайцы. По данным Федерации мигрантов России, на Черкизовском рынке трудилось более 100 тыс. чел., из которых, по данным Торговой палаты РФ, около 60 тыс. — коммерсанты из КНР⁴. В основном это были предприниматели без образования юридического лица — выходцы из провинций Гуандун, Чжэцзян, Хэбэй, Сычуань⁵. Объявления на рынке чаще всего делались на трех языках — русском, азербайджанском, китайском. У жителей городов, где появилась такая “беда”, подобные рынки ассоциируются с китайцами и соответственно с некачественным ширпотребом, убогими трущобами, скученностью, антисанитарией.

Значительная доля подобных рынков зародилась в начале 1990-х гг. (к примеру, в Москве они стали размещаться на стадионах). В этот период возник стереотип “состоявшегося” молодого человека — китайский костюм а-ля “Ади-дас” и золотая турецкая цепочка на шее. Спорт в те годы стал не интересен ни государству, ни населению (в него ведь требовалось инвестировать средства), тогда как рынки сулили деньги как городской казне, так и правоохранительным, санитарно-эпидемиологическим, торговым, налоговым органам, а также чиновниками от спорта. Подобные рынки были выгодны буквально всем — от милиции, налоговой полиции, прокуратуры области, таможни, миграционных служб, до ОМОНа, РУБОПа, ОУБЭПа и даже ГИБДД, но только не отечественной промышленности. Результат подобной политики очевиден: за вытеснением спорта последовал полный провал российской сборной на зимней олимпиаде в Ванкувере.

Первые московские этнические оптово-розничные рынки были созданы на стадионах “Лужники” (горские евреи и азербайджанцы), “Динамо”, “ЦСКА”, “Труд” (вьетнамцы), на стадионе Института физической культуры “Измайлово” (горские евреи). В первые годы китайских торговцев в Москве фактически не видели — они торговали исключительно на Дальнем Востоке (в Хабаровске, Благовещенске, Иркутске, Чите и др). В тот период китайцы начинали зондировать ситуацию в Центральной России, но прежде всего их интересовала Москва, поэтому сформировались специфические схемы передвижения. Туристические фирмы провинции Хэйлунцзян комплектовали туристические группы со всей КНР, которые собирались в Харбине, затем на поезде или автобусе пересекали границу РФ и из ближайшего аэропорта (чаще Благовещенска или Хабаровска) вылетали в Москву. Термин “туристы” к ним не слишком подходил, ибо когда в мос-

ковском аэропорту приземлялся самолет с такой “тургруппой”, к нему подавался грузовик, на который выгружались товары. Программа пребывания в Москве и Санкт-Петербурге включала ознакомление с Кремлем и Эрмитажем, но “туристов” эти объекты не слишком интересовали, главное для них было — попасть на рынок и реализовать свою продукцию (в основном, “пуховики” и спортивные костюмы, но иногда доходило до абсурда — китайцы привозили макаронные изделия, жевательную резинку, даже кубки победителя соцсоревнования). В состав групп входили директора, парторги или же ведущие специалисты маленьких частных фабрик. Таким “ненавязчивым” образом происходил маркетинг московского рынка. В свою очередь и граждане бывшего СССР проводили активное торговое сотрудничество с китайской стороной: сначала закупали товары в СУАР. Но уже со второй половины 1990-х гг. стала формироваться разветвленная закупочно-логистическая цепочка сначала в Пекине на рынке Ябаолу, а затем по всей КНР — с погнанпереходов провинции Хэйлунцзян через провинцию Чжэцзян до г. Гуанчжоу на юге.

Во второй половине 1990-х гг. наиболее активные из китайцев стали проникать в Москву, хотя пока что побаивались выходить открыто на торговые площадки, недостаточно ориентируясь в ситуации на рынке. Местами их размещения (работы и проживания) стали общежития и дешевые гостиницы. Китайцы в Москве, как и в других странах предпочитали в те годы селиться кучно, исключительно среди своих соплеменников. В Москве появилось несколько таких точек — район м. “Сокол” в зданиях общежитий государственных вузов, район метро “ВДНХ”, Измайловский район от 1-й до 16-й Парковой улиц, а также гостиница “Молодежная” и еще несколько общежитий в районе метро “Петровско-Разумовская”. В местах проживания китайцев сразу возникали точки общепита, чаще всего они были официально зарегистрированы и поэтому включались в механизм по отмыванию нелегальных денег от торговли. Условия их проживания настолько ужасны, что когда русский человек попадает туда, ему становится не по себе. Зайти на эту территорию не просто: во-первых она контролируется двумя этническими группами внешней охраны (редко славяне, чаще — уроженцы Кавказа), и внутренней — из китайцев. Китайцы были непритязательны, в одном общежитии в 15–17 этажей могло проживать 2–3 тыс. чел. со своим товаром. Аренда четырехместной комнаты 5–7 лет назад стоила 300 долл., двухместной — 200. В каждой комнатухе обычно ютятся несколько семей. Те, что побогаче, могли позволить себе целую комнату. Такое существование в этническом “гетто” китайцев, понятно, не удовлетворяло. Неведомо, кто и с кем договорился, но в конце 1990-х гг. они “выходят в свет”. К тому времени уже сформировалась надежная оптово-розничная сеть Москвы и Центральной России, основу которой составил Черкизовский рынок, охватывающий 12 торговых зон: “Старый АСТ”, “Новый АСТ”, “Малый АСТ”, “Новая Евразия”, “Трейдикс”, ТК СДЛ, Сиреневая ярмарка, “Росклас”, “Щебенка”, “Илиевский”, “Вернисаж” и ТЦ “Черкизовский”. Рынок всегда контролировался группой “АСТ” и ее дочерними структурами⁶.

Естественно, дебют китайской диаспоры должен быть заранее обговорен с хозяевами рынка и их “крышей”. Ситуацию на АСТ контролировали семьи Исмаилова⁷ и Илиева.

Желающий торговать на рынке брал в аренду контейнер, за который с него администрация сразу получала 100 тыс. долл. (если человек решал уйти, он продавал контейнер преемнику). Эти затраты быстро себя окупают — например, продавцы кожаных изделий за год зарабатывают до 1,5 млн долл., дешевой

обуви — от 800 до 900 тыс. евро. Поскольку товар ввозился контрабандным путем, то у него, естественно, отсутствовали подлинные сопроводительные документы. Поэтому на рынке возникли фирмы, которые продавали китайцам различные сертификаты. Так, сертификат соответствия продукции стоил на 1 год в среднем 5 тыс. долл. Каждые три месяца продавец заключал с хозяином рынка договор об оплате. Сумма эта включала и “налог” за “крышу”, с которой дело имел лишь один хозяин. Подобные операции проходили и с трансфертом денег из России в КНР: подпольные китайские банки действовали непосредственно на территории рынка, где и они, и торговцы чувствовали себя в безопасности. Китайцы — народ непритязательный, жить в нечеловеческих (по европейским нормам) условиям им не привыкать, к тому же есть цель — стать богатым.

Черкизон функционировал как розничный и как мелкооптовый, ежегодно его посещало в среднем до 1 млн чел., из всех регионов Центральной России съезжалось до несколько сотен автобусов, что создавало пробки и неопишемую грязь на рынке и вокруг него⁸. Если бы этот рынок не приносил прибыли отдельным китайцам и даже целым городам, то никто в Китае и слова бы не сказал в связи с его закрытием. Но уже арест партии груза в сентябре 2008 г. повлек сильный всплеск негативных эмоций в китайской прессе. Различные ассоциации производителей обуви, женских колготок, детской обуви и др. не уставали писать, как русские обидели “бедных китайцев”, которые наичестнейшим образом трудились в России. Впрочем, имели место и относительно объективные публикации. Так, китайский внешнеторговый журнал “Чжунго дуйвай маои” отмечал: “удостоверения личности выходцев из Китая, занимающихся в России торговлей, зачастую изготавливаются в компаниях-посредниках. В связи с этим у китайских граждан зачастую отсутствует право на легальное проживание в России. В результате исследований, проведенных координационной группой, выяснилось что данная ситуация складывалась на протяжении долгих лет, и за нее должны нести ответственность и китайская, и российская стороны”⁹.

Антироссийские настроения особенно усилились после закрытия злополучного Черкизона: теперь к голосам СМИ присоединились и государственные чиновники. Так, официальный представитель министерства коммерции КНР Яо Цзянь заявил, что закрытие рынка нанесло значительный ущерб нескольким десяткам тысяч китайских предпринимателей, работавших на нем. “Мы надеемся, что российская сторона при решении вопроса с Черкизовским рынком Москвы учтет исторические факторы проблемы, дружественным путем, поэтапно и постепенно решит ее, в соответствии с законом защитит права китайских предпринимателей и предприятий, будет избегать чрезмерно резких действий”, — гласило его заявление. По утверждению Яо Цзяня, “китайские предприниматели в России длительное время сталкиваются с неудобствами при прохождении таможни и другими препятствиями... Деятельность китайских предпринимателей в России, включая их работу в Москве, внесла положительный вклад в оживление рынка и развитие российской экономики”¹⁰.

На российскую сторону возводились абсурдные обвинения в том, к примеру, что потеря работы на рынке стала для нескольких граждан КНР “причиной для самоубийства”. 24 июля 2009 г. китайские СМИ писали: “Торговые палаты г. Пекина, провинций Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун, Хэбэй и др. опубликовали совместные статистические данные, что по причине закрытия Черкизона пострадало около 20–30 тыс. предприятий на территории КНР, а нанесенный им прямой экономический ущерб оценен в 40 млрд юаней (около 5,85 млрд долл.)”¹¹.

Китайская сторона не удовлетворилась устными и письменными заявлениями высоких госчиновников: в Москву прибыл во главе координационной группы замминистра Министерства коммерции КНР Гао Хучэн. По данным “полевых исследований” группы был составлен статистический отчет, в котором указывалось, что почти 90% китайских торговцев вернулись на Родину, остальные ожидают лучших времен. Координационная группа установила, что крупные производители и торговые сетевики не хотят уходить с московского рынка, составляя на нем 40%. В том числе, около 20% из них имеют собственный бренд. В состоянии ожидания — около 30%; убытки потерпело около 25%; примерно 5% переместились в Екатеринбург, Новосибирск, Санкт-Петербург и др. города РФ. При этом многие из китайских предпринимателей хотели бы заниматься упорядоченной и законной торговлей, но таковая должна подкрепляться определенными гарантиями.

Еще одна проблема китайских торговцев — правовой статус их пребывания в России. С августа 2009 г. в соответствии с российским законодательством документы китайских граждан на проживание и разрешение на работу могут быть продлены только на год. Это означает, что гражданам КНР, уже прожившим в России свой срок, нельзя оформить продление и остается лишь одно — вернуться в Китай для нового оформления визы. У некоторых торговцев документы просрочены, однако наличие огромных партий непроданного товара мешает им вовремя вернуться на Родину”¹².

Среди огромного потока жестких и не всегда справедливых статей в китайской прессе есть весьма дельные и объективные (таковые, к сожалению, редкость). Так, “Чжунго цзинцзи шибао” писала: “По убеждению китайских торговцев, регистрация компании поможет упорядочить весь торговый процесс, а также избавить от бесконечных контрольных проверок. Большинство из них уже начали это осознать. Вместе с тем, самой злободневной проблемой остается вопрос — сохранится ли бумажная волокита при регистрации компании в России и, как следствие этого, неоправданно большие расходы? На деле же все реализуется достаточно просто. Нужно лишь найти адвокатскую контору и предоставить необходимые для рассмотрения и регистрации документы. После регистрации компании (на это уходит обычно две-три недели) необходимо оформить в службе занятости и в миграционной службе приглашения сотрудникам, разрешения на их трудовую деятельность, медицинскую и социальную страховку, подать заявку на открытие счета по социальному страхованию, организовать аренду офисных помещений, установить заработную плату для персонала, а также предусмотреть оплату агентских услуг и других расходов. На все это требуется примерно 10 тыс. долл. (весь процесс займет 40–60 дней). По завершении данного этапа необходимо выплатить агенту около 500–700 долл. за предоставление соответствующих юридических услуг (эта сумма взимается адвокатской конторой в индивидуальном порядке, исходя из специализации вновь зарегистрированной компании, а также количества занятого в ней персонала).

Вступив в практический этап своей работы, компания должна принять в штат бухгалтера и другой персонал. Как правило, ежемесячная заработная плата каждого сотрудника должна составлять около 1500 долл. При желании можно обратиться в адвокатскую или финансовую контору для снижения данных издержек. Компания в среднем в год может сэкономить до 500–1000 долл.”¹³.

Интересное мнение высказал заместитель руководителя Китайской торгово-промышленной ассоциации по Московской области Яо Цзюньвэнь:

“Несмотря на то, что китайские предприниматели работают на российском рынке в течение долгих лет, они не имеют достаточно глубокого понимания всей специфики российского рынка и спроса на нем. Не хватает знаний относительно законодательно утвержденной концепции и самого способа ведения бизнеса в России. Вероятно, многие китайские коммерсанты при реализации своих товаров по привычке используют свободный рынок. Но сейчас эта площадка закрыта, клиенты исчезли. Поэтому отдельные китайские предприятия, направляющиеся в Россию самостоятельно, берут на себя ответственность и риски по перевозке грузов, их прохождению через границу, хранению, реализации и др. Вместо ухода на другие контейнерные рынки, которые могут закрыться в любое время, стоит смело сделать шаг вперед, встретить вызов и, приняв удар, воспитать собственных дилеров”.

Генеральный директор Пекинской компании грузовых перевозок “Дали” Юй Хан считает: “Китайским предпринимателям необходимо открывать свои компании, чтобы потом либо самостоятельно, либо через специализированные конторы, занимающиеся растаможиванием, ввозить товары “вбелую”, нанимать российских бухгалтеров и работоспособный персонал, надлежащим образом осуществлять бухгалтерскую отчетность, оформлять документы о закупке товаров и их реализации, проводить обучение и в конечном итоге на совместные коллективные средства создать сетевые площадки для реализации товаров через Интернет”¹⁴.

То, что китайская сторона защищает своих торговцев — вполне закономерно, но для того, чтобы в будущем не возникало подобных ситуаций, важно разъяснить китайским предпринимателям и другим гражданам КНР, зачем и почему российская сторона пошла на эти шаги. В июне 2009 г. официальный орган Правительства РФ “Российская газета” назвала Черкизовский рынок “черной дырой”, где не действуют законы, работают нелегальные гастарбайтеры, где торгуют контрабандными товарами. Руководитель департамента потребительского рынка и услуг Москвы Владимир Малышков сообщил газете, что Роспотребнадзор уже неоднократно давал предписания об устранении выявляемых там нарушений санитарных и торговых норм, большинство из которых выполнено не было. Малышков также утверждал, что, по его оценке, минимум 40% товарооборота там (как, впрочем, и на любом московском рынке) по ситуации на 2009 г., являлись нелегальными¹⁵.

Представители правительства РФ объясняли также закрытие Черкизона как меру по защите отечественных производителей и поддержке легкой промышленности. Так, по данным министра промышленности РФ Виктора Христенко, приведенным на заседании правительства 1 июля 2009 г., несмотря на примерно 2 млрд долл. государственных инвестиций в техническое перевооружение в конце 1980-х — начале 1990-х гг., состояние предприятий легкой промышленности с середины 1990-х гг. неизменно оценивается как критическое. Предприятия теряли объемы производства, начали перепродавать оборудование в Турцию и Китай, где как раз начинался бум в легкой промышленности¹⁶.

Российская сторона на протяжении последних 5–6 лет предпринимала меры, направленные на отход от контрабандных схем импорта, многие крупные российские оптовые сети и импортеры давно уже ввозили товар, честно платя все налоги и другие необходимые отчисления в госказну. Вследствие этого в последние годы доля товаров теневого происхождения (подпольные цеха или нелегальный ввоз) стала сокращаться: в 2008 г. она составила 46,8% против 49,7% в 2007 г.

и против 69,2% — в 2005 г., но и эти показатели велики, они никоим образом не отвечают ни государственным интересам России, ни Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г. В настоящее время мобилизационные потребности страны удовлетворяются лишь на 17–36%, а должны составлять не менее 51%. Чтобы добиться этого, нужно развивать цивилизованный конкурентный рынок, т.е. торговлю через сетевые магазины взамен торговли на вещевых рынках, констатирует министерство¹⁷.

Когда защитники Черкизона, утверждают, что с его закрытием может потерять работу около 0,5 млн торговцев, никто не пытается подсчитать, сколько квалифицированных работников российской легкой, текстильной, обувной, меховой промышленности уже стали безработными за 20 лет реформ. Так, в настоящее время в легкой промышленности РФ работают 14 тыс. предприятий, расположенных в 72 регионах. На них трудятся 487 тыс. чел., из которых 75% — женщины. Около 70% предприятий легкой промышленности являются градообразующими для малых городов. Продукция легкой промышленности имеет устойчивый спрос, она востребована практически во всех сферах жизни человека, без нее невозможна работа многих отраслей экономики. Ткани и товары для дома, изделия медицинского назначения, одежда и обувь, технический текстиль и обмундирование для вооруженных сил, отделка автомобилей и самолетов — трудно представить себе какую-либо сферу жизни и экономики, где бы не применялась продукция легпрома¹⁸. К сожалению, наша легкая промышленность не имеет естественных конкурентных преимуществ перед зарубежными производителями. Она практически полностью зависима от импортного сырья. Особенно удручающе выглядит рост доли импорта готовых тканей в структуре потребления сырья российскими компаниями — налицо постепенное исчезновение отечественной текстильной промышленности.

Еще тяжелее ситуация в кожевенно-обувной промышленности, обострявшаяся еще до кризиса. Ввиду снижения пошлин на импорт обуви и недавнего повышения цен на ввоз комплектующих (стоимость которых стала дороже готовой обуви), происходит массовое перемещение оптовиков с заказами на производство своих коллекций в Китай. Выжить удалось единицам, причем большинству — на работах по финишной сборке обуви, сделанной в Китае — что позволяет заявлять, будто обувь была произведена в России).

Обувной рынок — один из самых емких в России. По данным Российского союза кожевников и обувщиков (РСКО) его емкость ныне достигает 10–12 млрд долл. При том около 90% рынка приходится на импорт. По данным “Национального обувного союза”, основные поставщики обуви на российский рынок — Китай (85%) и Турция (7–9%). На долю Германии и Италии приходится около 5%. Исследования рыночного агентства Discovery Research Group показывают, что продажи обуви на рынке России, включая нелегальный импорт без уплаты пошлин, в 2008 г. составляли от 420 млн до 640 млн пар, а стоимость реализованной продукции могла превысить 20 млрд долл.

В официальной импортной статистике подобные цифры не находят отражения. По данным таможенного управления, стоимость импорта обуви в 2008 г. составила 2,8 млрд долл., в том числе из Китая — 1,9 млрд долл.; Италии — 251,45 млн долл.; Вьетнама — 101,04 млн долл.; Германии — 42,39 млн долл.¹⁹. При этом большая часть китайской обуви, ввозимой в Россию по поддельным накладным, при ввозе значится как сделанная в Италии, Испании, Бразилии, Португалии. Подобные факты не только наносят ущерб репутации стран-производи-

телей качественной обуви, но и способны вредить здоровью населения из-за несоответствия гигиеническим и иным требованиям. Важен не только количественный, но и качественный контроль над ввозимой продукцией. В последнее время страны ЕС все чаще стали задерживать китайскую обувь на границе из-за несоблюдения норм безопасности продукции. В частности, в кожаной обуви находят шестивалентный хром и свободный формальдегид, что чревато онкологическими заболеваниями. Обувь, завозимая в Россию нелегально, никак не проверяется на безопасность, что не может не волновать наше правительство. Четыре пары обуви из пяти, реализованных на российском рынке, изготовлены, по расчетам Министерства промышленности и торговли, в Китае. Согласно информации Российского союза кожевников и обувщиков, в настоящее время обувь в Китае закупается по 10–14 долл. за пару и продается в розничной торговле по 50–400 долл.²⁰

Сегодня российский рынок нуждается ежегодно в 230–250 млн пар обуви. Отечественные производители выпускают 50 млн пар (хотя мощности отечественного “обувьпрома” в состоянии самостоятельно производить 150 млн пар). При этом 80 млн пар ввозится в страну официальным путем, с уплатой всех причитающихся налогов и пошлин, а 150 млн пар — это неучтенный китайский импорт²¹.

Из-за обувных контрабандистов Россия ежегодно теряет, по подсчетам экспертов, около 1 млрд долл., включая неуплаченные налоги и пошлины. Когда прилавки магазинов переполнены товаром неизвестного происхождения по цене на 30–40% дешевле, чем отечественные изделия, анализировать рынок и прогнозировать спрос невозможно.

Почему в России, так много китайской обуви? С конца 1990-х гг. китайские производители стали постепенно выходить на мировой рынок со своей дешевой обувью, в настоящее время по подсчетам специалистов уже около 80% мирового обувного рынка держит Китай. Как они этого добились? 20 лет назад три региона были названы обувными городами — Гуанчжоу, Вэньчжоу, Чэнду. Государство за свой счет инвестировало средства в базовые производства — кожзаводы, фурнитурщиков. А на этой базе потом появились обувные фабрики. Сейчас только в Гуанчжоу числится 10 тыс. предприятий, связанных с обувью, включая смежников, картонажников. Вэньчжоу, расположенный в юго-восточной части провинции Чжэцзян, является одной из основных баз по производству обуви. Его продукция экспортируется в более чем 150 стран и регионов мира, основными импортерами были Россия, Украина и другие страны СНГ.

Согласно статистике, в 2008 г. выпуск обуви в Китае превысил 10 млрд пар, объем экспорта составил 28,8 млрд долл. На долю Вэньчжоу пришлось соответственно 12 и 10% от этих показателей²².

В Китае обувь производить выгодно: много сырья, комплектующих и дешевых рабочих рук. При высокой производительности труда там много производителей. Они могут снижать себестоимость за счет больших объемов производства и высокой степени кооперации: кто-то производит пресс-формы, кто-то — подошвы, кто-то собирает заготовки для верха обуви. В последние 5 лет многие европейские производители обуви низкой и средней ценовых категорий перевели часть своих производств в страны Азии и Латинской Америки, в основном в КНР, Вьетнам, Бразилию.

Преимущества китайского обувьпрома:

- собственное сырье, т.е. кожи, получаемые от собственного животноводства, подкладочные ткани из отечественного хлопка, льна;

- дешевизна рабочей силы;
- оснащенность производства отечественным оборудованием (швейными, обувными, литьевыми машинами), которое в 2–3 раза дешевле итальянских или немецких;

- дешевые кредиты с тарифами 0–2%.

Ситуацию, в которой оказалась российская кожевенно-обувная промышленность, можно назвать критической, что усугубил мировой кризис. Чтобы окончательно ее не загубить, практически единственное решение на современном этапе — введение квотирования обувного импорта.

С экономической точки зрения, наведение порядка на таможенной границе принесет не только прямые доходы государству, которые можно направить на решение социальных вопросов, но и значительное повышение уровня производства собственной промышленности, что сулит дополнительные рабочие места, увеличение заработной платы, обеспечение населения качественными товарами, отвечающими нормам безопасности.

Чтобы вывести из состояния глубокого кризиса отечественную промышленность, упорядочить импорт продукции легкой, обувной и ряда других стратегически важных отраслей, а также защитить рынок от контрафактной и в большинстве своем некачественной продукции, целесообразны следующие меры:

- ужесточить запрет на работу иностранных граждан в сфере торговли, услуг, общепита, туризма;

- повысить стандарты качества импортных товаров;

- изменить порядок тарифно-таможенного регулирования (обнуление ввозных пошлин на сырье и существенное их повышение на ввоз готовой продукции);

- перевести на упрощенную систему налогообложения все предприятия легкой, обувной, текстильной, пищевой и ряда других отраслей, вне зависимости от их размера, т.е. фактически не облагать их НДС;

- утвердить перечень технологического оборудования, которое в соответствии пунктом 2 статьи 2 Федерального закона от 26 ноября 2008 года № 224-ФЗ освобождается от уплаты НДС при ввозе на таможенную территорию Российской Федерации.

* * *

Проблема “серой растаможки” — это вопрос политический, экономический, юридический, национально-этнический, социальный, санитарно-гигиенический, этический, технологический, но самое главное — вопрос безопасности нашей Родины.

“Серая растаможка” — тема, вызывающая озабоченность с обеих сторон. Для снятия ограничений в развитии двусторонней “народной” торговли правительства РФ и КНР создали в 2004 г. Китайско-российскую правительственную рабочую подкомиссию по усовершенствованию торговых порядков. Некоторое время назад президентом России Д. А. Медведевым и председателем КНР Ху Цзиньтао в ходе его визита в Россию было подписано Совместное заявление по итогам встречи глав государств Китая и России. В нем подчеркнуто, что “в рамках российско-китайской комиссии регулярных встреч премьеров будет создана подкомиссия по таможенному сотрудничеству и что эти меры призваны стимулировать процесс отказа китайско-российской народной торговли от “серой растаможки” и нормализации двусторонней торговли.

Важным шагом на пути к улучшению качества ввозимых в Россию из КНР товаров стало подписание в Пекине в октябре 2009 г. при участии премьеров России и Китая В.В. Путина и Вэнь Цзябао “Меморандума о сотрудничестве по упорядочению таможенных формальностей между Главным таможенным управлением КНР и Таможенным управлением РФ”. Важный пункт в нем — решение об обмене информацией относительно таможенных брокеров, а также об изменениях и обновлениях в таможенном законодательстве. Этот список — первый реальный шаг в рамках подписанного меморандума.

Но пока в верхних эшелонах власти обсуждается, как изменить данный механизм, чтобы всем “было хорошо”, язва по имени “Черкизон” расплзается, мимикрируя, вдоль всего МКАДа, выходит за пределы Москвы. По состоянию на начало 2010 г. таких рынков в Москве и ближайшем Подмосковье стало восемь!

1. Российская Торговля. 2007. № 7–8.
2. http://russian.china.org.cn/business/txt/2009-07/23/content_18192108.htm
3. Чжунго цзинцзи шибао. 2009. 25–26 авг.
4. <http://russian.cri.cn/841/2009/08/13/1s302829.htm>
5. “Чжунго цзинцзи шибао. Там же.
6. <http://ru.wikipedia.org>
7. АСТ” возглавляет 53-летний горский еврей, уроженец Баку Тельман Морданович Исмаилов (76-е место в списке Forbes 2006 г.), фирма “Ильев” — детище другого горского еврея, Зараха Бинсионовича Илиева (68-е место в том же списке). Входящая в группу “АСТ” компания “КБФ-АСТ” арендует большую часть из 72 га “торговой земли” рынка. Группе также принадлежат ресторан “Прага”, здание Военторга и участок земли на пересечении Воздвиженки и Никитского бульвара. Ежегодный оборот “АСТ” — около \$2 млрд, а принадлежит прибыль в равных долях самому Исмаилову, двум его сыновьям и племяннику. Большая часть Черкизовского рынка принадлежит группе компаний АСТ, которую контролирует семья Исмаилова. Группа, созданная в 1989 г., включает 31 компанию. Развивают различные виды бизнеса: гостиничный, строительный, охранный, ресторанный, пассажирские перевозки и производство ювелирных изделий. — (http://www.info.ru/business/crime/2009/06/08/Tyelman_Ismailov_uzh.phtml).
8. <http://www.chinapro.ru/rubrics/2/3586/>
9. Чжунго дуйвай маои. 2009. № 11.
10. <http://www.interfax.ru/society/txt.asp?id=91106>
11. Чжунго цзинцзи шибао. Там же.
12. Чжунго дуйвай маои. 2009. 25–26 авг.
13. Чжунго цзинцзи шибао. Там же.
14. Чжунго цзинцзи шибао. Там же.
15. <http://www.rg.ru/2009/06/09/cherkizovo.html>
16. <http://www.gzt.ru/society/249446.html>
17. <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2009/07/16/205360>
18. http://www.biz-expo.ru/journal/matter/17/tjaghelaja_bolezn_legkoj_prom
19. <http://www.rian.ru/economy/20100119/205293051.html>
20. <http://www.rian.ru/economy/20100119/205293051.html>
21. “Пограничная угроза” // “Рос. Торговля. 2007. № 7–8.
22. <http://russian.people.com.cn/31518/675946.htm>

Российский Дальний Восток

Китайский труд в Забайкалье

© 2010

А. Тарасов

Неблагоприятная демографическая ситуация в крае делает приток трудовых мигрантов важным фактором хозяйственной жизни. Привлечение иностранной рабочей силы способствует оживлению местной экономики. Вместе с тем присутствие китайских мигрантов на территории края остается пока небольшим, не угрожает занятости местного населения и не вызывает социальных проблем.

Ключевые слова: Забайкалье, миграция, рабочая сила, демография, китайцы.

Приграничное положение края, наличие построенной еще в царское время железной дороги в Китай, которая остается главным транспортным коридором российско-китайской торговли, сооружение во второй половине 1990-х гг. международного автомобильного пункта пропуска (МАПП) Забайкальск — крупнейшего на азиатских границах России, а также вполне добрососедские отношения с сопредельными районами КНР, серьезно ничем не омрачавшиеся уже более 20 лет, в совокупности превратили Забайкалье в значительный канал миграции китайцев в Россию.

Таблица 1.

Въезд иностранцев через пункты пропуска Забайкальского края в 2004–2008 гг.¹

Годы	2004	2005	2006	2007	2008
Иностранцев всего	250129 (+12,9%)	275904 (+10,3%)	207804 (-24,7%)	238565 (+14,8%)	251915 (+5,6%)
Доля граждан КНР	96,9%	96,9%	Нет данных	98,0%	97,0%

Принимая во внимание данные по постановке и снятию с миграционного учета иностранных граждан в крае, следует отметить, что большая часть китайского миграционного потока через Забайкалье носит либо характер транзита в другие регионы страны, либо маятниковый характер, когда китайцы возвращаются на родину в срок, не требующий обязательной постановки на миграционный

учет. При этом число китайских граждан, поставленных в крае на такой учет в период с 2003 по 2008 гг., выросло в 3,3 раза, в то время как аналогичный показатель для граждан СНГ увеличился в 2,3 раза — число учтенных китайских граждан росло в 1,4 раза быстрее, нежели число граждан других государств.

Таблица 2.

Иностранцы граждане, поставленные на миграционный учет по месту пребывания в Забайкальском крае и снятые с миграционного учета в связи с выездом из РФ

	Поставлено на миграционный учет				Снято с учета
	КНР	СНГ	Другие	Всего	
2008 г.	54 976	18 265	2 398	75 639	53 676
2007 г.	40 782	17 896	2 255	60 933	33 147
2005 г.	29 645	9 090	1 324	40 059	
2003 г.	16 472	7 977	1 050	25 499	

Данные миграционные процессы развиваются на фоне чрезвычайно неблагоприятной демографической ситуации в крае:

Таблица 3.

Некоторые данные о демографической ситуации и рынке труда в Забайкальском крае²

Годы	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Все население, тыс. человек	1265,9	1178,3	1165,4	1152,6	1143,9	1135,7	1128,2	1122,1	1118,9	1117,0
Естественный прирост, убыль (-) населения, человек	-3372	-3201	-3367	-3653	-3826	-3740	-4194	-1820	466	1720
Миграционный прирост, убыль (-) населения, человек	-6148	-6305	-6121	-6533	-4998	-4474	-3289	-4314	-3639	-3621
Среднегодовая численность занятых в экономике, тыс. чел.	439,2	449,7	459,8	469,4	470,4	471,4	481,8	483,3	490,1	493,5
Численность безработных по методике МОТ, тыс. чел.	114,7	76,7	81,9	62,7	78,9	64,2	60,4	48,2	54,3	82,1
Численность безработных, зарегистрированных в органах государственной службы занятости, тыс. чел.	12,7	10,2	30,8	24,6	19,2	14,9	12,8	16,2	15,1	18,2

В период с 2000 по 2008 гг. население Забайкальского края сократилось на 61,8 тыс. чел. — в среднем на 18,8 чел. в день — по причине крайне высокой смертности и непрекращающегося оттока местного населения в старообжитые районы страны с более благоприятной социально-экономической ситуацией. Несомненно, что миграционный процесс был бы иным, если бы регион переживал

хозяйственный подъем. Наметившийся в последние годы естественный прирост в связи со вступлением в репродуктивный возраст поколений 1980-х гг., не превысивший миграционную убыль, в ближайшие годы прекратится, и темпы депопуляции возрастут.

Забайкалье уступает большинству областей страны по параметрам качества и уровня жизни и не располагает перспективами расширенного воспроизводства своего демографического потенциала. Общероссийская кризисная ситуация здесь обострена до предела, особенно в показателях, касающихся генетического фонда, и наиболее вероятно депопуляция населения³.

Роль забайкальцев в хозяйственной жизни страны постоянно снижается. При рассмотрении динамики валового внутреннего продукта на душу населения выясняется, что, если в 2000 г. средний забайкалец производил 64% от объема производства среднего россиянина, то в 2007 г. это соотношение упало уже до 50,8%.

Таблица 4.

Объем ВВП на душу населения, рубли

Годы	2000	2003	2004	2005	2006	2007
РФ	49835	91607	118537	151106	188813	232990
Забайкальский край	25320	46286	53748	61527	80639	101052
% краевого показателя от среднероссийского значения	64,0	61,8	54,9	48,8	51,1	50,8

Не мудрено, что в относительно благополучном 2008 г. 223,1 тыс. жителей Забайкалья имели доход ниже прожиточного минимума.

Таблица 5.

Численность населения в Забайкальском крае с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума

Годы	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Тыс. человек	799,2	651,9	519,8	372,6	328,9	297,5	268,6	268,8	223,1
% от общей численности населения	67,0	55,3	44,6	32,3	28,8	26,2	23,8	23,9	19,9
То же в среднем по России	29,0			20,3	17,6	17,7	15,2	13,3	13,5

(Правда, доля бедных падает, а отставание по производству ВВП при этом растет. Оттого возникают сомнения в корректности соответствующих расчетов местного ведомства по труду и социальным вопросам).

В таких условиях средний мужчина в Забайкалье с большой вероятностью окончит жизнь еще до выхода на заслуженный отдых. Разница в продолжительности жизни в среднем по России и Забайкальскому краю — около пяти лет.

Таблица 6.

Ожидаемая продолжительность жизни мужчин при рождении (лет)

Годы	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Забайкальский край	56,7	53,9	54,9	54,0	53,2	52,9	55,3	56,7
В среднем по России	59,0	58,9	58,7	58,6	58,9	58,9	60,4	61,4
Разница	2,3	5,0	3,8	4,6	5,7	6,0	5,1	4,7

Есть и другие негативные моменты. Например, забайкальцы накладывают на себя руки в 2,6 раза чаще, чем в среднем по России. Смертность от убийств в Забайкалье в 3 раза выше, чем в среднем по стране.

Таблица 7.

Смертность на 100000 человек населения

Годы		2000	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
От убийств	Забайкальский край	53,1	74,5	64,1	63,8	64,5	54,0	49,1	52,8
	В среднем по России	28	31	29	27	25	20	18	17
	Соотношение	1,9 р.	2,4 р.	2,2 р.	2,4 р.	2,6 р.	2,7 р.	2,7 р.	3,1 р.
От самоубийств	Забайкальский край	81,7	92,8	77,3	77,0	72,2	70,6	80,0	70,0
	В среднем по России	39	38	36	34	32	30	29	27
	Соотношение	2,1 р.	2,4 р.	2,1 р.	2,3 р.	2,3 р.	2,4 р.	2,8 р.	2,6 р.

Этим объясняется миграционная убыль по несколько тысяч человек в год: Восточная Сибирь в настоящее время не только не является привлекательной для китайской миграции, поскольку не дает переселенцам из Поднебесной шансов на радикальное улучшение жизни, но и выталкивает русских по той же причине. Все, кто могут себе позволить перебраться в “теплые” края: образованные, квалифицированные, молодые и успешные — уезжают. А остающиеся, можно предположить, представляют собой результат многолетнего отрицательного отбора.

По степени отставания от среднероссийского уровня социально-экономического развития и жизни, доступу к престижному образованию, современному здравоохранению и прочим благам цивилизации местное население Забайкалья по существу является “гражданами второго сорта” в собственном государстве, и вследствие этого “голосует ногами”.

Вместе с тем, огромное число коренных жителей Забайкалья давно отдыхают, развлекаются, лечатся и учатся в соседнем Китае, не имея средств приобрести услуги аналогичного качества у себя на родине. В 2008 г., например, число выездов российских граждан в КНР через пункты пропуска в Забайкальском крае составило больше миллиона человек/раз, многократно превысив аналогичный показатель для китайских граждан, въехавших в Россию. Довольно часто бывая в соседней Маньчжурии, жители Забайкалья своими глазами могут наблюдать результаты политики КНР по возрождению и развитию старых промышленных баз Северо-Востока и западных районов Китая, поневоле сравнивая хозяйственную эффективность деятельности китайских властей и федерального центра.

Вместе с тем, официальная статистика демонстрирует стабильный рост занятых в экономике — за последнюю декаду этот показатель вырос с 439,2 до 493,5 тыс. чел., на 54,3 тыс. чел. или на 12,4%. При этом официальная безработица снижалась в 2001–2005 гг. с 30,8 до 12,8 тыс. чел., обнаружив в 2006–2008 гг. нестабильную повышательную тенденцию до 18,2 тыс. чел.

Сохранение определенного уровня безработицы среди местного населения указывает не столько на трудоизбыточность территории, сколько на проблему мобильности местной рабочей силы. Жители из сельских районов с деградирующим хозяйством, не имея возможности переехать в относительно благополучную Читу из-за того, что весь читинский заработок будет уходить на найм жилья, вынуждены оставаться на месте и жить нехитрым домашним хозяйством, перебиваясь случайными доходами. Наличие или отсутствие иностранных ра-

ботников на этот процесс, в общем, никак не влияет. Именно низкая мобильность — производная бедности — делает местный рынок труда неэффективным.

В то же время в Забайкалье в отдельных отраслях, таких как, например, строительство, дефицит рабочей силы стал превращаться в важный фактор, сдерживающий развитие. Он постепенно становится характерной чертой российского Забайкалья, и экономическая необходимость заставляет обращаться к привлечению рабочей силы из Китая.

Таблица 8.

Число трудовых мигрантов, легально осуществлявших трудовую деятельность на территории края (области)

Годы	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Всего, в том числе	1444	2124	3381	4783	7233	9821	14463	19830	31323	33681
СНГ	266	1823	854	1291	1634	2128	2705	3618	8340	6065
Дальнее зарубежье (КНР)	1178	301	2527	3492	5599	7693	11758	16216	22983	27616
Доля китайцев в экономически активном населении, %	0,27	0,00	0,55	0,74	1,19	1,63	2,44	3,36	4,69	5,60

По данным ФМС России, именно работа является преобладающей целью временного пребывания мигрантов на территории Забайкальского края. В предшествующий период доля прибывших потрудиться постоянно росла, а в 2008 г. составила 61,8% временных мигрантов — максимальное значение. В период 2005–2008 гг. доля официально прибывших на работу выросла в 2,4 раза: с 25,7 до 61,8%.

Таблица 9.

Распределение временных мигрантов по целям пребывания (%)

Годы	Работа	Деловая и гуманитарная	Частная	Туризм	Учеба
2008	61,8	14,5	18,4	3,8	1,2
2007	54,0	17,3	20,5	7,2	0,1
2005	25,7	24,1	26,3	23,5	0,4

Как видно из приведенной выше таблицы, число китайских трудовых мигрантов в Забайкалье постоянно росло в течение 10-летнего периода с 1999 по 2008 г. В 2008 г. этот показатель также принял максимальное значение — 27 616 человек, увеличившись по сравнению с 1999 г. в 23 с лишним раза.

Несмотря на впечатляющие темпы роста, если учесть общую численность экономически активного населения в крае, то ясно, что в настоящее время доля иностранной рабочей силы является небольшой. Если отвлекаться от отдельных объектов и отраслей — строительной и лесной, — ее вклад в экономику края был и остается несущественным.

Соотнося динамику привлечения китайской рабочей силы в хозяйство края со статистикой безработицы, нельзя однозначно подтвердить тезис профессора В.Г. Гельбраса, что применение китайского труда приводит к увеличению числа рабочих мест для местного населения. В то же время следует отметить, что использование китайской рабочей силы определенно не вызывает роста безработицы.

Вместе с тем, именно привлечение иностранной рабочей силы служит важной предпосылкой и показателем начавшегося до кризиса экономического ожи-

вления. За десять лет с 1999 по 2008 гг. ввод в действие жилья вырос в 3,6 раза, а вывоз древесины в 2007 г. (максимальное значение до введения запретительных пошлин на круглый лес) по сравнению с 1999 г. вырос в 2,7 раза.

Таблица 10.

Данные о вводе в действие жилья и вывозе древесины

Годы	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Ввод в действие общей площади жилых домов, тыс. кв. м	72,7	74,8	92,6	81,4	101,8	147,1	131,1	179,0	232,7	258,6
Вывоз древесины, тыс. пл. куб. м	522,0	532,7	489,2	535,6	621,7	789,2	863,8	948,3	1181,9	735,3

Направления преимущественного использования китайского труда — отрасли, где основные производственные операции не поддаются механизации: лесоповал, кирпичная кладка и отделочные работы в строительстве определяются текущей экономической конъюнктурой. В докризисный период строительные подрядчики спешили освоить “горячие” инвестиции. Вместе с тем, китайский спрос на древесину несколько оживил и лесную промышленность.

Таблица 11.

Распределение иностранных работников по отраслям хозяйственной деятельности (%)

Годы	2001	2004	2005	2006	2007	2008
Строительство	41,4	45,8	51,6	46,0	57,7	68,7
Лесное хозяйство	24,9	31,7	23,8	21,6	17,1	10,8
Оптовая и розничная торговля	4,6	10,7	8,2	20,0	18,4	7,2
Добыча полезных ископаемых	17,9	5,9	6,6	н/д	1,8	2,1
Сельское хозяйство	2,9	2,9	3,4	2,4	1,1	2,1

Как видно, доля иностранных работников, занятых в строительстве, довольно стабильно росла с 2001 по 2008 гг.: с 41,4 до 68,7% — в 1,7 раза. В то же время доля иностранцев, занятых в лесной отрасли, постоянно сокращается с 2004 г., а с 2006 по 2008 гг. падает вдвое, с 21,6 до 10,8%. Это связано с политикой федерального центра по сокращению экспорта круглого леса и введением высоких вывозных пошлин на эту товарную позицию.

Доля иностранцев, занятых в торговле, росла до 2006 г., когда она достигла своего максимального значения в 20,0%, превысив даже долю занятых в лесном хозяйстве. В последующие годы в связи с известными ограничениями участия иностранцев в торговле, введенными федеральным правительством, этот показатель сокращается, хотя на 2008 г. он более чем в три раза превышал пропорцию занятых в добыче полезных ископаемых и сельском хозяйстве.

Очевидно, в связи с наступлением финансово-экономического кризиса мы увидим резкое сокращение объемов и строительства, и экспорта древесины, а также, соответственно, масштабов привлечения в эти отрасли китайского труда.

На стройках и лесосеках китайцы трудятся сравнительно большими коллективами, которые остаются изолированными этническими анклавами. Все проблемы с работодателем решают, естественно, не сами работники, а немногочис-

ленный инженерно-технический менеджмент китайской компании-подрядчика. Общение низового персонала с местным населением практически ограничено покупкой сигарет и продовольственной мелочи в ларьках.

Нет никакой социализации за полной ее ненадобностью, поскольку при выходе в город поодиночке или мелкими группами китайский рабочий люд становится легкой милицейской “добычей”. О каких-либо серьезных конфликтах, выходящих за рамки бытовых, между местным населением и китайскими трудовыми мигрантами на протяжении двух последних десятилетий говорить не приходится.

Участники наиболее многочисленных коллективов китайских строителей — профессиональные “отходники”, которые проводят непродолжительный отпуск с семьей на родине и на большую часть года подряжаются на выездные работы. Куда им ехать, определяет реально нанявший их китайский подрядчик. А он на следующий год может направить их, например, в Монголию, а еще через год в какую-нибудь китайскую провинцию на восточном побережье: по данным ФМС России 80% из 53 676 иностранцев, снятых в 2008 г. с миграционного учета в Забайкальском крае, убыли по причине прекращения срока действия разрешения на работу, либо окончания строительного сезона (рост на 61% по сравнению с АППГ).

Поэтому у китайского мигранта нет мотивов искать возможность остаться на проживание в России. Соответственно им не нужно знать язык, культуру, историю страны пребывания, хватит и самых простых правил общественного поведения, которые не слишком отличаются в РФ и КНР.

Китайцы, таким образом, не демонстрируют никакого стремления к официальному закреплению на российской территории, где они ощущают себя чужаками, и не предполагают какого-либо пребывания там по окончании трудового контракта. (Вообще сибирякам, по привычке продолжающим считать, что их суровым краем и будет прирастать богатство России, трудно принять простую мысль, что китайцы традиционно проживают в теплых и плодородных районах Азии и отнюдь не стремятся переселяться на холодные и голодные северные земли).

Если визовый/безвизовый характер въезда трудовых мигрантов в Россию понимать как официальный критерий желательности/нежелательности, то добропорядочному квалифицированному китайскому рабочему приходится проходить гораздо более сложные формальности, чем судимому неквалифицированному гражданину СНГ. Весьма примечательно, что, хотя китайские трудовые ресурсы находятся под наиболее строгим контролем местных властей и миграционных служб, в расчете “на душу населения” они доставляют им хлопот гораздо меньше, нежели коллеги из стран СНГ.

Таблица 12.

**Число иностранных граждан, привлеченных
к административной ответственности**

Годы	2003		2006	2007		2008	
	Всего	На 1-го мигранта	Всего	Всего	На 1-го мигранта	Всего	На 1-го мигранта
Всего, в том числе:	977	0,038	5828	4839	0,079	5869	0,078
КНР	632	0,038	2705	2695	0,066	3165	0,058
СНГ	165	0,021	2978	1855	0,104	1838	0,101
Другие	88	0,084	145	288	0,128	866	0,301

Учитывая вышеприведенные данные, нельзя не признать, что при быстром росте иностранных мигрантов количество правонарушений остается стабильным, то есть органы правопорядка уверенно контролируют ситуацию. (Несомненно, определенные криминальные взаимоотношения имеют место и в среде китайских трудовых мигрантов. Однако они крайне редко выходят за пределы замкнутой этнической общности и еще реже фиксируются российскими органами правопорядка.)

Нельзя при этом не сказать, что крайняя бюрократичность и многоступенчатый характер оформления трудовых мигрантов из КНР (квота/лицензия на привлечение ИПС/приглашение/оформление визы/разрешение на работу) делает миграционный процесс крайне негибким. Это не дает забайкальским предпринимателям, особенно из малого бизнеса, возможности без проблем уволить нерадивого или просто заболевшего китайца, в отношении которого уже проведена длительная, хлопотная и дорогостоящая процедура, поскольку такую же процедуру придется проводить и в отношении замены. Тем более, что привлечение работодателем и малого числа китайских рабочих — 10–15 чел. — в какой-нибудь столярных цех или просто одного повара в ресторан также требует оформления лицензии именно на московском конце властной вертикали.

* * *

На рубеже XX—XXI вв. нет оснований говорить ни о китайской демографической экспансии, ни о массивном притоке китайцев в Забайкалье. Китайские мигранты вносят свой вклад в подъем экономики края и тем самым укрепляют его безопасность. В связи с последующим неизбежным падением темпов рождаемости, трудоспособное население будет столь же неизбежно сокращаться. Чтобы обеспечить экономический рост, краю будут необходимы новые рабочие руки. Получить их можно только извне и только из Китая. Маловероятно, что краевое хозяйство начнет расти не за счет трудовых ресурсов КНР, а за счет технического прогресса и собственной инновационной активности.

-
1. Здесь и далее: Сборник Министерства международного сотрудничества, внешнеэкономических связей и туризма Забайкальского края за соответствующий год.
 2. Здесь и далее: Статистический сборник Забайкальского края. Чита, 2009.
 3. Булаев В.М., Новиков А.Н. Географическое положение как предмет исследования конкретной территории. Улан-Удэ, 2002. С. 65.

Государство и общество

Роль Интернета в процессе формирования гражданского общества в КНР

© 2010

В. Ганшин

Специфика становления и развития китайского Интернета имеет то же происхождение и те же т.н. "родовые признаки", что и зарождение и формирование гражданского общества в этой стране. В отличие от западноевропейской или североамериканской моделей инициатива здесь практически полностью принадлежит государству. Именно власть играет доминирующую роль в процессе институционализации и легитимизации как основ гражданского общества, так и интернет-пространства.

Ключевые слова: цензура Интернета, гражданское общество, киберпространство, Гугл, правозащитники.

Бурное развитие Интернета в КНР, история которого в этой стране началась со второй половины 1990-х гг. пришлось на годы активного формирования там элементов гражданского общества. Процесс этот стал особенно заметен после окончания "культурной революции".

Нельзя утверждать, будто до этого в Китае вообще не было такого понятия, как общественные организации. К середине 1960-х гг. в КНР насчитывалось около 1000 общенациональных и более 6 тыс. местных общественных объединений. Однако в те годы китайское общество было жестко структурировано "по вертикали" за счет глубокого и широкомасштабного проникновения государства в общественную жизнь. Поэтому существовавшие тогда общественные объединения граждан либо создавались исключительно самим государством (профессиональные творческие союзы, например), либо действовали на уровне городских общин, а на селе — в виде религиозных, этнических организаций или бригад взаимопомощи.

По-настоящему развитие гражданских инициатив стало возможным с конца 1970-х гг., когда Китай вступил в эпоху реформ и открытости. Кардинальные перемены в экономической и правовой жизни Китая существенным образом отразились на социальной картине общества. Вновь складывающиеся слои, группы, страты с большей или меньшей степенью активности и динамизма стремятся

защищать собственные корпоративные интересы, создавать свои общественные организации, призванные представлять их участников перед лицом власти. Эти объединения начинают играть все более заметную роль в китайской общественной и политической жизни¹.

По мере накопления успехов в экономической, социальной политике, роста доходов населения и общего повышения уровня и качества жизни в стране появилось множество неформальных организаций, которые объединили в своих рядах сотни тысяч человек. Разные оценки (официальная статистика по поводу их точного числа практически отсутствует) называют их количество от 230 тыс.² до 3 млн³ единиц.

При всем различии по численности, направленности и масштабам деятельности, обозначенным в их уставных документах целям все вновь возникающие организации граждан могут быть причислены к принятой в международной социологической литературе категории так называемых “неправительственных организаций” (НПО) (англ. *non-governmental organizations*). К ним принято относить и все некоммерческие (*non-profit*), общественные, гражданские объединения (*civil society organizations*), добровольные союзы, ассоциации и группы. Всего в специальной литературе, в том числе и китайской, можно встретить более четырех десятков аббревиатур-наименований различных НПО.

Китайское руководство полагает (во многих случаях это мнение базируется на рекомендациях ученых-обществоведов и политологов), что важная роль в преодолении негативных явлений, все еще коренящихся в повседневной жизни общества, принадлежит именно общественным организациям. Такой прагматичный подход к гармонизации взаимоотношений между властью и обществом в значительной степени основывается на некоторых положениях теории Ю. Хабермаса об оздоровлении социального организма путем развития автономных и неполитизированных социальных организмов в современных государствах. С одной стороны, государство должно минимизировать свое участие в экономике и общественной жизни, сосредоточив усилия на продвижении вперед идеи модернизации. С другой, — общественным акторам следует проникнуться ответственностью за проведение реформ, создание неправительственных организаций и возглавить процесс строительства гражданского общества “снизу”.

История развития китайского гражданского общества есть процесс постепенного ухода всемогущего государства из рыночной и во многом социальной сферы⁴. Говоря о специфике процесса формирования китайского варианта гражданского общества, один из авторитетных исследователей этой темы, преподаватель Пекинского университета Цзя Сицинь выделяет следующие наиболее характерные, по его мнению, особенности. Во-первых, китайское гражданское общество возникло в том пространстве, которое отвело ему государство. Во-вторых, из-за отсутствия институциональных гарантий основных полномочий и прав гражданское общество мигрирует в пределах, открыто или молчаливо допускаемых государством. Пространство это и степень развития общества непрерывно изменяются вслед за переменами в действиях правительства. В-третьих, формирование китайского гражданского общества шло по двум линиям: по линии той социальной сферы, которая непосредственно отводилась ему государством, и по линии того социального пространства, которое образовывалось внутри ранее развившейся системы рыночной экономики. Из обеих этих линий, давших начало гражданскому обществу, одна идет сверху вниз, а другая — снизу вверх. В-чет-

вертых, двойственная структура государственно-социальных отношений в Китае являет собой модель эволюции кооператизма.

Соответствующим образом проявляется и роль китайского гражданского общества в области политической реформы. Оно стимулирует и наращивает организационный фундамент социального самоуправления, способствует постепенному переходу власти от унитарного господства правительства к модели плюралистического управления, наконец, “выращивает” основы гражданского самосознания в интересах политической системы демократии. Хотя, по признанию китайских специалистов, ряд структурных особенностей гражданского общества в КНР предопределяет его слабость, нестабильность, институциональную неразвитость и незавершенность, и весьма скромную роль в политическом развитии страны.

Можно говорить о том, что и появление Интернета в Китае — также заслуга, прежде всего, руководства страны. Еще в 1983 г. тогдашний премьер Госсовета КНР Чжао Цзыян высказал мысль: “Новая революция в области технологий или информации... может помочь Китаю миновать некоторые этапы, пережитые другими развивающимися странами”⁵. Позднее схожие соображения высказывали и другие лидеры страны, в частности, глава партии и государства Цзян Цзэминь: “Мы должны... признать огромный потенциал информационных технологий и энергично их развивать. Соединение традиционной экономики с информационными технологиями станет двигателем развития экономики и общества в XXI веке”⁶. Смысл подобных заявлений очевиден — поскольку Китай слишком поздно среагировал на индустриальную революцию, ему нельзя упускать шанс воспользоваться революцией в информационной сфере. Понимая всю неоднозначность расширения рамок информационного поля внутри страны, КПК и правительство КНР, тем не менее, сознательно пошли на подключение Китая к “всемирной паутине”. Поворотными годами в этом отношении считаются 1994 и 1995 гг., когда к инфраструктуре Интернета стали приобщаться коммерческие структуры. В апреле 1994 г. была открыта китайская международная линия, которая была включена в Интернет через американскую компанию *Sprint*, что означало всестороннее функционированное соединение с Интернетом. Международным сообществом Китай был официально признан страной, где имеется Интернет. Это событие, по оценке китайских средств массовой информации, стало одной из десяти важнейших научно-технических новостей КНР в 1994 г.

15 мая 1994 г. Исследовательский институт физики высокой энергии при Академии наук КНР создал первый WEB сервер Китая, познакомил с первым комплектом страниц WEB, содержащим в себе, кроме информации о развитии страны, еще одну рубрику “Tour in China” (Путешествие по Китаю). В дальнейшем в этой рубрике началась передача текстовых информационных картинок, содержащих сведения по экономике, культуре, торговле. Позже эта рубрика была переименована в “Окно в Китай”. Тогда в стране насчитывалось всего 10 тыс. пользователей.

С одной стороны, Интернет как одно из средств массовой информации открывал колоссальные возможности для ведения пропагандистской работы, с другой же, создавал очередную “головную боль” властям, предоставляя шанс громко высказаться различного рода диссидентам и инакомыслящим. Поэтому буквально с первых дней становления китайского Интернета началась борьба за возможность его контролировать, которая завершилась принятием ряда законов, регулирующих деятельность отечественных и зарубежных провайдеров на внут-

реннем рынке медиа-услуг. Многие из этих законов и правил действуют и по сей день. Например, система цензурирования всей размещаемой в сети информации. (Между прочим, “скандальный Google” также является ее частью. Заявления руководителей компании, что в связи с известными событиями они рассматривают возможность того, чтобы перестать цензурировать информацию, по сути означают их готовность к тому, что в ответ китайское правительство вообще поставит системы Google вне закона).

Первые же опросы, проведенные среди китайских пользователей Интернета, показали: люди жаждут общения, новой информации, возможности для самовыражения — именно эти виды услуг (от 70 до 90%) оказались наиболее востребованными среди пользователей⁷.

Китайские неформалы очень скоро осознали пользу нового вида связи. Он дал им возможность вести публичные дебаты и ставить перед властью и обществом такие вопросы, которые в ином формате просто невозможно было бы озвучить. В части объединения людей Интернет способствовал активизации деятельности уже существующих общественных организаций, одновременно порождая новые формы объединения граждан — виртуальные сообщества. Наконец, Интернет придал силу и динамику протестным выступлениям. Именно последние вызывали и вызывают наибольший интерес у зарубежных исследователей Китая и некоторых отечественных китаеведов.

Запад, как известно, позиционирует себя непримиримым борцом за права человека, особенно, что касается стран бывшего социалистического лагеря и, естественно, сегодняшнего коммунистического Китая. В адрес Пекина регулярно слышатся обвинения в замалчивании отдельных негативных фактов внутренней жизни страны, “сокрытии от общественности” выступлений сепаратистов, экстремистов и т.д. Да, действительно, в Китае при помощи фильтров, установленных в национальных магистральных сетях, действует достаточно жесткая цензура в отношении ряда материалов Интернета, связанных, в первую очередь, с порнографией, экстремизмом, антигосударственной деятельностью. Однако помимо административного ресурса у власти есть возможность влиять на его пользователей и по-другому. Речь идет о китайском языке.

Интернет создавался под американский стандартный код для обмена информацией. Однако выяснилось, что его недостаточно для китайских иероглифов, так как он годится только для 128 возможных их написаний. Анализ же основных китайских газет, теле- и радиопередач выявил употребление 9231 иероглифа, причем 591 иероглиф покрывали 80%, 958 иероглифов 90%, 2377 иероглифов 99% языковых ресурсов. Правда, универсальный стандартный код (Unicode) учитывает эту проблему и позволяет создавать более 34 тыс. возможных иероглифов. Тем не менее, очень многие программы не всегда совместимы с Unicode. Да и кодирование иероглифов также отличается на континенте (код GB для упрощенных иероглифов) и на Тайване, и в Гонконге (код Big5).

Разные стандарты кодирования — помеха для коммуникаций. Люди, привыкшие читать упрощенные иероглифы, не могут с той же легкостью и быстротой читать их традиционное начертание. Наряду с разными наборами иероглифов в каждом регионе имеется свой вариант перевода и диалектизмы, а также различные акронимы, что объективно создает языковой барьер.

Парадоксально, но английский язык также является для большинства китайских пользователей препятствием как для активного, так и для пассивного доступа к информации. Это объясняется недостаточным уровнем владения этим

языком основной массой населения Китая. Хотя за последние годы китайские пользователи заметно прибавили в знании английского языка, языковой барьер, тем не менее, существенно ограничивает им широкий доступ к зарубежным новостным источникам и взаимодействие с иностранными пользователями Интернета. Чтобы быть принятыми в иностранные интернет-сообщества, им необходимо свободное владение письменным английским языком. Власть умело пользуется этим, с одной стороны, усиливая контроль за медиа-пространством путем блокирования нежелательных для нее сайтов, а с другой, активно поставляя информацию на китайском языке. Как показывают опросы, все большее число пользователей вполне удовлетворены объемом доступного на китайском языке информационно-познавательного продукта.

Исследования, проводимые в последние годы китайскими и зарубежными экспертами в области информатики и коммуникаций, показывают: киберпространство активно используется для публичных дискуссий и постановки проблем, выполняя важную социальную функцию для общественного взаимодействия. Развитие Интернета в Китае послужило толчком к появлению пространств для он-лайн коммуникаций, включающих чат-залы, Интернет-услуги в аэропорте, блоки новостей, электронные журналы, доски объявлений и т.д.

Большой популярностью пользуются форумы, на которых пользователи имеют возможность выражать свои интересы и взгляды по различным актуальным вопросам. При помощи Интернета участники дискуссий могут высказывать жалобы и претензии к местным властям, причем, в отличие от аналогичных газетных публикаций, результативность подобных обращений значительно выше.

Подобные оценки китайского официоза представляются вполне достоверными, если учесть, что сегодня Интернет-аудитория страны составляет 384 млн чел. (для сравнения, это больше, чем все население США) или почти треть общей численности населения КНР. Причем следует подчеркнуть, что в сельской местности процент пользователей всемирной компьютерной сети не намного ниже — 27,8%⁸.

Надо признать, что власть идет навстречу требованиям времени. В целях усиления прозрачности административной деятельности правительственных ведомств в Интернете открыты свыше 30 тыс. официальных сайтов правительств разных уровней. Так, агентство Синьхуа приводит следующие данные: для лучшей связи с населением 100% процентов народных правительств провинциального уровня и структур Госсовета КНР открыли официальные сайты, свыше 98,5% правительственных ведомств городского уровня и более 85% правительственных ведомств уездного уровня также создали правительственные веб-сайты⁹.

Уникальные возможности, предоставляемые Интернетом для активизации общественной деятельности, не всегда адекватно используются теми, кто выходит на форумы со своими "особыми" мнениями и взглядами. К их числу власть причисляет последователей секты "Фалуньгун", различного рода экстремистов, сепаратистов, сторонников далай-ламы и т.д. Против них применяются жесткие меры цензуры. Среди основных правонарушений, совершаемых в Интернете, власть выделяет следующие.

1. Нарушение соответствующего законодательства и вторжение в компьютерные информационные системы, содержащие сведения о положении в стране, обороне и новейших достижениях в науке и технике.

2. Создание и распространение компьютерных вирусов, внедрение программ, наносящих ущерб компьютерным системам или коммуникационным сетям.

3. Нарушение соответствующего законодательства вследствие произвольной приостановки работы компьютерных сетей или коммуникационных служб, ведущее к срыву их нормального функционирования.

4. Распространение слухов, клеветы либо иной информации посредством Интернета с целью свержения государственной власти и социалистического строя, разрушения страны и ее единства.

5. Хищение либо организация утечки государственной и военной секретной информации посредством Интернета.

6. Возбуждение расовой и этнической ненависти, дискриминации и подрыв расового и этнического единства посредством Интернета.

7. Организация сект и связь с сектантами посредством Интернета с целью нарушения государственного и административного правопорядка.

8. Мошенничество и грабеж с помощью Интернета.

9. Продажа некачественной продукции и незаконное востребование товаров и услуг посредством Интернета.

10. Подготовка и распространение посредством Интернета ложной информации с целью воздействия на торговые операции с ценными бумагами и фьючерсами.

11. Создание порнографических веб-сайтов, веб-страниц либо обеспечение выхода на порнографические сайты в Интернет с целью распространения такой информации, в том числе заимствованной из книг и журналов, кинофильмов, видео- и аудио-продукции, а также статичных изображений.

12. Оскорбление других лиц либо фабрикация клеветнических материалов о них посредством Интернета.

13. Незаконный перехват, искажение либо уничтожение электронной почты других лиц либо иной информации, посягающей на их свободу коммуникации.

14. Посягательство на право интеллектуальной собственности других лиц посредством Интернета.

15. Нанесение ущерба деловой репутации других лиц, а также репутации продукции посредством Интернета¹⁰.

Однако в целом на сайтах можно встретить хотя достаточно резкие и нелицеприятные, но носящие конструктивный и позитивный характер высказывания по поводу внутренней и внешней политики властей. Как и в других сферах общественной жизни, такое разнообразие может показаться вызывающим. Но в условиях "китайской специфики" знаменитое высказывание Вольтера о свободе слова звучит достаточно убедительно: можно не одобрять те или иные соображения, но защищать право их открыто высказывать. Именно Интернет, контролируемый государством, утверждает право граждан говорить то, что они хотят сказать. Можно спорить или не соглашаться с такой оценкой, но знакомство с некоторыми китайскими сайтами, отображающими современные искания китайской интеллигенции, подтверждает существующий плюрализм мнений в китайском Интернет-пространстве¹¹.

Выше говорилось, что общественные организации являются важными элементами гражданского общества. Интернет предоставляет для их развития и совершенствования уникальные возможности. Он снимает географические и общественные преграды для добровольного объединения граждан. Люди из разных регионов могут без помех узнавать об организациях и вступать в них. Уже существующие общественные организации используют Интернет для распространения информации, привлечения новых членов, сбора средств и в просветитель-

ских целях. Показательны в этом отношении сайты двух наиболее влиятельных экологических объединений Китая — “*Friends of Nature*”¹² и “*Global Village of Beijing*”¹³. Во-первых, они содержат информацию об основных целях этих организаций, их членском составе, событиях и деятельности. Во-вторых, размещают новости и другую информацию об окружающей среде и описывают экологические проблемы Китая, нередко весьма жестко критикуя Центр и местную власть. В-третьих, поддерживают связи с другими сайтами, освещающими проблемы охраны окружающей среды, включая сайты китайских правительственных учреждений и международных экологических организаций. Некоторые сайты организуют дискуссионные форумы, другие содержат архивы государственных документов по проблемам окружающей среды. Будучи средством распространения экологических знаний, они одновременно являются центрами информации для желающих посвятить время и усилия этим целям.

С помощью и при активном участии вышеназванных экологических НПО власти открыли в Интернете свой сайт “*Green Choice*”¹⁴, предоставляющий потенциальным покупателям информацию о товарах и производителях. Помимо рекламы экологически чистых товаров, помеченных специальным знаком, двуязычный сайт информирует о вреде использования “грязных” товаров, их негативном воздействии на организм человека.

Большую помощь Интернет оказывает работе Китайской ассоциации сотрудничества неправительственных организаций (КАНГО) (англ. — *China Association for NGO Cooperation*)¹⁵. Она была создана властями КНР в 1993 г. под эгидой Министерства гражданской администрации с целью лучшей координации деятельности периферийных общественных организаций. В настоящее время в нее входит около 100 провинциальных объединений граждан.

Как уже отмечалось, иногда возможности сети пытаются использовать вопреки существующим правилам и предписаниям. В начале 2010 г. в Китае разразился громкий скандал с участием одной из крупнейших мировых компаний по предоставлению Интернет-услуг — *Google*, которая пригрозила уходом с информационного рынка КНР. Такое решение было принято руководством компании после выявления массивов кибератак, целью которых, как утверждали ее представители, стали электронные адреса активистов правозащитного движения в КНР. Правда, как вынуждены были признать пострадавшие, хакерам удалось добиться успеха лишь в двух случаях. Поисковик *Google* не впервые привлекает внимание правоохранительных органов Поднебесной. Некоторое время назад его обвиняли в распространении порнографии, затем в нарушении авторских прав китайских писателей. *Google*, как сообщалось, оцифровал более 18 тыс. разных произведений 570 китайских авторов. Все книги были занесены в цифровую библиотеку *Google* и свободный доступ к данным библиотеки имеют жители США. Ни один из авторов не знал о размещении своих произведений в поисковике и не давал разрешения на электронную публикацию своих книг.

Критиковали *Google* и, что называется, “с другого конца”. Придя в Китай примерно в 2005 г., компания попала под шквал либеральной критики за то, что согласилась сотрудничать с китайскими властями, присоединившись к местной системе цензурирования всего информационного контента. На практике это означает, например, что *Google* в России и *Google* в Китае выдает несколько разную информацию на одни и те же запросы.

В принципе, как всякая крупная компания *Google* регулярно подвергается хакерским атакам. Вот перечень наиболее масштабных пиратских действий за последние несколько месяцев:

- декабрь 2009 г. Федеральное бюро расследований США изучает обстоятельства хакерского взлома, направленного против банковского подразделения *Citigroup Inc.*;

- из Министерства обороны Южной Кореи украден секретный военный план;
- сайт газеты “Московский комсомолец” подвергся массивной хакерской атаке. Компьютерные злоумышленники уничтожили все содержимое сайта издания и архив за прошлые годы. Хакеры уничтожили даже системы безопасности;

- ноябрь 2009 г. В США разоблачена группа хакеров, взломавшая компьютерную сеть банковской компании *RBS WorldPay* и похитившая более 9 млн долл.

- октябрь 2009 г. Хакеры взломали сразу несколько почтовых сервисов компании *Yahoo*;

Не случайно поэтому многие специалисты расценили резкие заявления *Google* как своего рода рекламную акцию и озвученную обиду американских спецслужб на то, что китайские хакеры смогли взломать их засекреченные адреса правозащитников-диссидентов. Иначе вряд ли за частную компанию вступился Госдепартамент США, устами Х. Клинтон заявивший: “Мы проинформированы компанией *Google* о ее подозрениях, и это вызывает у нас серьезное беспокойство и вопросы. Мы ждем от китайского правительства объяснений”¹⁶.

Объяснения последовали. Представитель МИД КНР Ма Чжаосюй на состоявшейся 19 января пресс-конференции подчеркнул: “Интернет в Китае является открытым, урегулирование деятельности в Интернете ведется на основании закона. Законодательство КНР запрещает хакерские атаки в любой форме”. Однако, как и в других странах, индустрия сетевой информации находится под серьезной угрозой со стороны кибер-пиратов. Как сообщил Ма Чжаосюй, согласно статистике, в стране 8 из каждых 10 компьютеров, подключенных к “всемирной паутине”, подвергаются хакерским нападениям¹⁷.

В реальность намерений *Google* покинуть китайский медиа-рынок не поверили не только эксперты, но и многие пользователи сети. Напомним, что Интернет сегодня не просто одно из средств массовой информации, но и серьезный коммерческий проект. По разным оценкам, годовой рынок поисковых услуг в Китае достигает одного миллиарда долларов. Стоило *Google* заявить о возможности своего ухода из китайского кибер-пространства, немедленно взлетели в цене акции его китайских конкурентов, прежде всего компании *Baidu*. Так что прогнозы относительно мирного завершения скандала вполне оправдались. Опасаясь лишиться доступа на китайский рынок и боясь потерять доходы, тем более в условиях кризиса, *Google* постарался “замять” это дело. Уже 20 января американский Интернет-гигант объявил о возобновлении своей работы¹⁸.

Правда, вскоре руководство компании объявило о своем нежелании в дальнейшем “работать под цензурой” Пекина и перенесло свою штаб-квартиру в Сянган (местные законы более либеральные). Это позволило некоторым западным СМИ говорить о бойкоте *Google* пекинского режима, полном разрыве его с “авторитарным давлением”. Но на практике все не так просто. *Google* не совсем ушел с китайского информационного рынка. Сянган, все-таки, это тоже Китай. Поменяв свой адрес с *google.cn* на *google.com.hk*, компания лишь попыталась повысить свои акции в моральном плане. Все доходы от рекламы, другой коммерческой деятельности *Google* получает с материка. А решение “затаиться” в Сянгане

объясняется все не высокими моральными принципами, а боязнью проиграть схватку в конкурентной борьбе за китайский рынок местной компании интернет-услуг Байду¹⁹.

Становление и развитие Интернета в КНР не случайно рассматривается параллельно с формированием в стране гражданского общества. Оба эти процесса, отражая общие направления развития мирового сообщества, имеют в Китае свои характерные особенности, которые проявляются на фоне исторических, морально-этических, нравственных отличий Китая от других стран и регионов мира. Современная политическая культура также привносит в это свои специфические черты и оттенки. Тщательное изучение и анализ китайского опыта представляются чрезвычайно важными и полезными для России, где также идет процесс рождения гражданского общества и объявлена амбициозная цель построения "экономики знаний".

-
1. Подробнее см: *Ганшин В.Г.* Китай и его соседи: на пути к гражданскому обществу. М., 2004.
 2. Жэньминь жибао. 2002. 10 нояб.
 3. www.cccs.gov. Chinese Civil Society Organizations).
 4. Подробнее об истории зарождения и развития гражданского общества в Китае см.: *Ганшин В.Г.* Китай и его соседи: на пути к гражданскому обществу. М. 2004; *Ганшин В.Г.* Формирование гражданского общества в России и Китае. М. 2007.
 5. Цит. по: *Lee C.* China and the Challenge of the Future. San Francisco, 1990. P. 213.
 6. http://www.cpj.org/Briefings/2001/China_jan01/China_jan01.html.
 7. См.: *Guobin Yang.* The Internet and Civil Society in China: a preliminary assessment. // *Journal of Contemporary China*, 2003. № 12. P. 460; *Китай-2008*. Пекин: 2008. С. 163.
 8. Жэньминь жибао. 2010. 18 янв.
 9. Жэньминь жибао. 2010. 12 янв.
 10. www.Chinaonline.com/issues_policy/NewArchive/Secure/2000/October/C00102312.asp.
 11. См. *Шилов А.* Духовное и идеологическое состояние китайского общества // *Экспресс-информация / ИДВ РАН*. М., 2010. № 2
 12. www.fon.org.cn.
 13. www.gvbchina.org.
 14. www.greenchoice.cn.
 15. www.cango.org.cn.
 16. www.Страна.ру/14/01/2010.
 17. Жэньминь жибао. 2010. 20 янв.
 18. Агентство Синьхуа. 2010. 20 янв.
 19. *China Daily*. 2010. 31 March.

Теория и методология

Видение многополярности в России и Китае и международные вызовы

© 2010

В. Портяков

Проанализированы подходы России и Китая к концепции многополярного мира. Приведены некоторые количественные оценки мощи и влияния великих держав. Рассмотрены подвижки в мировой иерархии, вызванные экономическим кризисом. Показано, что для закрепления на позициях самостоятельных мировых полюсов России и Китаю требуется последовательное и эффективное преодоление собственных внутренних слабостей и многочисленных международных вызовов.

Ключевые слова: Россия, Китай, многополярность, внутренние слабости, международные вызовы.

I

Сочтя неприемлемым присоединение к евроатлантическому сообществу развитых государств на правах младшего партнера, Российская Федерация уже в первой половине 1990-х годов заявила о своей твердой приверженности принципу многополярного мира. Эта ориентация сохраняется по настоящее время. В Концепции внешней политики РФ, утвержденной президентом Д. Медведевым 12 июля 2008 г., "нарождающаяся многополярность" охарактеризована как "фундаментальная тенденция современного развития". А в Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г., утвержденной 12 мая 2009 г., Россия названа "ключевым субъектом формирующихся многополярных международных отношений"¹.

В Китае тезис о прекращении существования с распадом СССР биполярной системы мироустройства и вступлении мира "в период развития многополярности" впервые был озвучен Цзян Цзэминем еще в апреле 1992 г. и на протяжении 1990-х гг. отстаивался весьма последовательно и активно. В июле 1995 г. китайский лидер заявил, что "современный мир идет к многополярной структуре, и эпоха, когда одна-две державы или группировки великих держав заправля-

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН. E-mail: portyakov@ifes-gas.ru. Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 09-03-00048a\p

ли мировыми делами и определяли судьбы других государств, больше никогда не вернется". В апреле 1997 г. Цзян Цзэминь указал на "ускоренное развитие тенденции многополярности как на глобальном, так и на региональном уровнях, как в сфере политики, так и в экономике"².

Общая приверженность России и Китая принципу многополярного мира четко прослеживается в коммюнике и совместных декларациях по итогам взаимных визитов глав двух государств в 1990-е годы (от 3 сентября 1994 г., 25 апреля 1996 г., 23 апреля 1997 г., 10 ноября 1997 г., 23 ноября 1998 г.)³. Весьма показательным уже само название документа от 23 апреля 1997 г.: "Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка"⁴.

Нарождающаяся многополярность квалифицировалась в этих документах как более справедливая и демократичная по сравнению с однополярной и биполярной системами международных отношений, обеспечивающая равноправие всех членов международного сообщества и благоприятствующая сохранению мира и стабильности. Непременными атрибутами многополярности провозглашались право всех государств на самостоятельный выбор пути собственного развития, решение спорных проблем путем мирных переговоров, диалога и консультаций, "в духе взаимопонимания и взаимных уступок". Подчеркивалась центральная роль Организации Объединенных Наций в деле регулирования международных отношений формирующегося многополярного мира.

Одновременно многополярность рассматривалась и как инструмент противодействия гегемонизму, средство ослабления "способности сверхдержавы к контролю за международной ситуацией и манипулированию ею"⁵, то есть содержала лишь слегка завуалированный антиамериканский подтекст. Антиамериканский и антинаатовский элемент пропаганды в пользу многополярности в России и Китае особенно наглядно проявился в период военных действий США и НАТО против Югославии в 1999 г., осужденных обеими странами. По мнению некоторых китайских политологов, Вашингтон решил поставить Пекин на место, а заодно и предупредить Москву, подвергнув в начале мая бомбардировке посольство КНР в Белграде. Хотя президент США Б. Клинтон принес извинения Цзян Цзэминю и китайскому народу, назвав случившееся "трагической ошибкой", однако практически все в Китае были уверены в преднамеренном характере бомбардировки. Это убеждение еще более окрепло после столкновения близ острова Хайнань 1 апреля 2001 г. китайского истребителя с американским разведывательным самолетом, повлекшего гибель китайского летчика⁶.

Как бы то ни было, в 2000-е годы пропаганда многополярности мира в Китае несколько приглушается. Сам термин в официальных документах встречается, но используется скорее ритуально, без особого развития и пояснения (как, например, в Отчетном докладе Ху Цзиньтао XVII съезду КПК). Одновременно констатировалось, что США активно противодействуют развитию многополярности и используют военную и экономическую мощь для укрепления своего ведущего сверхдержавного положения в мире. При этом совокупный потенциал Западной Европы, Японии, России и Китая, которые в принципе могли бы выступить против соответствующей политики США, оценивался как "несопоставимый с американским". В связи с этим делался вывод, что сложившаяся в мире архитектура стратегических сил, описываемая формулой "одна сверхдержава — несколько держав", будет существовать довольно длительное время⁷.

Подвижки в видении многополярности в Китае объясняются не только давлением со стороны США и более трезвой оценкой соотношения сил в мире. С вступлением во Всемирную торговую организацию в конце 2001 г. Китай стал получать значительные дивиденды от встраивания в существующую систему международных отношений, от следования устоявшимся нормам функционирования системы, а не от попыток навязать ей какие-то свои правила игры.

Важную роль сыграло и выдвижение Ху Цзиньтао концепции “гармоничного мира”. Ей соответствует существенно менее конфронтационная картина международных отношений, нежели та, которую может сформировать активное продвижение многополярности. Китай в последние несколько лет всячески подчеркивает, что является ныне строителем и участником сложившейся системы международных отношений, а не ее ниспровергателем.

Наконец, Китай, продолжающий идентифицировать себя как развивающуюся страну, не может не учитывать весьма распространенного в развивающемся мире убеждения, что многополярность, точно так же, как и биполярность и однополярность, есть не что иное, как “разборки” великих держав между собой, в равной мере игнорирующие интересы других государств⁸.

Что касается России, то у части ее экспертного сообщества доминировало представление, что сложившаяся с середины 1990-х годов структура международных отношений де-факто является однополярной. Показательно в этом плане заглавие одного из разделов учебника МГИМО по международным отношениям: “Становление однополярного мира (1996–2008 гг.)”⁹.

В последние годы ситуация стала несколько меняться. Новые нюансы появились в общем российско-китайском видении многополярности. В Совместной декларации КНР и РФ по основным международным вопросам от 23 мая 2008 г., подписанной Д. Медведевым и Ху Цзиньтао, и Совместном российско-китайском заявлении об итогах встречи на высшем уровне в Москве от 17 июня 2009 г. понимание многополярности было расширено с геополитической сферы на культурно-цивилизационное пространство. Была выражена поддержка различным многосторонним объединениям с акцентом на перспективность сотрудничества в форматах Россия—Индия—Китай и особенно БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай)¹⁰.

Термин “многосторонность” (мультилатерализм, “добняньчжуи”), предполагающий ориентацию в международных отношениях на взаимный учет интересов, диалог и сотрудничество, прочно вошел в современный китайский политический лексикон. Представлен он и в Концепции внешней политики Российской Федерации 2008 г. Не являясь абсолютной альтернативой многополярности, многосторонность предлагает, возможно, оптимальный конечный вариант ее эволюции, позволяя привлечь к принятию решений на постоянной основе не только великие державы, но и намного более широкий круг государств и международных организаций.

Свои коррективы внес и мировой финансово-экономический кризис. Вызванные им подвижки в позициях ведущих мировых акторов придали свежий импульс дискуссиям о многополярности. Усилившийся Китай ныне ищет оптимальные варианты адаптации к новой для него позиции де-факто второго по комплексной мощи центра силы в мире. А в ослабевшей России усилились призывы к стратегическому союзу с Европой с целью формирования полноценного мирового полюса¹¹.

II

Как в России, так и в Китае неоднократно предпринимались попытки дать количественную интегральную оценку иерархии и соотношения мощи основных центров силы в мире. Такие оценки позволяли также понять, что происходит с мировой архитектурой: остается ли она однополярной или, напротив, меняется в пользу многополярности и насколько быстро.

Довольно широкую известность получили китайские оценки комплексной мощи государств, представленные профессором Ху Аньганом и Китайской академией современных международных отношений (КАСМО). Ху Аньган на основе анализа экономических, трудовых, природных, финансовых, административных, военных, международных ресурсов и научно-технического потенциала пяти стран — Китая, Индии, Японии, США, России — рассчитал динамику изменения их комплексной мощи в период 1980–1998 гг. (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Комплексная мощь государства

	1980	1985	1990	1995	1998	Прирост
Китай	4,736	5,306	5,646	7,163	7,782	3,046
Индия	3,376	3,615	3,735	4,008	4,365	0,989
Япония	6,037	6,337	7,317	8,535	7,749	1,712
Россия	—	—	—	3,271	2,808	—
США	22,485	22,022	22,138	21,903	22,785	0,300

Источник: Ху Аньган. Чжунго да чжаньлюэ [Большая стратегия Китая]. Ханчжоу, 2003. С. 68.

В КАСМО ввели в оборот понятие “комплексной мощи 1”, рассчитанной для семи государств на основе “твердых факторов”, и “комплексной мощи 2”, скорректированной в соответствии с оценкой таких “мягких факторов”, как политическая система, социальная ситуация, международное влияние (см. Таблицу 2).

Таблица 2

Комплексная мощь государства: оценка КАСМО (на 1998 г.)

	США	Япония	Франция	Англия	Германия	Россия	Китай
КМГ1	8371	5112	4270	4070	3918	3203	2175
КМГ2	6090	3096	3254	2830	2720	1604	1101

Источник: Чжунго гоцин голи. Пекин, 2000. № 11. С. 22.

Оба ряда оценок выявили по состоянию на конец 1990-х гг. подавляющее превосходство США над следующими за ними по мощи конкурентами: двукратное у КАСМО и трехкратное у Ху Аньгана. То есть мир на тот момент вполне вписывался в китайскую формулировку “и чао до цян” (одна сверхдержава — группа крупных стран). К сожалению, в последующем публикации новых данных о комплексной мощи государств в КНР практически прекратились, по крайней мере в известных нам источниках. Последние по времени оценки датированы январем 2006 г. и представлены в “Желтой книге о международной обстановке”,

подготовленной Академией общественных наук Китая. США по-прежнему занимали первое место (90,65 балла) с солидным отрывом от Великобритании (65,04), России (63,03), Франции (62,00) и Германии (61,93). Далее следовали Китай (59,10) и Япония (57,84). Замыкала десятку Индия с 50,43 балла¹².

Российский вариант мировой таблицы о рангах представлен в “Политическом атласе современности”, подготовленном специалистами МГИМО-Университета и опубликованном в 2007 г. Комплексный рейтинг стран по индексу потенциала международного влияния по состоянию на 2005 г. возглавляли США (10 баллов), за которыми на почтительном расстоянии располагался Китай (3,93 балла). В первую десятку также вошли Япония, Германия, Франция, Великобритания, Индия, Италия и Саудовская Аравия¹³. Хотя Россия с показателем в 2,6 балла заняла в этом перечне только 7-е место, она, тем не менее, была вместе с Китаем и США причислена к “ядру” “клуба мирового влияния”¹⁴.

В любом случае, однако, российские оценки, так же как и китайские, по состоянию на середину текущего десятилетия зафиксировали статус США как единственной сверхдержавы в мире. То есть, иными словами, международная система всего несколько лет назад еще не была многополярной в подлинном смысле этого слова: многополярность выглядела не столько как уже достигнутое состояние, сколько как проекция на будущее, причем неблизкое.

Насколько радикально изменил данную ситуацию мировой финансово-экономический кризис? Ряд китайских политологов считает, что кризис повлек за собой “наиболее крупные изменения в международной системе и геополитике со времени окончания “холодной войны”... Главное из них состоит в том, что ускорилась трансформация прежней системы “одна сверхдержава — группа крупных стран” в многополярный мир”¹⁵. Встречаются и более радикальные заявления, согласно которым “эра однополярной американской гегемонии заканчивается и может никогда не вернуться”¹⁶.

Таблица 3

Валовой внутренний продукт некоторых стран мира в 2008–2009 гг. (млрд долл. США)

Наименование		2008	2009
Мировой валовой продукт	в текущих ценах	61221	57937
	по паритету покупательной способности (ППС)	69569	69808
Россия	ВВП в текущих ценах	1660	1229
	ВВП по ППС	2263	2109
Китай	ВВП в текущих ценах	4520	4909
	ВВП по ППС	7066	8765
Индия	ВВП в текущих ценах	1207	1236
	ВВП по ППС	3298	3526
США	ВВП в текущих ценах	14441	14256
	ВВП по ППС	14441	14256
Япония	ВВП в текущих ценах	4887	5068
	ВВП по ППС	4336	4159
Германия	ВВП в текущих ценах	3673	3352
	ВВП по ППС	2918	2806

Источник: Составлено по данным сайта www.imf.org

На наш взгляд, посткризисная расстановка сил еще недостаточно ясна. В частности, вряд ли кризис сколько-нибудь существенно поколебал подавляющее превосходство в военном отношении Соединенных Штатов, на которые приходится более половины мировых расходов на оборону. Судя по данным Международного валютного фонда, более определенно можно говорить о некотором общем ослаблении экономических позиций большинства ведущих держав мира, включая Россию, при одновременном укреплении в этой сфере Китая (см. Таблицу 3).

Международный валютный фонд прогнозирует дальнейшее приближение абсолютного размера ВВП Китая, рассчитанного по паритету покупательной способности национальной валюты, к уровню США (см. Таблицу 4).

Таблица 4

Прогноз изменения доли ряда государств в мировом валовом продукте (по паритету покупательной способности, процентов)

Страна	2009	2015
США	20,45	18,28
Китай	12,52	16,92
Япония	6,00	5,28
Индия	5,06	6,12
Германия	4,02	3,44
Россия	3,05	2,97

Источник: Составлено по данным сайта www.imf.org

Экономический динамизм Китая приносит ему и политические дивиденды. Так, журнал "Economist" полагает, что в первую очередь именно с этим фактором связан заметный рост доли людей, воспринимающих Китай позитивно: в США она достигла ныне 50% по сравнению с 39% в 2008 г., в Нигерии (наивысшая оценка) увеличилась с 79 до 85% и даже в Японии (низшая оценка) выросла с 14 до 26%¹⁷. Судя по публикациям в китайской печати, КНР начинает вживаться в новый для нее статус де-факто державы номер два в мировой иерархии, видя на данном этапе одну из своих главных задач в том, чтобы не вызвать жесткой негативной реакции на "китайское возвышение" державы номер один — США. Симптоматично в данном контексте обращение в Китае к изучению истории подъема самих США, которые "не бросали открытого вызова являвшейся гегемонией Англии", однако сумели развить себя и в конечном счете добились смены гегемона мирным путем¹⁸. Декларируется также необходимость для Китая "учиться у Европейского Союза управляться со своей позицией номер два в мире"¹⁹.

Очевидное ухудшение экономических позиций России в условиях кризиса чревато ослаблением ее международно-политического статуса. В этом отношении весьма симптоматичны мелькавшие в печати призывы исключить Россию из состава группы БРИК²⁰. Так что подтягивание "экономических тылов", проведение подлинной модернизации страны становятся обязательным условием сохранения России в числе великих держав и важным критерием обоснованности ее претензий на роль самостоятельного полюса многополярного мира.

III

При всей важности экономического фактора он не является единственным критерием обладания статусом “великой державы” и не служит твердой гарантией реальной способности страны играть роль самостоятельного полюса мировой политики. Классические теории международных отношений определяют “полярность” как “распределение среди членов системы государств военных, экономических и других способностей ведения войны”. Когда такие возможности концентрируются в руках одной доминирующей страны, система обретает однополярную структуру... Когда ими обладают несколько примерно равных стран, система приобретает многополярную структуру²¹. В то же время на практике та или иная страна обретала статус великой державы, как правило, в результате общего ее признания в этом качестве другими членами международного сообщества, а не вследствие достижения ею каких-либо жестких критериев такого статуса. Политологи, историки и специалисты по проблемам безопасности консенсуально включают в действующий перечень великих держав США, КНР, Германию, Великобританию, Францию, Японию и Россию²². В китайском журнале “Сяньдай гоцзи гуаньси” (“Современные международные отношения”), где раз в квартал дается количественная оценка уровня отношений Китая с другими “да го” — “державами” — в число таковых включена еще и Индия. Нетрудно заметить, что все нынешние великие державы обладают внушительным набором показателей “твердой мощи” (ядерный и оборонный потенциал, размеры ВВП и внешней торговли, население, территория, природные ресурсы) и рядом весомых признаков “мягкой мощи”, хотя и весьма различных. В их числе культурно-цивилизационное своеобразие, культурно-религиозное и языковое влияние, качество жизни и политических институтов. Подчас к важнейшим факторам “мягкой мощи” причисляют и некий генерализованный “брэнд” страны, то есть ее наиболее типичное восприятие в мире. Отметим также, что статус великой державы не дается раз и навсегда: его можно как утратить, так и восстановить (и то, и другое, например, произошло в XX веке с Германией и Японией).

Если исходить из критериев, предложенных Б.Н. Кузыком и его коллегами²³, то, даже существенно “сжавшись” по сравнению с параметрами СССР, постсоветская Россия сохранила статус великой державы в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН, по размерам территории и природным ресурсам, оборонному потенциалу, культурно-религиозному и научно-образовательному факторам. По демографическим параметрам Россия находится у нижней границы допустимого для великой державы диапазона (2–5% населения обитаемого мира). То же самое можно сказать и об экономике. Здесь высокий статус по уровню мирового влияния в сфере добычи и экспорта углеводородов, производству некоторых видов военной техники и оборудования для АЭС соседствует с утратой масштабов даже региональной державы по основной гамме продукции перерабатывающей промышленности и машиностроения. Противоречивая картина складывается у России и по таким критериям, как уровень управляемости и качество жизни.

Весомую роль в сохранении Россией своих позиций в международном сообществе играет субъективный фактор в виде ее собственного твердого стремления остаться на обозримую перспективу мировой державой. Здесь, несомненно, сказывается приверженность имперской традиции, предполагающая, в том числе, наличие собственной сферы влияния или, как минимум, “зоны заметного при-

сутствия российских интересов". С другой стороны, в России многие искренне полагают, что только статус великой державы или самостоятельного полюса со всеми их атрибутами позволит обеспечить безопасность страны и сохранить ее целостность. Напротив, став "нормальным" или "обыкновенным" государством, Россия просто не выживет.

В то же время нельзя не видеть серьезных внутривнутриполитических слабостей России. Основные из них, на наш взгляд, объективно отражены в Индексе процветания Legatum, рассчитываемом английскими экспертами для 104 стран. В 2009 г. Россия заняла в нем 69-е место (КНР — 75-е), прежде всего из-за слабых позиций по таким компонентам, как личная безопасность — 99-е место (у КНР — 65-е), персональные свободы (88-е и 91-е места соответственно), демократические институты (85-е против 100-го у КНР)²⁴.

В ряде случаев недостатки России являются своего рода продолжением ее достоинств. Так, большая территория, в принципе записываемая "в плюс", требует, особенно при ее недостаточной заселенности, значительных усилий по сохранению суверенитета над нею. Многонациональный состав населения страны, обеспечивающий культурно-цивилизационную уникальность России, одновременно осложняет управление государством и обеспечение внутренней стабильности.

Претензии России на статус самостоятельного полюса снижает отсутствие ясных перспектив развития страны. Опрос экспертного сообщества России, проведенный в 2005 г. журналом "Политический класс", показал, что многие его участники полагали вероятным отпадение к 2050 г. части территории или даже распад страны.

И все же, пожалуй, главная слабость России как великой державы — это преимущественно негативное ее восприятие в мире. Из-за ее исторического наследия и вследствие особенностей развития в последние двадцать лет Россия видится в первую очередь как государство, часто действующее жесткими методами, слышащее только собственные речи и мало прислушивающееся к мнению других членов международного сообщества.

Показательно, что в глобальном индексе миролюбия (Global Peace Index) Россия стабильно находится на очень низких позициях — в 2007 г. на 118-м месте из 121 ранжированной страны, в 2008 г. — на 131-м из 140 стран, в 2009 г. — на 136-м из 144. В то же время у Китая, приложившего немало усилий для налаживания политики добрососедства в отношении сопредельных государств, "миролюбие" оценено как "среднее" (у России — "очень низкое"). В 2009 г. он занял в рейтинге 74-е место. Для сравнения у Японии 7-е, у Германии 16-е, у Франции 30-е, у Великобритании 35-е, у США 83-е, у Индии — 122-е место²⁵.

Попытки России улучшить ситуацию с собственным международным "брендом", позиционировав себя как "энергетическую сверхдержаву", похоже, дали обратный эффект в виде стремления ряда партнеров снизить зависимость в импорте углеводородов от Москвы. Как следствие вышесказанного, отстаиваемая Россией многополярность нередко воспринимается, особенно в Европе, как нечто архаичное, весьма напоминающее по своей сути силовую политику и противоборство великих держав XIX века.

Китай близок к статусу сверхдержавы не только по населению, территории, внешнеполитическому влиянию, но и по параметрам физической экономики — на него приходится половина и более мирового производства стали, цемента, широкой гаммы продукции бытовой электроники. Усиливаются позиции стра-

ны в научно-образовательной сфере: Китай ставит перед собой задачу стать из “мировой фабрики” одним из ведущих инновационных государств. Относительная ресурсная слабость страны, которую ныне Пекин пытается преодолеть за счет экономической экспансии вовне²⁶, может смягчиться в случае серьезных сдвигов в структуре экономики, эффективного энергосбережения и общей смены типа экономического роста с экстенсивного на интенсивный. Хотя в военном отношении Китай за два последних десятилетия существенно укрепился, по размеру расходов на оборону он все еще отстает от США почти в десять раз²⁷. Несмотря на очевидное наращивание культурного влияния страны за годы реформ, в Пекине его считают все еще недостаточным. Один из “Докладов о модернизации Китая”, публикуемых группой экспертов из ведущих научных центров КНР с 2001 г., специально посвящен модернизации культуры. В нем Китай по степени культурного влияния поставлен на 7-е место в мире (в 1990 г. — 11-е) — вслед за США, Германией, Великобританией, Францией, Италией и Испанией, а его доля на мировом рынке культуры, где 43% занимают США, охарактеризована как незначительная. В связи с этим ставится задача содействовать, в частности, через создание “Института Конфуция”, дальнейшей глобализации китайской культуры, а с нею — и росту престижа Китая²⁸.

Главные слабости КНР как претендента на роль мирового полюса связаны с незавершенностью процесса воссоединения страны (“тайваньская проблема”), демографическим давлением, наличием на окраинах крупных регионов с титульным неханьским населением (Тибет, Синьцзян) и со спецификой политической системы. Китай располагает очевидным потенциалом дальнейшего роста, однако его реализация требует длительных разносторонних усилий.

Восприятие Китая в мире противоречиво. После событий 1989 г. позитивный образ “Китая реформирующегося” сменился на несколько лет на негативный “бренд” авторитарного режима с неудовлетворительным уровнем политических свобод и защиты прав человека. В настоящее время более или менее позитивный облик “Китая развивающегося” тесно переплетен с более негативно воспринимаемым в мире образом “Китая расширяющегося”.

Осознавая весомые слабости своих отечеств в ряде компонентов “твердой” и особенно “мягкой силы”, некоторые российские и китайские эксперты периодически выдвигают “компенсирующий” тезис об особой моральности России и Китая, их якобы несомненном моральном превосходстве над странами Запада. Отметим, однако, что жизненные реалии не подтверждают этот тезис. Так, по индексу восприятия коррупции (Corruption Perceptions Index), рассчитываемому организацией Transparency International (имеет представителя и в России), Россия в 2009 г. заняла 146-е место из 180 стран, Китай — 79-е, что существенно хуже, чем у других великих держав, кроме Индии (84-е место): 14-е у Германии, 17-е у Японии и Великобритании, 19-е у США, 24-е у Франции²⁹. Этот ряд легко продолжить: размах проституции, неприятие инакомыслия, чудовищный разрыв в уровне доходов и т.д. и т.п.

Так что закрепление Россией и Китаем своего глобального статуса требует от них прежде всего последовательных и серьезных усилий по преодолению внутренних слабостей.

IV

В отстаивании и укреплении своего статуса самостоятельных полюсов многополярного мира Россия и Китай сталкиваются не только с внутренними, но и с многочисленными внешними вызовами.

Среди технологических вызовов выделяется высокая степень зависимости и России, и Китая от западных технологий, которая сохранится как минимум на ближайшие 10–15 лет. Критически опасным фактором в обычной ситуации она не является и даже ориентирует Москву и Пекин на устойчивое экономическое сотрудничество с производителями передовой техники. Однако данное обстоятельство наносит достаточно болезненный удар и по самолюбию, и по статусу великой державы, а в случае обострения отношений с Западом оно чревато серьезными негативными последствиями.

Еще один технологический вызов — развитие низкоуглеродных энергосберегающих технологий, в том числе в контексте стратегии замедления глобального потепления. Россию оно может лишить значительной части ее главного естественного сравнительного преимущества — обладания крупными запасами нефти и газа. Китаю их внедрение грозит существенным снижением темпов экономического роста, давая в то же время возможность уменьшить спрос на зарубежные ресурсы.

Весьма широк перечень культурно-цивилизационных вызовов. Основные из них, на наш взгляд, это продолжающееся наступление “глобального Голливуда”, грозящее маргинализацией русской и китайской культур, доминирование в мире английского языка и растущая активность сторонников радикальных течений ислама. Заметим, что все эти вызовы объективно подталкивают Россию и Китай к более тесному сотрудничеству в их нейтрализации.

И все же наиболее часто и в Москве, и в Пекине говорят о международно-политическом вызове, под которым понимается противодействие Запада укреплению позиций России и Китая в мире.

Отчасти такое противодействие возвышению Китая и возрождению России объясняется классической боязнью сильного конкурента и неизжитым наследием прежнего идеологического противостояния. Однако есть и другой аспект проблемы, когда несогласие вызывает не мощь России и Китая как таковая, а характер ее использования, равно как и более широкая внешнеполитическая проекция внутривнутриполитической специфики двух стран. Адресуемое Западом России и Китаю как глобальным субъектам международных отношений требование о проведении “ответственной политики”, дополняемое уже давно апробированной стратегией “вовлечения”, создает объективную основу для взаимной адаптации этих держав и западного мира и для углубления сотрудничества между ними на основе доминирующих в мировой системе норм и правил. Разумеется, отстаивать свои интересы нужно и в этом случае, но и без учета озабоченностей других членов международного сообщества, без известного самоограничения России и Китаю в их глобальной политике уже не обойтись.

Китай, как известно, согласился со своей идентификацией как “ответственной глобальной державы”, хорошо понимая, что это налагает на него дополнительные обязательства и во внешней, и во внутренней политике³⁰.

В России, особенно с выдвиганием задачи радикальной модернизации, обозначилось вполне очевидное стремление к углублению взаимопонимания и сотрудничества с США и Европой, чаще звучат заявления о проведении “ответ-

ственной политики". Закрепление таких тенденций на долговременной основе повышает шансы на формирование неконфронтационной модели многополярного мира.

Что касается конкретного формата такого мира, то здесь, исходя из нынешней ситуации, возможны различные сценарии (причем они не являются абсолютно взаимоисключающими, а скорее могут быть реализованы поэтапно, один за другим).

Вариант 1. Сохранение доминирования США с учетом превосходства их военной мощи, сохранения ключевых позиций в мировых финансах и возможного восстановления экономических позиций. На наш взгляд, такая ситуация может сохраниться не далее 2020 г. Относительные позиции США как сверхдержавы будут ослабевать.

Вариант 2. Биполярный мир. Воссоздание страновой биполярности маловероятно. Даже при существенном укреплении Китая он может рассчитывать в обозримой перспективе максимум на "полутораполярный мир". Некоторые шансы имеет нечто вроде групповой биполярности (Запад—"не-Запад", США—Европа—Япония vs БРИК и т.п.).

Вариант 3. Минимальная многополярность, то есть формирование трех центров силы. Главные кандидаты: США, Китай и Европа, остальные державы, включая Россию, в некотором отдалении.

Вариант 4. Естественная многополярность в составе США, Китая, России, Индии, Японии, Бразилии и Европейского Союза.

Вариант 5. Расширенная многополярность в составе "Группы 20" или несколько уже.

На наш взгляд, ближе к оптимальному вариант "естественной многополярности". Он, кстати, вполне созвучен Совместному заявлению по итогам российско-китайской встречи на высшем уровне от 23 ноября 1998 г. "Российско-китайские отношения на пороге XXI века", в котором констатировалось: "XXI век не должен и не может стать исключительно "американским", "европейским" или "азиатско-тихоокеанским" веком... Он должен и может стать периодом сосуществования и взаимобогащения культур и традиций различных государств и регионов"³¹.

Да будет так.

1. Документы размещены на сайте Министерства иностранных дел Российской Федерации www.mid.ru.
2. Цит. по: Ху Шусян (гл. ред.). Дипломатия Китая и международная стратегия развития [Чжунго вайцзяо юй гоцзи фацжань чжаньлюэ яньцзю]. Пекин, 2009. С 103–104
3. См.: Сборник российско-китайских договоров, 1949–1999 гг. М., 1999.
4. Там же. С. 382–384.
5. Ху Шусян (гл. ред.). Дипломатия Китая и международная стратегия развития. Пекин, 2009. С. 107.
6. Heller P. Oracle bones: a journey between China's past and present. New York, 2006. P. 21, 295–300.
7. Ху Шусян (гл. ред.). Дипломатия Китая и международная стратегия развития. Пекин, 2009. С. 109.
8. Ван Ичжоу. Небольшой рассказ о "многополярности" // Ван Ичжоу. Глобальная политика и внешнеполитический курс Китая [Цюаньцю чжэнчжи хэ Чжунго вайцзяо]. Пекин, 2003. С. 206–207.
9. См.: Богатуров А.Д., Аверков А.В. История международных отношений (1945–2008 гг.). М., 2009.
10. См.: Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 4. С. 10–13; 2009, № 4. С. 3–10.

11. Караганов С. А., Юргенс И. Ю. (ред.). Россия vs Европа: противостояние или союз? М., 2010. С. 9–11.
12. Эти данные воспроизведены в электронной энциклопедии Wikipedia в статье "Comprehensive national power" ("Комплексная национальная мощь").
13. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М., 2007. Методика расчета индекса описана в работе достаточно подробно. В качестве основных критериев учитываются военные расходы (вес — 0,85), доли в мировом экспорте (0,80), мировом валовом продукте (0,77), мировом населении (0,48). В качестве дополнительных — индексы качества жизни, институциональных основ демократии, государственности и рейтинг уровня внешних и внутренних угроз.
14. Там же. С. 186.
15. 2009 Чжунго гоцзи дивэй баогао [Доклад о международном статусе Китая — 2009]. Пекин, 2009. С. 16.
16. Yuan Peng. China's Strategic Choices — Contemporary International Relations. Beijing. Jan/Feb. 2010. p. 21.
17. The Economist. 2010. 8 May. P. 29.
18. 2009 Чжунго гоцзи дивэй баогао. С. 15.
19. Huang Ying. Summary of Symposium on the First Anniversary of the World Financial Crisis // Contemporary International Relations. Beijing 2009. Nov/Dec. P. 121.
20. См., например: Рубини Н. Четыре минус один // Ведомости. М., 2009. 23 окт.
21. Encyclopedia of International Relations and Global Politics/Edited by Martin Griffiths. L.; New-York, 2009. P. 651.
22. Ibidem. P. 351.
23. См.: Кузык Б.Н., Агеев А.И., Добродеев О.В., Куроедов Б.В., Мясоедов Б.А. Россия в пространстве и времени (история будущего). М., 2004. По степени влияния на мир и уровень самообеспеченности авторы выделяют четыре группы государств: сверхдержавы, великие державы, региональные державы, малые и средние страны. Для оценки вводится экспертная количественная шкала по каждому из девяти учитываемых параметров: управление (понимаемое в широком смысле слова, как способность руководства эффективно контролировать и регулировать идущие в стране процессы), территория, природные ресурсы, население, экономика, культура и религия, наука и образование, армия, внешняя политика.
24. Legatum prosperity index 2009. — <http://www.prosperity.com/rankings.aspx>.
25. <http://www.visionofhumanity.org/gpi/results/rankings/2009/>. Глобальный индекс миролюбия разработан организацией Vision of Humanity. Рассчитывается по 23 показателям, сгруппированным по таким группам, как конфликтность (внутренние и внешние конфликты страны за период 2002–2007 гг.), отношения с соседними странами, общественная безопасность, милитаризация общества.
26. В Китае свою стратегию экспорта капитала, разработки месторождений полезных ископаемых и поиска рынков сбыта за рубежом характеризуют как "выход вовне" ("цзочучуцуй"). Декларируется, в том числе высшим руководством КНР, и необходимость "осваивать внешнее пространство развития экономики страны" ("Точжань вого цзинцизи фачжань дэ вайбу кунцзянь"). К каким эвфемизмам ни прибегай, суть дела не меняется: речь идет об экономической экспансии Китая в мире. В мае 2010 г. в сингапурском аэропорту Чанги продавалась книга гонконгского автора, которая так и называлась "Китай: глобальная экспансия" ["Чжунго: цюаньцю кочжань"].
27. На 2010 г. официальный военный бюджет КНР запланирован в объеме 78 млрд долл. против 708 млрд у США (у России 41,7 млрд долл.). Время новостей. М., 2010. 5 марта.
28. How to improve China's soft power? // People's Daily Online. 2010. 12 march.
29. http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2009.
30. Подробнее см.: Портяков В. Становление Китая как ответственной глобальной державы // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 6. С. 3–13.
31. Сборник российско-китайских договоров, 1949–1999 гг. М., 1999. С. 454.

Тихий океан как "Средиземное море будущего": история идеи (середина XIX — начало XX вв.)

© 2010

В. Постников

В статье рассматривается формула "Тихий океан — Средиземное море будущего", которая была довольно широко известна в России в начале XX в. как призыв к более прочному утверждению на Тихом океане. Исследуется формирование этой идеи в XIX в., связанное с именами А.И. Герцена, Л.И. Мечникова и классиков мировой геополитики. Автор приходит к выводу, что представители русской общественно-политической мысли были в числе первых идеологов азиатско-тихоокеанского сотрудничества.

Ключевые слова: история АТР, история российского Дальнего Востока, геополитика, русская общественно-политическая мысль, историография российской и всемирной истории.

История участия России в освоении тихоокеанских пространств изучена достаточно хорошо. Менее известным является тот факт, что русские мыслители одними из первых в мировой общественно-политической мысли начали развивать идеи о формировании АТР и о его будущем глобальном значении. Раскрытие этого тезиса посвящена данная работа.

Значение Тихого океана в представлении русской общественно-политической мысли начала XX в.

В начале XX в. в России, как в среде специалистов, так и на уровне газетной публицистики, заметное место получили размышления ряда известных общественных деятелей о том, что Тихий океан станет "Средиземным морем будущего". Например, можно вспомнить слова протоиерея И. Восторгова (1864–1918), известного идеолога самодержавия, произнесенные во Владивостоке в 1909 г.: "История человечества двигалась по так называемым средиземным морям. То, что жило около древнего Средиземного моря, то жило настоящей жизнью; там были народы-счастливыцы в истории и ее деятели. <...> Пришла пора, после открытия Америки, Средиземным морем стал Атлантический океан. Опять повторилось то же явление: народы, жившие около этого Средиземного моря, стали счастливыми и мировыми деятелями и, наоборот, народы, не имевшие этого счастья, были обречены на бессилие и прозябание. <...> С половины минувшего столетия центр общечеловеческой истории заметно стал перемещаться вследствие

изменения в положении Америки — и новейшим Средиземным морем становится Великий океан”¹. Восторгов призывал поддерживать укрепление российского самодержавия и православия на Дальнем Востоке.

Подобные взгляды разделял А.Е. Снесарев, известный российский военный деятель и востоковед, классик российской геополитики (1865–1937)². На протяжении первой трети XX в. в своем научном и публицистическом творчестве он последовательно доказывал важность азиатской политики для России: “Дальний Восток является накоплением людских масс, доходящим до 600 миллионов (треть населения земного шара), и уже поэтому есть огромная политическая и экономическая величина. Но ее ценность усугубляется примыканием к водам Тихого океана, этого последнего и заключительного водного резервуара нашей планеты. Вам известна смена мировых резервуаров: сначала человеческая культура ютилась у Средиземного моря, затем оно было изжито и покинуто для Атлантического океана, в настоящее время борьба у этого океана тухнет и переносится к водам Тихого океана... Там народы зажгут факел их последнего состязания, там кто-то выйдет последним мировым победителем. Такова красочная канва глубокойинтересной тихоокеанской проблемы”³.

Отметим, что публицисты начала XX в. относили предполагаемое тихоокеанское будущее мировой цивилизации к отдаленному времени, связывали с ним не реалии, а перспективы будущего развития России. Так в 1908 г. известный исследователь и политик А.В. Колчак (1874–1920) обосновывал важность развития российского флота на Дальнем Востоке: “Распространение России на берега Тихого океана, этого Великого Средиземного моря будущего, является пока только пророческим указанием на путь ее дальнейшего развития, связанный всегда с вековой борьбой, ибо только то имеет действительную ценность, что приобретено путем борьбы, путем усилий”⁴.

Приведенные цитаты показывают, что речь идет не о случайных высказываниях отдельных личностей, а о целой системе представлений, достаточно широко известной и распространенной в начале XX в. Она основывалась на двух положениях: 1. Мировая цивилизация исторически развивалась вокруг последовательно сменяющих друг друга морских резервуаров; 2. В будущем центр мировой цивилизации должен переместиться на Тихий океан. Возникают вопросы: как сложились эти представления, откуда взялось выражение, вернее — идеология “Тихий океан — Средиземное море будущего”, какова ее история, какой изначальный смысл в нее вкладывался? Цель данной статьи — выявить истоки этих представлений.

Идея “Средиземного моря будущего” А.И. Герцена

Хорошо известно, что эту идею сформулировал А.И. Герцен (1812–1870), однако история и изначальный смысл этого выражения требуют специального рассмотрения. Впервые он употребил словосочетание “Тихий океан — Средиземное море будущего” в статье “Крещеная собственность”, которую опубликовал в 1853 г., “делая первые опыты русских изданий в Лондоне”: “Привычные к войне и дороге, казаки имели те неопределенные влечения, то политическое чутье, те пророческие догадки, которыми отличались норманны. Горсть казаков завоевала Сибирь. <...> как будто что-то непреодолимое тянуло их к Тихому океану, к этому Средиземному морю будущего; как будто они предвидели всю важность поставить Русь лицом к лицу с Северо-Американскими Штатами”⁵. В 1856 г. состоялось второе издание этой статьи. Отметим, что общим смыслом ста-

ты был не прогноз тихоокеанского будущего мировой цивилизации, а главный в деятельности Герцена вопрос о будущем России, ее успешном развитии, справедливом, соответствующем (в понимании Герцена) национальным традициям “народного социализма” общественном устройстве, достойном месте страны на международной арене. В приведенной цитате звучат два важных акцента.

1. Тяга России к Тихому океану представляется как один из доводов, доказывающих особые политические качества русского народа. В других своих работах он утверждал, что освоение Сибири и Дальнего Востока русским народом является весьма важным событием мировой истории, которому незаслуженно придают мало значения⁶. Оно показывает исторический масштаб и потенциал русского народа, который находится в недостойном для него положении крепостного раба;

2. Идея российско-американского сотрудничества, которое в будущем должно иметь важное значение. Эту идею он связывал с географическим расположением этих стран, которые соединяются Тихим океаном: “Взгляните, например, на эти две огромные равнины, сходящиеся затылками, обогнув Европу. Зачем они так просторны, к чему они готовятся, что означает пожирающая их страсть к деятельности и расширению? Эти два мира, противоположные один другому, и между которыми есть своего рода сходство, — Северо-Американские Штаты и России” (1854)⁷.

Употребление этой формулы в упомянутой статье “мимоходом” позволяет предположить, что эта идея для Герцена была не нова. В 1858 г. он упоминал, что “скоро будет *десять* лет с тех пор, как мы высказали нашу мысль о взаимном отношении этих *будущих* в подорожной современной истории” (курсив Герцена, имеются в виду Россия и Америка)⁸. Обращает на себя внимание, что Герцен использует это выражение без дополнительных объяснений, поэтому мы можем предположить, что он сам заимствовал у кого-то эту идею. Вероятным источником для него могла быть известная статья Маркса и Энгельса, где еще в 1850 г. были сформулированы подобные идеи тихоокеанского будущего мировой цивилизации. В этой статье утверждалось, что открытие калифорнийских золотых приисков в 1848 г. произвело революцию в истории, а в будущем приведет к развитию тихоокеанской Америки и всего тихоокеанского региона: “...Тихий океан будет играть такую же роль, какую теперь играет Атлантический океан, а в древности и в средние века Средиземное море, — роль великого водного пути для мировых сношений...”⁹. Именно в то время, после 1849 г., Герцен формировал свои взгляды. В качестве другого примера приведем слова протоиерея Нерчинско-заводского Богоявленского собора Боголюбского (Забайкалье), произнесенные в поддержку деятельности восточно-сибирского генерал-губернатора Н.Н. Муравьева: “Амур — это путь прямой из света старого в новый; Амур — для России дело великое!”, которое обещает “развитие торговли и промышленности, при открытии водяного сообщения с океаном” (1854)¹⁰. Если даже такие, далекие от “мирской суеты” лица, были в то время в курсе подобных политических идей, значит, они были достаточно хорошо известны общественности середины XIX в. Это может объяснить, почему первый раз Герцен употребил упомянутое выражение мимоходом, поскольку, надо полагать, это было ссылкой на достаточно известные в то время идеи.

Таким образом, идеи о российско-американском сотрудничестве и предположительно — о “Средиземном море будущего” возникли у него около 1850 г. Но еще в 1833 г., познакомившись с трудом А. де Токвиля “Демократия в Амери-

ке”, Герцен сделал вывод: “Две страны несут в себе будущее: Америка и Россия”¹¹. Чтобы понять суть его размышлений о российско-американском сотрудничестве, нужно учитывать ряд общеисторических представлений мыслителя, которые основывались на идее последовательного прохождения цивилизациями этапов “взросления” и “старения” (“история — прогрессивное продолжение животного развития”)¹². К стареющим он относил Индию, Китай, и Западную Европу. От них он отличал молодые и растущие страны — Россию и Америку: “Обе страны переизбыточествуют силами, пластицизмом, духом организации, настойчивостью, не знающей препятствия, обе бедны прошедшим, обе начинают вполне разрывом с традицией, обе расплываются на бесконечных долинах, отыскивая свои границы, обе с разных сторон доходят через страшные пространства, помечая везде свой путь городами, селами, колониями — до берегов Тихого океана, этого “Средиземного моря будущего” (как мы раз назвали его и потом с радостью видели, что американские журналы много раз повторяли это)” (1858)¹³; “Новороссийский край лучшее доказательство, какова пластическая сила Руси. А вся Сибирь? А теперешние поселения на берегах Амура, где на днях будет развиваться звездчатый флаг американских республик? Да и самые восточные губернии европейской России?” (1857)¹⁴.

В целом логику Герцена можно представить следующим образом: русский народ чужд существующей в стране власти и элите. Власть — представители “петербургской традиции”, тяготеют к увядающей Европе, в то время как народ живет своей жизнью, и главный вектор его самостоятельного движения, как показывает история, — в обратном направлении, на восток. Это движение имеет исторический смысл и отражает стремление народа к свободе. Если народ освободить, то европейская ориентация России, как искусственная, исторически бесперспективная и изжившая себя, исчезнет, и страна обратится к наиболее актуальному и живому ориентиру — тихоокеанскому побережью, где происходит бурное развитие, и в будущем должна возникнуть цивилизация нового типа, не стесненная традициями и пережитками “старого мира”, социалистическое общество свободы и справедливости. Тогда Россия сможет реализовать свой гигантский потенциал. И главное действие в этой логике — отмена крепостного права, за что так убежденно агитировал Герцен. Сибирь и Россия в целом понималась Герценом как русское подобие Америки, которой не дают реализоваться существующие в стране порядки: “Мертвящее русское правительство, делающее все насилем, все палкой, не умеет сообщить тот жизненный толчок, который увлек бы Сибирь с американской быстротой вперед. Увидим, что будет, когда устья Амура откроются для судоходства, и Америка встретится с Сибирью возле Китая. Я давно говорил, что Тихий океан — Средиземное море будущего. В этом будущем роль Сибири, страны между океаном, южной Азией и Россией, чрезвычайно важна” (1854–1858)¹⁵.

Как уже упоминалось, эта идея вызвала интерес в Америке того времени. Американский публицист Ч.Г. Лилленд в 1858 г. вступил в переписку с Герценом и позднее в своих “Мемуарах” (1895) вспоминал об этом: “Я написал в то время длинную статью, в которой предлагал русскому правительству открыть для иностранцев золотые рудники Урала <...> Герцен перевел эту статью на русский язык (я располагаю одним экземпляром); 20 000 ее экземпляров циркулировало в России. Царь прочел ее. Герцен писал мне: “Она будет отложена лет на сорок, и потом, быть может, из нее что-нибудь сделают. Тихий океан станет Средиземным морем будущего”¹⁶. Речь идет о листовке под названием “Господам директорам

Общества колонизации берегов Амура в С.-Петербурге”, в которой Лиленд приветствовал усилия, предпринятые для освоения земель по берегам Амура, как залог сближения России и США: “Мы — две огромнейшие державы в мире, населенные народами, предназначенными достигнуть великого могущества, мы становимся, движимые быстрыми событиями немногих годов, лицом друг к другу, между нами Тихий океан, это “Средиземное море будущего”, как сказал один русский”¹⁷. Вероятно, на эти листовки ссылался М.И. Венюков в своих воспоминаниях об амурском путешествии 1857–1858 гг. (написаны в 1870-х гг.), когда упоминал о том, что американцы “смотрят на Тихий океан как на Средиземное море будущего”¹⁸. Это показывает, что исследуемое выражение было известно, но не вызвало особого интереса у российской общественности того времени, как и в целом дальневосточная политика в 1860–1870-х гг.

Как видно, Герцен из Лондона следил за усилением России на Дальнем Востоке в 1850-х гг. и был убежденным сторонником этого, приветствуя ее успехи: “Трактат, заключенный Муравьевым, со временем будет иметь мировое значение”¹⁹. Возможно, идеи Герцена об истории Сибири и дальневосточной политике России были бы интересны для специального рассмотрения, поскольку Герцен — один из первых в русской общественно-политической мысли деятелей поднял вопрос о значении Дальнего Востока для России и представил свое видение этого вопроса.

Таким образом, изначальный, авторский смысл формулы “Средиземное море будущего” — это идеи социально-исторического переворота и будущего российско-американского сотрудничества. В основе этой концепции лежал не геополитический смысл, а идеи справедливого общественного устройства, поиск Герценым новых путей развития России. Если условно представить полную реализацию этой идеи, мы увидим действительно радикальные изменения: политические и экономические ориентиры России обращаются на тихоокеанское побережье, западные регионы России превращаются в провинцию, происходит исторический переворот, какого Россия не знала со времен Петра I. Такое изменение даже в нашей современной ситуации кажется невероятным (однако, такие идеи существуют)²⁰.

Тихий океан в географической теории развития цивилизаций Л.И. Мечникова.

Идеи Герцена не объясняют полностью логику публицистов начала XX в., которые говорили о последовательной “смене мировых резервуаров” и движении истории по “так называемым средиземным морям”. Эти идеи были теоретически аргументированы русским географом-путешественником, классиком геополитики Л.И. Мечниковым²¹ (1838–1888) в его главном труде “Цивилизация и великие исторические реки”, который был издан в Париже на французском языке в 1889 г. В России эта книга была издана только в 1898 г.²² В то время имя Л.И. Мечникова имело авторитет в научных кругах как в Европе так и в России.

Целью этого исследования было “определить естественные, хотя и скрытые пути, при помощи которых различные виды географической среды видоизменяют судьбы наций, предоставляя некоторым из них верховенство над соседними населенными странами”²³. Как видно из названия работы, Мечников доказывает, что решающим фактором в развитии цивилизаций является привязка к водным ресурсам. С помощью этого критерия исследователь структурирует историю, и логически делит ее на следующие этапы²⁴.

Древние века, речной период. С ним связаны история великих цивилизаций древности (Египет, Двуречье, Индия и Китай).

Средние века, средиземно-морской период. Как определяет Мечников, примерно с 800 г. до н.э. цивилизация развивается вокруг Средиземного моря. Но имеет значение не само это море, а его коммуникативная роль, поэтому в этот этап значительную роль играют различные “внутренние моря” — Черное, Северное, Балтийское, в восточной Азии он выделяет Желтое и Тонкинское (Южно-китайское) моря. Т.е. этот этап мы могли бы назвать этапом “внутренних морей”.

Новые века, океанический период. С открытием Америки и морского пути в Индию и усилением европейских морских держав, таких как Испания, Португалия, Голландия, Англия, Франция, наибольшее значение приобретают транс-океанические связи, формируется океаническая цивилизация.

Уточним, что каждый из выделенных этапов представлялся Мечниковым не как единое, а разделялся на фазы. Например, с основанием Константинополя средиземно-морской этап вступает в свою вторую фазу, которая в нашем представлении ассоциируется со Средневековьем. Таким же образом развивается океанический этап: если поначалу он был связан с Атлантикой, то с середины XIX в. Мечников отмечает рост значения Тихого океана: “С момента наступления новых веков и вплоть до второй половины текущего века среди всех пяти океанов, омывающих нашу планету, один Атлантический пользовался привилегией служить главной сценой культурных триумфов. За последние сорок лет дела обстоят уже иначе. Быстрый рост культуры в Калифорнии и Австралии, открытие Китая и Японии для торговых международных сношений, значительное развитие китайской эмиграции, распространение русского влияния на Манджурию и на порты Кореи окончательно присоединили Тихий океан к области мировой культуры”²⁵.

При этом Мечников подчеркивает, что эти изменения не делают Тихий океан единственным центром цивилизации. В формировании океанической цивилизации принципиальным является ее глобальный, а не региональный масштаб, и освоение Тихого океана — один из этапов этого процесса. В это время сохраняет свое значение и Атлантический океан, и приобретает значение Индийский, служащий благодаря Суэцкому каналу мостом между Атлантикой и Пацификой. Но именно включение тихоокеанского резервуара в сферу цивилизации отметило образование океанического этапа в ее развитии и имело решающее значение в мировой истории: “Этот период, несмотря на свою юность сравнительно с двумя предыдущими, может быть все-таки подразделен на две эпохи.

1) Атлантическая эпоха, от открытия Америки до момента золотой горячки в Калифорнии, широкого развития английского влияния в Австралии, русской колонизации берегов Амура и открытия портов Японии и Китая.

2) Всемирно-культурная эпоха, едва только получающая свое начало”²⁶.

Подтверждая свои выводы, Мечников приводил слова немецкого ученого С. Беттигера, который утверждал, что “вода оказывается оживляющим элементом не только в природе, но и истинной двигательной силой в истории. ...Вода является силой, побуждающей культуры к развитию, к переходу из среды речных систем на берега внутренних морей, а оттуда к океану” (1859)²⁷.

С одной стороны, с высоты сегодняшнего дня концепция Мечникова может показаться несколько односторонней. Однако, если мы вспомним такие важные события российской истории, как формирование пути “из варяг в греки”, завоевание Казани и Астрахани (т.е. взятие под контроль бассейна Волги в середи-

не XVI в.), Северную, русско-турецкие, Крымскую и русско-японскую войны, то мы будем вынуждены признать, что “водно-географический фактор” действительно был одним из важнейших в российской истории.

Отметим, что по своим политическим убеждениям Мечников, как и Герцен, был близок к радикалам, и его “трехчленная формула географического развития” подразумевала соответствующую формулу социального прогресса от деспотизма к свободе, т.е. его идеи имели в первую очередь социально-исторический смысл.

Идея “Средиземного моря будущего” в контексте политической мысли конца XIX — начала XX вв.

На формирование исследуемых идей в России значительное влияние оказали зарубежные теории. Определенное созвучие с концепцией Мечникова имеют идеи классика американской геополитики А.Т. Мэхэна (1840–1914). В своей работе “Влияние морской силы на историю” (1890) он доказывает, что географическое положение относительно морей и развитие флота являются решающими факторами исторического развития государств. В России его работа была переведена и опубликована в 1895 г., была она известна и на Дальнем Востоке²⁸.

О широком распространении подобных представлений на рубеже XIX—XX вв. свидетельствует фундаментальный многотомный труд немецких ученых 1890-х гг. “История человечества. Всемирная история”, издававшийся в России в начале XX в. В этом труде “впервые во “всемирной истории” широко признается историческое значение океанов, разделяющих и соединяющих народы”²⁹. В первом томе в разделе “Историческое значение Тихого океана” (автор Э. Вильчек) утверждается, что “центр тяжести интересов человечества, а следовательно, и всемирной истории видимо перемещается от пользовавшегося до сих пор привилегиями полушария в другое. Какая бы великая роль в истории государств и народов ни предназначалась материкам Старого Света, если только высшей задачей всемирной истории является единство человеческого рода, то решение этой задачи надо искать на Тихом океане. В сознании того лежит ключ к пониманию исторического значения Тихого океана”³⁰. В этом разделе АТР представляется как самостоятельный регион, описываются географические особенности Тихого океана, история его освоения и изучения, прилагается политическая карта тихоокеанского бассейна и описывается международная обстановка на нем, которую, по мнению авторов, определяет противостояние “желтой” расы и англо-американского мира.

Свой взгляд на значение Тихого океана в этом труде выразил известный немецкий антрополог и теоретик геополитики Ф. Ратцель (1844–1904). Он говорил, что “за Средиземным морем последовал Атлантический океан. Американцы и русские, а за ними и японцы утверждают, что ныне Атлантический океан должен уступить место Великому”. Он уточнял, что “те особые черты, которые Тихий океан может внести в историю, нужно искать в пределах южного полушария. И если когда-нибудь осуществится великая самостоятельная история антиподов, то местом ее будет южный Тихий океан, окруженный странами с богатейшею будущностью в Австралии, Южной Америке, Новой Зеландии и Океании”³¹. Творчество Ратцеля в целом оказало значительное влияние на формирование исследуемых идей. В своих работах “Законы пространственного роста государства” (1896), “Политическая география” (1897), “Море как источник могущества народов” (1900) он доказывал, что главным законом развития государств является

“борьба за обладание пространством” и “охват политически ценных мест”, поэтому Тихому океану в истории будущего он отводил ведущее место. Стоит также отметить, что немецкая империалистическая идеология рубежа XIX—XX вв. во многом повлияла на взгляды многих сторонников экспансии Российской империи на Дальнем Востоке.

Таким образом, становится понятным, на какие идеи опирались, и какой логики придерживались российские публицисты начала XX в., когда утверждали, что история развивается вокруг водных резервуаров, последним из которых должен стать Тихий океан — “Средиземное море будущего”. Их рассуждения являются синтезом и заметным упрощением идей мыслителей, которые выделяли “водно-морской фактор” в истории, и подчеркивали рост значения Америки во второй половине XIX в. Отметим, что на русском языке идеи Мечникова, Мэхэна и Ратцеля стали доступны только на рубеже XIX—XX вв. Но даже в 1880-е гг. эти идеи могли бы звучать не как прогноз, а как констатация и теоретическое объяснение действительности. Известно, что уже в 1880-х гг. тихоокеанские пространства стали ареной международного соперничества: Франция “отбивает” у Китая Вьетнам (война 1884–1885 гг.), в Канаде строится Тихоокеанская железная дорога (1881–1885), в России разрабатываются планы строительства Транссиба, в 1886–1888 гг. на Тихом океане появляется русская эскадра во главе с вел. кн. Александром Михайловичем Романовым, и газета “Владивосток” по этому поводу писала, что “в настоящее время, когда побережье Великого океана привлекает к себе внимание государственных людей всей Западной Европы”, этот визит имеет “характер явления многозначительного”³². Уже в 1890 г. А.П. Чехов во время своего дальневосточного путешествия скептически упоминал о “тихоокеанских мечтаниях” как о хорошо известном явлении российской жизни. Однако, в публицистике конца XIX в., несмотря на признания важности тихоокеанской политики, идеологема “Средиземное море будущего”, как правило, не встречается, и в основном обнаруживается в материалах, датируемых периодом после русско-японской войны, которая вызвала особый интерес общественности к Дальнему Востоку. В 1904 г. об особом значении тихоокеанского побережья для будущего России говорили выдающиеся ученые Д.И. Менделеев и А.И. Воейков. Известный норвежский путешественник-исследователь Ф. Нансен (1861–1930), посетивший Сибирь и Дальний Восток в 1913–1914 гг., и описавший свое путешествие в книге “В страну будущего” (1915), отмечал, что “...после войны с Японией 1904–1905 годов, в России коренным образом изменился взгляд на Сибирь и ее развитие; открылись глаза на то, что было упущено в этом смысле, и на огромное значение этого развития для будущего всей страны”³³. Возможно, распространение известного выражения Герцена также связано с либерализацией общественно-политической мысли в России после 1905 г. Поэтому на данный момент мы можем предположить, что идеологема “Тихий океан — Средиземное море будущего” получила распространение после 1904 г. и была востребована как популярно-упрощенное объяснение представленных теорий, получивших известность в России на рубеже XIX—XX вв. И если изначально в эту идеологему вкладывался социально-политический, революционный смысл (символ отказа от “старого мира”), то в начале XX в. было востребовано ее геополитическое звучание (как символ соперничества держав и имперской политики), и ее взяли на вооружение сторонники российского великодержавия — упомянутые выше представители офицерства, духовенства и интеллигенции. Таким образом, идея “Средиземного моря будущего” была известным символом, выражавшим представления обществен-

но-политической мысли России начала XX в. об актуальности Тихоокеанского региона для развития страны.

Эти идеи оставались известными и после революции. Например, Л. Троцкий в 1927 г. в одной из своих речей ссылается на эту теорию, связывая ее действие с распространением мировой революции³⁴. Однако в дальнейшем эти идеи оказались забыты.

Таким образом, русские мыслители одними из первых сформулировали идею азиатско-тихоокеанского сотрудничества. Мы можем сделать вывод, что существует самостоятельная российская традиция исторического осмысления тихоокеанского региона. При этом очевидно, что рассматриваемые идеи имеют во многом интернациональный характер, разрабатывались в интеллектуальных столицах (Лондоне, Париже) и истоки этих идей, вероятно, следует искать в работах европейских мыслителей середины XIX в. Особое развитие эти идеи получили в зарубежной геополитике XX в.

Упомянутые мыслители с помощью различных доводов показывали определяющую роль Америки в формировании АТР. Современное развитие Восточной Азии придает исследуемой идеологии особую актуальность. Реальностью становится предвидение русского философа Н.А. Бердяева: “Теперь уже в результате мировой войны выиграть, реально победить может лишь крайний Восток, Япония и Китай, раса, не истощившая себя, да еще крайний Запад, Америка. После ослабления и разложения Европы и России воцарится китаизм и американизм, две силы, которые могут найти точки сближения между собой. Тогда осуществится китайско-американское царство равенства, в котором невозможны уже будут никакие восхождения и подъемы” (1918)³⁵.

Представляет интерес дальнейшее изучение этой идеологии: выявление новых высказываний и фактов, связанных с ее бытованием, связи с общественно-политической мыслью, степень ее актуальности в официальной политике того времени, связь этих идей с современными исследованиями АТР.

1. *Восторгов И.* Россия и Восток // Владивостокские епархиальные ведомости. 1909. № 11. С. 333–334, 327–337.
2. *Афганские уроки: Выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарева.* М., 2003. 896 с.
3. Там же. С. 97, 94–99.
4. *Колчак А.* Какой нужен флот России? // Военно-морская идея России: Духовное наследие Императорского флота. 2-е изд. М. 1999. С. 144.
5. *Герцен А.И.* Крещеная собственность // Сочинения А.И. Герцена и переписка с Н.А. Захарьиной. В 7 т. Т. 5. СПб., 1905. С. 296, 284–301. Это издание — первое легальное собрание сочинений А.И. Герцена в России.
6. *Герцен А.И.* Россия и Польша // Сочинения А.И. Герцена... Т. 6. С. 222, 217–225.
7. *Герцен А.И.* Старый мир и Россия // Сочинения А.И. Герцена... Т. 5. С. 305, 302–325.
8. *Герцен А.И.* Америка и Сибирь // Сочинения А.И. Герцена... Т. 6. С. 211, 211–215.
9. *Маркс К., Энгельс Ф.* Первый международный обзор // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 7. М., 1956. С. 232–233, 224–237.
10. *Барсуков И.П.* Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам (материалы для биографии). Кн. 1. СПб. 1891. С. 359.
11. *Герцен и американский публицист Ч.Г. Лилэнд* // Герцен и Запад. М., 1985. С. 669, 669–676.
12. *Герцен А.И.* Русский народ и социализм // Сочинения А.И. Герцена... Т. 5. С. 270.

13. Герцен А.И. Америка и Сибирь // Сочинения А.И. Герцена... Т 6I. С. 212–213.
14. Герцен А.И. Еще вариация на старую тему // Сочинения А.И. Герцена... Т. 5. С. 334–335.
15. Герцен А.И. Былое и думы. [Т. 1]. Части 1-3. М. 1973. С. 277.
16. Герцен и Запад М., 1985.С. 672.
17. Там же. С. 673.
18. Венюков М.И. Путешествие по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1970. С. 49; Эти слова Венюкова упоминает газета “Владивосток” в 1885 г. (№ 24.С 4).
19. Герцен А.И. Америка и Сибирь... С. 211.
20. Крупнов Ю. Столица России должна стоять на Тихом океане. — <http://www.krupnov.ru/pubs/2004/01/05/10076/>.
21. Приведем краткие факты из его биографии, которые имеют отношение к рассматриваемому вопросу. Он происходил из семьи харьковского помещика, был братом знаменитого микробиолога И.И. Мечникова, отличался разнообразием увлечений. Основную часть своей жизни он провел за пределами России (с 1858 г.). В 1860 г. он приезжает в Венецию и участвует в европейском революционном движении. В 1863 г. он познакомился с Герценым, занимался переправкой нелегальной литературы в Россию, начал научно-публицистическую деятельность. В 1874-1876 гг. по приглашению министра просвещения Японии он жил в этой стране, где возглавлял русское отделение Токийской школы иностранных языков. По возвращении в Европу через Тихий океан и Америку он написал труд “Японская империя”, который принес ему известность и авторитет в научных кругах Европы. В Париже Мечникова пригласил сотрудничать выдающийся французский географ Э. Реклю, автор 19-томной “Всеобщей географии”. Одновременно Мечников работал над своим главным трудом “Цивилизация и великие исторические реки”, который был издан уже после его смерти в 1889 г. См.: *Карташева К.С. Дороги Льва Мечникова. М., 1981. 55 с.*
22. Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория развития современных обществ. СПб., 1898.
23. Там же. С. 100.
24. Там же. С. 99–100.
25. Там же. С. 97.
26. Там же. С. 100.
27. Там же. С. 98–99.
28. Северо-американский флот и его значение в будущем // Владивосток. 1896. № 18. С. 2–3.
29. История человечества. Всемирная история / Под общ. ред. Г. Гельмольта. Изд. 3-е. В 9 т. СПб. 1904. Т. 1. С. VI.
30. Там же. С. 592.
31. Там же. С. 91–92.
32. Цит. по: Н. Мизь: библиограф. сб. Владивосток, 2005. С. 52.
33. Нансен Ф. В страну будущего. Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. Магадан, 1969. С. 200.
34. Троцкий Л. О Сибири // “ЭКО”. Всероссийский экономический журнал. 2008. № 3. С. 188, 191.
35. Бердяев Н.А. Судьба России // Россия и Европа: хрестоматия по русской геополитике М., 2007. С. 306.

История

Японские разведывательные органы в Северной Маньчжурии в 20-е годы XX века

© 2010

С. Куртинец

В статье на основе архивных материалов рассматриваются направления деятельности японских разведывательных органов на Дальнем Востоке и в Северной Маньчжурии в 20-е гг. XX в., раскрывается их структура и ее изменения в зависимости от политической обстановки в регионе.

Ключевые слова: японские разведывательные органы, Северная Маньчжурия, военная миссия.

В начале XX в. Северная Маньчжурия стала объектом внимания японских правящих кругов. Это было связано с тем, что она занимала стратегически важное положение относительно Приморья, Приамурья, Забайкалья, Монголии, Северного Китая, Южной Маньчжурии и Кореи, представляя стратегический плацдарм для ведения широкомасштабных боевых действий в случае военного столкновения с Россией. Указанная территория, население которой непрерывно увеличивалось, превращалась также в важный рынок сбыта японских товаров. Это делало ее для Японии еще более значимой. Политические круги Японии не скрывали своих планов. Газета "Осака Майнити" 16 декабря 1913 г. писала: "Для Японии Маньчжурия играет роль Фландрии, ибо там покоятся жертвы русско-японской и китайско-японской войны. Кроме того, она является страной великих возможностей, куда Япония вложила миллиарды иен, и с которой непосредственно связаны благополучие и судьба всего японского народа. Дипломатические заверения о сохранении китайского суверенитета в Маньчжурии и, одновременно, соблюдение особых прав Японии в Маньчжурии, на практике мало осуществимы"¹.

Готовясь к окончательному захвату указанной территории, политическое и военное руководство прилагало усилия к инженерному обеспечению планируемого военного вторжения путем строительства стратегических железных дорог. Эти дороги составляли линию, параллельную КВЖД и тракту Хайлар — Урга,

подготавливая возможность создания фронта и отвлечения грузов от КВЖД из южных районов Северной Маньчжурии и Монголии.

“Японизация” Харбина и Северной Маньчжурии осуществлялась также путем увеличения количества японских резидентов и проникновением их во все сферы жизни. В феврале 1917 г. в Харбине под руководством подполковника Куросава Дзюн был создан орган японской военной разведки, который организационно входил в штаб Квантунской армии.

С целью сбора информации о политическом и экономическом положении внутри России и на российско-германском фронте распоряжением Генерально-го штаба Японии в 1916–1917 гг. в центральную Россию, Сибирь и на Дальний Восток было направлено 9 японских офицеров. На харбинский разведывательный орган было возложено руководство деятельностью этих разведчиков².

Используя двоевластие и неразбериху, возникшие в России после революции и с началом Гражданской войны, японское военное командование усилило разведку на Дальнем Востоке. Для ведения агентурной разведки и организации подрывной деятельности против Советской власти в декабре 1917 г. в г. Алексеевск (ныне г. Свободный) командованием Квантунской армии был направлен Исимицу Макие. Для организации разведывательной работы в начале 1918 г. во Владивосток прибыл помощник начальника 2-го отдела Генерального штаба подполковник Сакабэ Тосио, возглавивший эту деятельность³.

После оккупации Дальнего Востока в конце 1918 г. все офицеры японской разведки в России были сведены в одну структуру, которая после ряда изменений организационно вошла в штаб японского экспедиционного корпуса, продолжая непосредственно подчиняться 2-му отделу Генерального штаба.

В 1919–1922 гг. в Харбине, Владивостоке, Благовещенске, Чите, Якутске и Омске были созданы органы “специальной службы” (“токуму кикан”). Это название новая разведывательная структура получила в связи с тем, что занималась деятельностью, “выходившей за рамки компетенции военного верховного командования в области военной дипломатии и получения информации”. На русском языке органы спецслужбы получили название “миссий”⁴.

В марте 1918 г. японскую военную миссию (ЯВМ) в Харбине возглавил начальник 2-го отдела Генерального штаба, генерал-майор Накадзима Масатанэ. В июне того же года его сменил генерал-майор Муто Нобуеси, в подчинение которого были переданы миссии в Иркутске, Алексеевске, Чите, Владивостоке, Цицикаре и на ст. Маньчжурия. Так харбинская миссия приобрела статус головного и координирующего органа японской разведки на Дальнем Востоке⁵.

Наиболее интенсивную разведку японский Генеральный штаб вел через специально учрежденные в Северной Маньчжурии легальные и нелегальные военные миссии: в Мукдене, Харбине, Чаньчуне, Пограничной и Маньчжурии. В Сахалыне, Хайларе и ряде других пунктов Северной Маньчжурии находились секретные военные агенты, подчинявшиеся военной миссии в Харбине⁶.

Кроме организации и ведения военной разведки, миссии оказывали активную поддержку белому движению. Сделав ставку на атамана Семенова, Япония поддерживала его на международном уровне, предоставляя помощь поставками оружия и финансами. Уже в марте 1918 г. в штабе семеновских отрядов находилось девять офицеров японской армии, выполнявших функции советников и занимавших командные должности⁷.

В период с 1918 по 1920 гг. на Дальнем Востоке директивами японского Генштаба были образованы военные миссии во Владивостоке, Никольске, Хаба-

ровске, Благовещенске, Чите, Даурии, Верхнеудинске⁸. Миссии часто реорганизовывались в связи с изменениями военно-политической обстановки в регионе и постоянными передислокациями японских войск.

Район разведывательной деятельности военной миссии был обширен. Она отвечала за ведение разведки в Забайкалье и Сибири — вплоть до г. Новосибирска. В зоне от Новосибирска до Москвы за ведение разведывательной деятельности ответственность нес помощник военного атташе посольства Японии в Москве⁹. Японское военное командование создало на территории российского Дальнего Востока широкую агентурную сеть, осуществляло тотальное добывание информации с использованием широкого круга источников, тщательно обрабатывало открытые материалы. Численность японской агентуры составляла свыше 4 тыс. чел. Агентами японцев были японцы-коммерсанты и русские. Однако предпочтение отдавалось русским, в особенности женщинам, так как им было «легче ориентироваться в русской обстановке и проникать куда понадобится»¹⁰.

Во Владивостоке находился главный штаб агентуры, работавшей на территории Дальневосточной республики. В декабре 1920 г. японцем Небесима было открыто Русско-японское торгово-справочное бюро. Оно разослало японским фирмам Владивостока циркулярное письмо, в котором ставило их в известность об открытии при своей конторе «отдела корреспонденций». «Бюро» являлось штабом японского шпионажа¹¹. Все мелкие японские фирмы и конторы играли роль небольших разведцентров, более крупные являлись координирующими их работу органами. Японцы раскинули по городу сеть конспиративных квартир.

В тот период во Владивостоке находилось около 600 японских резидентов, объединенных в ассоциацию, деятельность которой проходила под наблюдением и руководством японского консула. В консульстве действовало две разведгруппы: одна осуществляла общее наблюдение, а другая специально занималась слежкой за корейцами. Одним из официальных руководителей этой деятельности являлся Когами Токео, чиновник министерства внутренних дел¹².

На тихоокеанском побережье Дальнего Востока активно действовала японская военно-морская разведка. До апреля 1922 г. вся координация действий этой разведсети осуществлялась с крейсера «Ниссин», на котором разведаппаратом руководил один из его офицеров — некто Минадзума. После ухода крейсера в Японию Минадзума остался во Владивостоке, продолжая свою деятельность среди определенного круга знакомых, главным образом русских служащих Морведа и Добрфлота¹³.

В целях более глубокого изучения Красной Армии и максимального охвата разведывательной сетью Дальнего Востока японский Генеральный штаб создал на территории Северной Маньчжурии в качестве дипломатического органа (фактически единого информационно-разведывательного центра), пограничные пункты японской военной миссии на станциях КВЖД — Пограничная и Маньчжурия. Официальный штат этих миссий в то время состоял из двух офицеров, двух переводчиков и нескольких служащих¹⁴.

Перед эвакуацией из Владивостока японцы организовали там разветвленную агентурную сеть, главными задачами которой являлось ведение военной разведки, наблюдения за местными органами власти и отслеживание роста коммунистического движения на Дальнем Востоке. Во главе агентуры был поставлен майор Оно, бывший начальник сыскной части Главного жандармского управления экспедиционных войск. Ближайшим его помощником и самым деятельным из чинов агентуры во Владивостоке был офицер 9-й пехотной дивизии по фамилии

Суда, хорошо владевший русским языком. Для оперативного прикрытия он служил в фирме "Русское торговое промышленное товарищество". Его основной обязанностью была вербовка осведомителей из числа русского белого движения¹⁵. Военные миссии, их периферийные органы и часть агентурного аппарата были передислоцированы на территорию Маньчжурии.

Помимо постоянных руководителей японской разведки под видом служащих во Владивосток часто прибывали чиновники различных министерств. Для усиления разведывательной деятельности на территории Дальнего Востока по распоряжению японского правительства 21 ноября 1922 г. во Владивосток прибыл директор Департамента полиции Японии Кагая с тремя сотрудниками. В конце октября в Шанхай, а затем в Харбин выехал видный чиновник департамента внутренних дел советник Окуба — секретарь иностранного отдела МВД¹⁶. Цель его командировки заключалась в организации информационной работы в полосе отчуждения КВЖД, Сибири и Советской России, разведсети в регионе Шанхай — Пекин — Мукден — Дайрен и во всей северной Маньчжурии, а также в борьбе с проникновением в Японию большевистской пропаганды. В распоряжении Окуба, кроме штата японских, находилось около 60 корейских тайных агентов. На него была возложена задача по борьбе с японскими и корейскими коммунистами. У Окуба имелись альбомы фотографий японских и корейских коммунистов, которые находились в Москве и Петрограде при Коминтерне. В Приморье и центр России, включая Москву и Петроград, были направлены агенты, которые должны были составлять списки японских и корейских коммунистов. На связи с Окубой в Маньчжурии, Пограничной и Харбине находилось около 15 секретных агентов, в своем большинстве русские, на которых возлагалась задача по поимке прибывающих коммунистов¹⁷.

Окуба вел большую агентурную работу в полосе отчуждения КВЖД, осуществляя наблюдение за всеми коммунистическими организациями, активно собирал данные экономического характера, вопросами чисто военной разведки он интересовался мало и все данные, попадавшие к нему, направлял в японскую военную миссию Генерального штаба генералу Мицуи¹⁸.

Для организации шпионской сети на КВЖД и в Сибири в ноябре 1922 г. с группой сотрудников прибыл полковник Томинага¹⁹. Под видом коммерсанта он открыл в Харбине контору пушной торговли с намерением выехать в Забайкалье, для создания там филиала своей компании.

В связи с эвакуацией из Приморья, японцы усилили свои разведывательные органы в полосе отчуждения КВЖД. Они расширили штаты и увеличили бюджет миссий, организовывали резидентуры под видом пушнинных и других коммерческих фирм, которые, в свою очередь, открывали отделения на российском Дальнем Востоке. Японские агенты должны были проникать в различные советские учреждения на территории России и за ее пределами²⁰.

Японские агенты отправлялись в СССР главным образом под видом коммерсантов. В связи с советизацией Дальнего Востока и государственной монополизацией внешней торговли этот вид прикрытия разведывательной деятельности использовался все реже. На смену ему пришел способ проникновения агентов японских спецслужб под видом коммунистов или сочувствующих им, "желающих служить революции и партии". Эти лица приходили вообще без документов или имели партийные документы с поддельными подписями видных японских коммунистов. Так органами ОГПУ были задержаны Касивакура Теэджи и Ивато. Касивакура Теэджи (он же Окада, он же Миядзаки Такио), бывший переводчик

японского консульства в Маньчжурии, прибыл в СССР без всяких документов и визы и хотел перебраться в Маньчжурию. Чтобы доказать свое сочувствие коммунизму, Кашивакура согласился работать в СССР, и через его посредство органам ОГПУ удалось добыть 12 копий сводок, посылаемых японским консулом в Маньчжурии в Токио на имя министра иностранных дел Утида.

Ивата приехал в Читу с удостоверением, подписанным по-русски фамилией известного японского коммуниста Сакаи. Удостоверение было поддельным²¹.

После окончания интервенции начался новый этап в истории военных миссий. До февраля 1922 г. японское правительство смотрело на Россию как на слабую, истощенную войной, потому и не опасную для Японии страну. Но уже в 1922 г. стало ясно, что большевистские идеи, исходящие из революционной России, все сильнее оказывают влияние на настроение масс в Японии, а также на находящиеся на территории Дальнего Востока экспедиционные войска. Это обстоятельство заставило японцев изменить свой взгляд на Россию. В их глазах она стала противником, с которым приходилось считаться.

Функция разведки, состоявшая в подготовке военных действий японской армии, отошла на второй план. На смену ей пришла политическая функция. Активная пропагандистская деятельность СССР заставила японские правящие круги принять меры по ее нейтрализации в Северной Маньчжурии, Китае, Корее и Японии.

Японские правящие круги пришли к выводу о необходимости организации максимально широкой политической разведки. Для реализации этой задачи были выделены достаточные финансовые средства. На секретном совещании в Токио в МИД Японии для организации разведки назначили чиновника по особым поручениям Исибара. Получив полномочия и средства, он выехал из Токио во Владивосток, где организовал разведку и систематизировал поступление материалов. Затем, передав дальнейшее ведение своих дел помощнику Кондо, Исибара переехал в Харбин²².

В Харбине он за небольшой промежуток времени организовал разведывательную работу. Поступающие из всех источников материалы Исибара систематизировал и передавал управляющему японским торговым музеем в Харбине. Однако вскоре министерство начало разочаровываться в деятельности Исибара. Добытые им материалы не представляли реальной ценности. Обсудив сложившееся положение, в МИД было решено отозвать Исибара, возложив разведфункции на Мацуру. Последний до середины августа 1923 г. сумел существенно реорганизовать работу резидентуры в Харбине²³.

После ликвидации коммерческих фирм, под прикрытием которых действовали японские резидентуры, на советском Дальнем Востоке в полосе отчуждения КВЖД стали организовываться новые фирмы, представшие собой специальные разведцентры²⁴. Для расширения разведывательного аппарата широко использовались изучившие русский или китайский языки унтер-офицеры экспедиционных войск.

Поскольку деятельность японской военной миссии на российском Дальнем Востоке была признана "полезной", в конце 1925 г. харбинский центр получил значительное подкрепление. Генеральный штаб Японии дал согласие на открытие ряда представительств миссии в областях Северной Маньчжурии, соприкасающихся с советской границей. Были открыты представительства в Сансине, Пограничной, Сахаляне, Хайдаре, Цицикаре.

Японское военное командование поставило своей главной целью организовать связь с руководством частей Красной Армии, дислоцированных в районе со-

ветско-китайской границы, а также завербовать агентов среди железнодорожников, хорошо осведомленных о расположении войск в погранполосе²⁵.

Харбинская военная миссия сохранила свой статус головного разведывательного органа и координационного центра разведывательно-подрывной работы против СССР. Главнейшими целями ее деятельности являлись:

- выполнение роли буфера против проникновения коммунистического влияния в Японию и Корею;
- ведение экономических изысканий и разведки в полосе отчуждения;
- организация и ведение военной разведки в Приморье;
- исполнение заданий Генерального штаба, включая сбор сведений о Красной Армии, а также вербовку агентов и отправку их в Советскую Россию;
- снабжение и формирование белопартизанских отрядов.

Для выполнения контрразведывательных задач миссии был придан чиновник департамента внутренних дел в ранге советника министерства. Он располагал штатом сотрудников, которые вели работу, как в полосе отчуждения, так и на Дальнем Востоке и в Сибири.

Главой японской жандармерии в Харбине был назначен полковник Томинага, находившийся в непосредственном подчинении Главного управления Генерального штаба. Он долгое время проживал в России под видом коммерсанта²⁶. В его подчинении имелось два жандармских отделения²⁷.

Фактически за всю работу Харбинской военной миссии отвечал полковник Генерального штаба Хато, владевший английским и французским языками.

Миссия постоянно получала задание от Генерального штаба, исходя из политической обстановки в регионе. В мае 1924 г., например, требовалось собрать следующие сведения:

- состояние Якутской области, ее внутреннее устройство, а также находящиеся там военные части;
- пограничные войска ГПУ, внутренние, железнодорожные войска ГПУ (состав, снаряжение, продовольствие, обмундирование, боеспособность);
- снабжение войск ГПУ;
- состояние войск ЧОН (частей особого назначения) и нахождение таковых на Дальнем Востоке, структура милицейско-территориальных частей, интендантств в Сибири и Дальнем Востоке, укомплектованность тяжелой артиллерией и авиацией. Особое внимание обращалось на маршруты снабжения войск²⁸.

Миссия вела активную разведывательную работу на КВЖД, в том числе путем внедрения своей агентуры и вербовки агентов из числа служащих и рабочих дороги. Она являлась органом Генерального штаба и своей работой закладывала фундамент для проведения в дальнейшем Японией ее агрессивной политики. Деятельность миссии носила двойственный характер. С одной стороны, это был разведцентр, использовавший в этих целях как японцев, так и русских белогвардейцев Семеновского полка. С миссией также была тесно связана группа генерала Косьмина.

Вторая сторона работы миссии сводилась к подготовке всякого рода беспорядков в Приморье и Северной Маньчжурии. Японский Генеральный штаб не оставлял мысли в той или иной форме обозначать свое присутствие на этих территориях. С этой целью применялся испытанный способ создания беспорядков, для чего Япония входила в соглашение с некоторыми политическими группами, субсидировала их для организации выступления, снабжала оружием и в нужный момент выводила на политическую арену, чтобы впоследствии от них отступиться.

Харбинская миссия участвовала в организации партизанских выступлений на территориях советского Дальнего Востока для дестабилизации обстановки в регионе. Для проведения эпизодических партизанских мероприятий связь с белыми отрядами поддерживалась через белоэмигрантские организации на территории Маньчжурии с помощью полковника Богуславского, который жил то в Харбине, то в Пограничной²⁹. Для проведения масштабных боевых действий японцы держали в резерве атамана Семенова с его агентурой, Гензанскую группу, фашиствующие объединения и группу офицеров генерала Косьмина. С этой же целью миссия поддерживала тесную связь с центральными монархическими кругами в Японии и Европе и нередко получала корреспонденцию из главного монархического штаба в Париже.

Легальным местонахождением представителей миссии были посольство Японии в Чаньчуне, консульства в Харбине, Маньчжурии, Чанчуне, Мукдене, Тяньцзине и на территории Дальнего Востока³⁰.

С обострением обстановки в Северной Маньчжурии между Китаем и СССР вокруг КВЖД японский Генеральный штаб внес изменения в структуру военных миссий в целях более глубокого изучения и освещения ситуации.

Начальником Харбинской военной миссии в 1928 г. являлся полковник Андо Риндзо. Его заместителем — майор Канно, секретарем — Сузуки, который фактически вел работу всей миссии по разведке, собирал информацию о советских войсках на границах Маньчжурии, их дислокации, вооружении, снабжении, а также о настроениях в военной среде. Начальником контрразведывательного отдела был Фуруяма. В военной миссии имелось два отдела: военный и министерства внутренних дел. Начальником разведывательного отделения министерства внутренних дел являлся Якуда Конмаро. Основными разведчиками в Харбинской военной миссии были Адзумо Комаро, Момои (он же Момонои), Симоно, Хираса³¹.

В 1928 г. в Харбинской миссии состояло на службе 10–15 местных русских, некоторые из которых служили на КВЖД³². Военный отдел занимался военно-политической разведкой, а отдел министерства внутренних дел — только политической, однако оба они выполняли задачу “борьбы с большевизмом”³³.

Агентура миссии занималась также разведдеятельностью в военной сфере Китая, поддерживая связь со штабом Чжан Цзолина³⁴. Так, начальник топографической группы японского Генерального штаба полковник Ичигара, использовав крупные финансовые средства, завербовал офицера Бинцзянского военного округа полковника Ю, родственника известного китайского генерала Ма. В лице Ю миссия приобрела очень ценного агента³⁵.

Значительная агентурная сеть сообщала японцам обо всем происходящем на границах. Большинство ее участников являлись японскими подданными. Они доставляли в миссию различную военную литературу на русском языке. Миссия готовила также офицеров, командируемых в СССР для ведения разведки. Разведывательная информация в военную миссию в Харбине поступала из ее отделений на ст. Маньчжурия, в Хайларе (направление ведения разведки — Забайкалье), в Сахалине (Благовещенск и севернее), ст. Пограничная (Владивосток, Приморье), Хунчунь (Северная Корея)³⁶.

Важнейшими органами политической разведки и контрразведки Японии в Северной Маньчжурии были “Контора РЭНа” и японское Генеральное консульство в Харбине — единственный в Северной Маньчжурии аппарат Иностранного отдела Охранного департамента министерства внутренних дел. Задачей его являлось изучение русской политической и социальной жизни, идеологии, деятельности коммуни-

стической партии и методов ее заграничной работы, сбор сведений о русских, проживающих в Маньчжурии и проезжающих через нее в Китай и Японию. При выдаче виз русским всегда запрашивалась справка конторы РЭНа в Харбине. Так, по ее заключению был запрещен въезд в Японию представителям Русского общества культурных связей с заграницей, направлявшимся туда в конце 1925 г.³⁷

Контора поддерживала связь с Пекинским и Шанхайским отделениями Иностранного отдела Охранного департамента, производила сбор и обработку советской литературы и прессы, в особенности газет, издававшихся на Дальнем Востоке. Особое наблюдение контора осуществляла за КВЖД. Слежка велась за Правлением КВЖД, советским консульством и союзом железнодорожников.

Японское Генеральное консульство занималось одновременно и военной и политической разведкой, которой уделялось большое внимание. Разведслужба возглавлялась секретарем консульства Сугихара и находилась в ведении вице-консула. Сведения доставляли агенты, извлекались они и из открытых печатных изданий. Консульство широко пользовалось услугами белогвардейцев³⁸.

Приграничная полоса Маньчжурии и российский Дальний Восток являлись сферой интереса экономического бюро ЮМЖД. Главной задачей этого учреждения был сбор сведений об СССР экономического и политического характера. Имелась своя сеть осведомителей, которую было довольно трудно расшифровать. Все полученные сведения передавались в Мукден военной миссии, которая отвечала за всю политику, проводимую в Северной Маньчжурии. Ее начальником был генерал-майор Хата³⁹.

Наряду с японской военной миссией разведывательную работу вел аппарат корейского генерал-губернаторства. Его задачами были выявление и преследование революционных организаций, способов и методов их агитации и связей с Кореей и Маньчжурией; выявление революционных печатных органов, изучение продовольственного вопроса и проработка предупредительных мер против коммунистической пропаганды⁴⁰. В 1926 г. корейское генерал-губернаторство только для организации зарубежной разведки располагало суммой в 300 тыс. иен. При этом особое внимание обращалось на Пекин, Харбин и Владивосток⁴¹. Кадровые агенты японцы пополняли из значительного корейского контингента.

В связи с обострившимся отношением СССР с Китаем по вопросу о КВЖД японцы стали прилагать значительные усилия для сбора сведений об органах управления дорогой. Их интересовало, что говорят советские представители в управлении КВЖД о дальнейших шагах и о своем положении в Китае, что намерены делать, где проходят собрания руководящих звеньев, профорганов и партийных ячеек⁴².

Расширение разведывательных задач миссии повлекло изменение ее структуры. Кроме секретного в военной миссии в Харбине были образованы следующие отделы:

- 1 отдел — общий (наблюдения за корейцами, китайцами);
- 2 отдел — наблюдения за правыми русскими организациями;
- 3 отдел — наблюдения за левыми русскими организациями⁴³.

Пребывание Красной Армии на территории Северной Маньчжурии в ходе конфликта на КВЖД дало возможность военной миссии перепроверить имевшиеся о ней сведения, обновить и расширить свои связи. После ухода Красной Армии был составлен большой и подробный доклад о боевом и моральном состоянии ее частей, участвовавших в Маньчжурской операции. Доклад был достаточно обстоятелен, изобилдовал зачастую верными данными, указывающими на то, что разведка велась интенсивно, и были приняты все меры к тому, чтобы максимально использовать

нахождение частей Красной Армии в зоне непосредственного внимания органов японской разведки. Доклад свидетельствовал о наличии в ее распоряжении широкой и достаточно осведомленной сети как среди гражданского населения (на приграничных территориях обеих сторон), так и в армейских рядах⁴⁴.

Один из представителей японского Генерального штаба дал такую оценку Красной Армии: «Россия сегодняшняя — совершенно отлична от России периода 7-8 лет после революции. Совершенство вооруженных сил России является поразительным, никто из нас не предполагал, чтобы испытывающая финансовые трудности Россия создала такую превосходную и мощную армию, какую она имеет сегодня»⁴⁵.

После конфликта на КВЖД японское военное командование обратило серьезное внимание на проблему политического воспитания в Красной Армии. Вопросы организации и техническая сторона были достаточно хорошо изучены японским Генеральным штабом. Вопрос же политической работы, которому в Красной Армии отводилось одно из главных мест был новым, требующим детального и всестороннего обследования и изучения⁴⁶.

В конце 1920-х гг. с усилением агрессивности внешней политики Японии усиливается ее деятельность и в Маньчжурии. Во всех значительных пунктах по линии КВЖД японцы усиливали разведывательную работу и расширяли сеть своей агентуры. Ее агенты стали вести точный учет всех лиц, прибывающих из СССР, собирать сведения об их политических убеждениях и составлять списки мужского населения от 18 до 50 лет. Японская разведка черпала кадры диверсантов и шпионов в основном из членов белогвардейских фашистских организаций в Китае, используя при этом китайскую полицию в качестве канала для вербовки и переброски через нее своих агентов на советскую территорию. Переброска производилась путем отправки в период конфликта на КВЖД целых групп и агентов-одиночек в составе советских граждан, высланных с китайской территории; подготовки и легальной отправки агентов, имеющих квалификацию шоферов, мотористов, машинистов, слесарей и т. п., в которых ощущался острый недостаток на Дальнем Востоке; нелегальной отправки агентов под видом перебежчиков; в составе призываемых в ряды Красной Армии советских граждан — служащих КВЖД.

Особого внимания заслуживало то обстоятельство, что ряд диверсантов и шпионов предварительно вливались на КВЖД в местные партийно-комсомольские и профсоюзные организации, после чего перебрасывались на советскую территорию одним из перечисленных способов, уже имея репутацию проявивших себя агентов.

В задачу агентов в основном входили: сбор сведений о количестве личного состава в частях, наличии вооружения, технического имущества, состоянии и количестве складов неприкосновенных запасов и их охране, добыча сведений о политико-моральном состоянии частей, проникновение в органы ОГПУ, сбор политических и экономических сведений о состоянии края, создание антисоветского актива и контрреволюционных группировок в частях Красной Армии, через которые распространялась антисоветская агитация, с привлечением для этой цели красноармейцев-выходцев из кулацкой среды.

Для осложнения взаимоотношений между красноармейцами и начальствующим составом ставилась задача всяческого подрыва авторитета последнего⁴⁷.

Особенно активизировалась деятельность японских разведслужб на ст. Маньчжурия. Оживилась также работа японской разведки в районе Барги и западной линии КВЖД: собирались данные о грунтовых водах Трехречья, мостах и переправах через реки, о наличии питьевой воды и числа колодцев в населенных пунктах, наличии фуража и местных ресурсах. Происходила интенсивная скупка лошадей в Барге.

Японские резиденты производили опросы русских беженцев-кулаков из Забайкалья, выясняя настроение населения на советской территории⁴⁸.

Были проанализированы: ход хлебозаготовок, состояние железнодорожного транспорта, добычи каменного угля в Сибири, партийная работа и организация партийного аппарата. Велось постоянное наблюдение за дислокацией частей Красной Армии, ее моральным состоянием, дисциплиной, политической работой, проявлением в армейских рядах правого оппортунизма и контрреволюционных настроений⁴⁹.

Большое внимание уделялось выявлению настроений русской белоэмиграции. Предпринимались попытки установления отношений с авторитетной эмигрантской организацией, предположительно имеющей солидные связи на территории СССР, для использования в интересах японских разведорганов⁵⁰.

В это же время японская военная разведка проводила и политические мероприятия: организовала и осуществила покушения на маршала Чжан Сюэяна (неудачно), организовала заговоры в целях поднять восстание в Харбине и Мукдене, которые были раскрыты; спровоцировала восстание хунхузов вдоль линии КВЖД. Организацией восстаний и заговоров Япония предполагала создать беспорядки в Маньчжурии, чтобы затем ввести войска якобы для защиты своих резидентов и имущества, упрочить положение в Маньчжурии⁵¹ и подготовить плацдарм для агрессии против советского Дальнего Востока и Забайкалья. С момента захвата Маньчжурии начинается усиленное и планомерное развертывание работы японских разведывательных органов против СССР.

Таким образом, в 20-е годы XX в. разведывательную работу против Советского Союза вели японский Генеральный штаб, главный морской штаб, министерство иностранных дел, жандармские и полицейские органы, а также различные коммерческие структуры. На японскую разведку работали также разведывательные и полицейские органы корейского генерал-губернаторства. В центры японской разведки на Дальнем Востоке и в Сибири были превращены аппараты японских консульств во Владивостоке, Хабаровске и Новосибирске, представительства торговых, промышленных фирм и пароходных компаний.

-
1. См. архив УФСБ по Омской области, ф. 65, д. 173, л. 30.
 2. Полутов А.В. Работа японских военных миссий против России и СССР на Дальнем Востоке в 1916-45 гг. : по материалам японских источников // Материалы научно-теоретической конференции, Владивосток, 3-4 февр. 2003, Владивосток, 2003. С. 54.
 3. Там же. С. 55.
 4. Справка о деятельности японской военной миссии в Маньчжурии 1945–1946 гг. Ворошилов-Уссурийский, 1947. С. 2.
 5. Полутов А.В. Указ. соч. С. 55.
 6. Архив УФСБ по Омской области, ф. 65, д. 454, л. 196.
 7. Полутов А.В. Указ. соч. С. 56.
 8. Там же. С. 57.
 9. Архив УФСБ по Омской области, ф. 65, д. 454, л. 206.
 10. Там же, д. 14, л. 40.
 11. Там же, д. 16, л. 36.
 12. Там же, л. 156.
 13. Там же, д. 14, л. 767.
 14. Справка о деятельности японской военной миссии в Маньчжурии, 1945–1946 гг. Ворошилов-Уссурийский, 1947. С. 3.
 15. Архив УФСБ по Омской области, ф. 65, д. 14 а, л. 4.

116. Там же, д. 14, л. 767
117. Там же, д. 104, л. 34.
118. Там же, д. 27, л. 5-6.
119. Там же, д. 14, л. 681.
120. Там же, д. 14, л. 680.
121. Там же, д. 14, л. 681
122. Там же, д. 104, л. 1.
123. Там же.
124. Там же, д. 14, л. 63.
125. Там же, д. 99, л. 72.
126. Там же, д. 14, л. 33.
127. Там же, д. 14, л. 40.
128. Там же, д. 104, л. 33.
129. Там же, д. 2299, л. 34-35.
130. Там же.
131. Там же, л. 35.
132. Там же, д. 34, л. 190.
133. Там же, л. 191.
134. Там же, д. 34, л. 190.
135. Там же, д. 165, л. 28.
136. Там же, д. 99, л. 174-175.
137. Там же, л. 81.
138. Там же, д. 165, л. 148.
139. Там же, д. 99, л. 168-169.
140. Там же, д. 165, л. 47.
141. Там же, л. 54.
142. Там же, д. 347, л. 17.
143. Там же, д. 108, л. 185.
144. Там же, д. 99, л. 285.
145. Там же, л. 311.
146. Там же, д. 249, л. 12.
147. Там же, д. 454, л. 18.
148. См.: Российский Государственный военный архив, ф. 33879, оп. 1, д. 9, л. 32 а.
149. Архив УФСБ по Омской области, ф. 65, д.249, л. 10.
150. Советская контрразведка: Сб. документов. Вып. 2. (1922-1941 гг.) М., 1981. С. 261-262.
151. Архив УФСБ по Омской области, ф. 65, д. 454, л. 157.
152. Там же, д. 14, с.113-114.
153. Там же, с. 207.
154. Там же, д. 387, л. 485.

Освещение российской истории в современном Китае (на материалах учебников истории для средней школы и популярной литературы о России)

© 2010

Н. Тен

На материале современных китайских учебников истории для средней школы и руссиеведческой литературы для широкого круга читателей, изданной в Китае в период с 1997 по 2008 гг., исследуется характер освещения российско-китайского взаимодействия, в том числе территориального размежевания, и оценка ключевых этапов истории нашей страны. Выделяя особенности понимания российской истории в Китае, автор рассматривает их как важнейший фактор, влияющий на образ России в современной КНР.

Ключевые слова: образ России, российско-китайские отношения, китайские школьные учебники истории, современные руссиеведческие публикации для широкого круга китайских читателей.

Как известно, исторический фактор играет немаловажную роль в формировании образа России в Китае. Это относится, прежде всего, к истории двустороннего территориального размежевания и особенностям взаимодействия наших стран в разные исторические периоды¹. Кроме того, в Китае сложилась традиция почтительного и одновременно прагматического отношения к истории, поэтому и в общем образе нашей страны удельный вес представлений, связанных с историей, довольно велик.

Еще в 1960-е гг. различное отношение в КНР к "царской России" и "Советской России" было зафиксировано американским исследователем Т.А. Ся. Эти две концепции китайского восприятия России автор справедливо связывал со сложными двусторонними отношениями. Советская Россия, пишет Т.А. Ся, была "для отсталого Китая образцом и знаком того, что счастливое будущее разделят и "китайские братья"; образ "царской России" был связан "с памятью о постыдном прошлом России, о ее кровавых грехах"².

Этот подход в общих чертах сохраняется и в наши дни. "Царская Россия" по-прежнему воспринимается многими авторами как агрессор. Положительное восприятие нашей страны формируется при изложении истории Советской России/СССР. Как в школьных учебниках, так и в популярной руссиеведческой литературе Россия после 1917 г. предстает носителем пере-

довых идей и образцом в деле строительства социализма. Китайские авторы подчеркивают важную роль В.И. Ленина и значение Октябрьской революции для развития мира в XX в. Исследователи из Академии современных международных отношений (КАСМО) Цзи Чжие и Фэн Юйцзюнь высоко оценивают помощь Советского Союза КНР, однако считают, что советские руководители выдвигали при этом завышенные требования к Китаю: “Сталин хотел, чтобы Советскому Союзу Китай отдал часть территории для производства каучука; Хрущев требовал создания совместного с Китаем военно-морского флота и длинноволновой станции слежения за атомными подлодками в Китае”³. История СССР со второй половины 1950-х — начала 1960-х гг. снова оказывается представленной в негативном свете. Образ же современной России в историческом контексте еще не сформирован полностью, поэтому, хотя в китайской популярной литературе и называют Российскую Федерацию “наследницей Советского Союза”, образ “новой” России имеет свои особенности.

При освещении российской истории китайские авторы значительное, а порой даже чрезмерное внимание уделяют иностранному влиянию в истории России. Так, происхождение слова “русь” они связывают исключительно с покорением восточных славян варягами: “Русью изначально назывались германские племена Скандинавского полуострова — норманны. Восточные славяне называли их варягами, то есть купцами, торговцами. Финны же звали их русью. В IX в. варяги покорили восточных славян и название “русь” перешло на всех восточных славян”⁴. При этом китайские авторы не указывают, что существуют и другие версии происхождения слова “русь”, ни одна из которых, включая приводимую ими, не является на данный момент общепринятой. История создания древнерусского государства излагается ими в соответствии с умеренно-норманнской теорией, признающей важную роль варягов в становлении русской государственности и последующую ассимиляцию малочисленных норманнов в Древней Руси.

Научный сотрудник института России, Восточной Европы и Средней Азии АОН КНР Пань Дэли, главный редактор справочника “Легочжи: Эло-сы” (“Страны мира: Россия”), отмечает, что с 882 г. по 1242 г. Россия подверглась сильнейшему иностранному влиянию: пришедшие с севера варяги сначала превратили ее в единое политическое целое; затем Россия приняла с юга, из Византии, христианство; впоследствии была покорена монголо-татарами⁵. Несмотря на то, что эти события действительно имели место в истории, в данном случае можно говорить о явном преувеличении роли внешних факторов в становлении России.

Цзи Чжие и Фэн Юйцзюнь выделяют пять “волн иностранного влияния” на историческое развитие России. Первая волна связана с восприятием из Византии православия. Монголо-татарское иго как “натиск восточной культуры” составляет вторую волну. Авторы отмечают, что выделение монголо-татарами владимирского великого князя среди всех других князей создало предпосылки для централизации власти и собирания земель вокруг Москвы. Важнейшую роль в этом они отводят выходцу из киданьского императорского рода, известному сановнику Елюй Чуцаю, который получил классическое китайское образование и был советником Чингисхана. Именно он, как полагают авторы книги, познакомил монголо-татар с китайским искусством управления государством. Цзи Чжие и

Фэн Юйцзюнь ссылаются на труд М.Н. Покровского (вероятно, имея в виду “Историю России в самом сжатом очерке”. — *Н.Т.*), одобренный, по утверждению авторов, самим Лениным, и подчеркивают мысль о том, что “объединение Руси вокруг Москвы по меньшей мере наполовину — заслуга татар”⁶. Таким образом, авторы обосновывают идею влияния китайской политической системы на формирование русского государства.

“Третья волна внешнего влияния”, которую выделяют эти исследователи, — “западно-европейский гуманизм (1540–1880-е гг.)”. Они особо подчеркивают, что именно с 40-х гг. XVII в. начинается конфликт между европейским протестантизмом, провозглашавшим важное значение экономики, науки, гуманизма, и русскими традиционными ценностями⁷. Далее Цзи Чжие и Фэн Юйцзюнь приводят отрывок из произведения мыслителя XVII в. Юрия Крижанича (здесь, по-видимому, имеется в виду “Политика”⁸ 1663 г. — *Н.Т.*) о влиянии немцев и греков на Россию: немцы “проповедуют новый порядок” и призывают Россию отречься от традиционных православных ценностей, в то время как греки “выступают против всего нового и загоняют Россию на узкий путь развития”⁹. По мнению Цзи Чжие и Фэн Юйцзюня, это отражает сомнения русских правителей, выбиравших между православием и протестантизмом.

В XVIII в. влияние Запада отразилось, главным образом, в реформах Петра I. Переписка Екатерины II с Вольтером, Дидро, Монтескье послужила распространению идей Просвещения в России, “хотя Екатерина II имела мало общего с этими французскими просветителями”¹⁰. Возможно, под этим авторы подразумевают приверженность Екатерины II самодержавию и крепостному праву. В это же время появляются мыслители, пропагандирующие новые западные идеи: Ф. Прокопович, И. Посошков, М. Ломоносов, А. Радищев и другие. В XIX в. развитие этих идей привело к восстанию декабристов, которое свидетельствовало о процессе “притирки западных идей и русской действительности”. Единственным, по мнению Цзи Чжие и Фэн Юйцзюня, результатом этой “притирки” явилась отмена крепостного права в 1861 г. Однако после поражения революционно-демократического движения 1860-х и народничества 1870-х гг. стало ясно, что другие точки соприкосновения западноевропейских идей и русской действительности не были найдены¹¹.

В этих условиях начинается четвертая волна иностранного влияния — знакомство с марксизмом. Авторы книги отмечают, что и в этом случае “был пройден трудный путь соединения западно-европейского марксизма с российскими реалиями”. Так, первый русский марксист Г.В. Плеханов “не смог найти точки соприкосновения марксизма и русской действительности”, “оказался в плену догматизма”. В.И. Ленин отказался от “традиционного слепого копирования” и начал разрабатывать собственную теорию. Важной его заслугой Цзи Чжие и Фэн Юйцзюнь называют отказ от военного коммунизма и выдвижение идеи НЭПа, которая была после его смерти отвергнута И.В. Сталиным. Последний, несмотря на ряд “важных достижений в части теории”, допустил ряд ошибок, например, ввел казарменные порядки при управлении страной, сделал упор на развитии тяжелой промышленности в ущерб сельскому хозяйству. В дальнейшем, при Н.С. Хрущеве и Л.И. Брежневеве эти ошибки привели к застою в экономике и другим негативным последствиям¹².

С приходом М.С. Горбачева Россия снова подвергается массивному влиянию западных идей. Результатом этого (“попытка оперирования советской социалистической системы с помощью скальпеля западной демократии”¹³) становится распад СССР. Последствия ельцинской политики свидетельствуют о том, что “слепое поклонение Западу” привело к краху экономики¹⁴.

В заключение, авторы книги выражают большое сомнение в том, что “в условиях заимствования всего иностранного Россия сможет найти собственный путь развития”. Для подтверждения своих выводов они дают несколько зарисовок из современной российской действительности: талантливый студент МГУ Александр, чтобы уйти от окружающей действительности, поступает в Сергиев-Посадский богословский институт; красавица Татьяна через брачное агентство выходит замуж за некрасивого американца, который к тому же старше ее в два раза; молодой исследователь Сергей в своей кандидатской диссертации хочет, согласно многолетней традиции, озаглавить первую часть использованной литературы “произведения классиков марксизма-ленинизма” и т.д.¹⁵

Таким образом, концепция истории России, создаваемая Цзи Чжие и Фэн Юйцзюнем, оказывается поделена на периоды влияния той или иной иноземной культуры. При этом результат каждой новой волны заимствования оказывается негативным. Россия в попытках слепо заимствовать лучшее у других культур не преуспела и не смогла найти собственный путь развития.

Чжан Бин, автор достаточно одиозной книги “Пронизывая взглядом Россию”, внешним силам приписывает решающую роль в истории нашей страны: во все времена “достижения России были связаны с иностранцами. Как только русские сами брались за дело, так все быстро разваливалось”¹⁶.

Кроме стереотипов о российской истории как о череде волн заимствования достижений других культур, можно говорить о существовании в Китае концепции истории России как истории непрекращающихся войн, “истории огня и меча”¹⁷. Бывший сотрудник посольства КНР в РФ Лэ Юйчэн в своей книге “Бокэ Элосы” (“Блоги о России”) пишет о том, что “войны неотступно, словно тень, сопровождали русский народ”¹⁸. Зарождение и становление Русского государства, согласно этому автору, происходило в непрекращающейся череде военных действий. Победы принесли стране славу, но с другой стороны, поражения становились предвестниками переломных событий в судьбах страны: Крымская война стала поворотным моментом, приведшим в итоге к упадку Российской империи, русско-японская война спровоцировала первую русскую революцию, Первая мировая — Февральскую и Октябрьскую, а война в Афганистане стала одной из причин распада СССР¹⁹.

Цзи Чжие и Фэн Юйцзюнь также пишут о роли войн в российской истории: “В прошлом русские жили на обширной равнине, где не было природных границ, служивших естественной защитой, поэтому шведы, ливонцы, поляки, татары одни за другими покоряли их и правили страной... Но после формирования единой централизованной царской России... русские превратились из покоряемой нации в расширяющуюся, начали “искать” естественные границы...”. Далее авторы перечисляют военные кампании Петра Великого и Екатерины Великой “в эпоху, когда не покорить другого значило быть завоеванным”²⁰.

Можно сказать, что период, связанный с территориальным расширением России, занимает особое место в освещении в Китае истории российско-китай-

ских отношений. К наиболее острым вопросам, по которым в России и Китае существуют различные, порой противоположные точки зрения, относятся освоение Сибири, присоединение Приамурья, Приморья и Забайкалья ("агрессия царской России в Китае"), события июля 1900 г. на Амуре и участие России в "интервенции 8 западных держав".

Так, Пань Дэли считает, что в XVII в. Россия якобы перешла от оборонительной внешней политики к "завоевательной". В Сибирь постоянно посылали русские отряды, которые в 1639 г. дошли до берегов Охотского моря и начали вторгаться в китайские территории в бассейне р. Хэйлуцзян (Амур. — Н.Т.)²¹. Автором подробно описываются события второй половины XVII в. "В 1643 году якутский воевода Петр Головин направил отряд из 132 человек во главе с Василием Поярковым. Отряд перешел через Становой хребет и вторгся на территорию Китая. Получив отпор со стороны дауров, был вынужден отступить"²². Здесь допущена неточность: на самом деле, столкновение с даурами имело место, однако после него русские продолжили свой поход, дошли по Амuru до моря, а затем по р. Улье отправились назад в Якутск²³.

"В 1650 г. Ерофей Хабаров совершил вооруженное вторжение в районе р. Хэйлуцзян. В 1651 г. он разбил дауров, занял город Якус, который переименовал в Албазин"²⁴. Здесь необходимо уточнить, что, по мнению российских ученых, "немногочисленное население Забайкалья и Приамурья до прихода русских собственных городов не имело. Даурские городки на Верхнем Амуре и на р. Зее были обязаны своим происхождением войне с даурским племенем солонов князя Балдачи, которому, с целью подчинения всех дауров, оказали поддержку маньчжуры. Все они были не чем иным, как убежищами для местного населения на случай опасности"²⁵. В 1654 г., сообщает китайский источник, Хабарова сменил Онуфрий Степанов. Авторы, однако, не пишут о том, что Хабаров за свои бесчинства был арестован, после чего на его место и был назначен новый "приказной человек на Амуре". "В 1658 г. эти захватчики были уничтожены цинской армией. Впоследствии, используя в качестве базы Енисейск, агрессоры постоянно пытались продвинуться от Байкала на восток до поселений китайских монголов у р. Шилки. Здесь русские заняли Нибучу (Нерчинск. — Н.Т.) и возвели крепость, которая была разгромлена тунгусами и вновь восстановлена русской армией. В 1664 г. Нерчинск был взят в окружение халха, в 1665 г. отряд Черниговского вновь отстроил Албазин на месте китайской Якусы. Во время правления Петра I цинская армия в 1685 и 1686 гг. предпринимала контратаки в целях самозащиты и практически уничтожила российскую захватническую армию. В 1689 г. был подписан Нерчинский договор, по которому район р. Хэйлуцзян и Уссури к югу от Станового хребта был закреплен за Китаем"²⁶. Автор всячески подчеркивает как сопротивление халха русским отрядам, так и их китайское подданство. Но он опускает факты, противоречащие штампу о "русской агрессии". Например, то, что часть местных инородцев перешли в русское подданство, и то, что подписание Нерчинского договора происходило в условиях значительного перевеса в военной силе с китайской стороны.

Этот подход используют также авторы рассматриваемых нами учебников истории Китая для средней школы, причем действия России они описывают в исключительно негативном ключе. Так, в параграфе под названием "Война за Якусу" сообщается, что царская Россия с середины XVII в. начала вторгаться на ки-

тайскую территорию в районе р. Хэйлунцзян, в Яксе и Нибучу (Албазин и Нерчинск. — *Н.Т.*) русскими были сооружены крепости, которые служили опорными пунктами для расширения агрессии. На китайской территории [русские] убивали, жгли, грабили и даже, как дикие звери, ели человечину. Им героически противостояли цинские войска и представители разных народов²⁷.

Отметим, что сведения о каннибализме русских в китайской историографии закрепились давно и, по-видимому, переходили из одного исследования в другое. В действительности, во время экспедиции, начавшейся в 1643 г., из-за бездарности Пояркова как руководителя отряда во время зимовки часть служилых людей осталась без запасов еды и была обречена на голод. В этих условиях были съедены 10 мертвых служилых людей и около 40 инородцев. Однако это не спасло отряд, погибло от 80 до 100 чел. Когда с наступлением весны отряд двинулся вниз по р. Зее, местное население их “к берегу не припускали, а называли погаными людоедами”²⁸. Вероятно, именно эти события послужили основой для распространения сведений о людоедстве среди русских.

Далее в учебнике по истории Китая для седьмого класса сообщается, что “царская Россия изначально была европейским государством и с Китаем не граничила, но с конца XVI в. начала продвижение на восток, когда и пришла в соприкосновение с Китаем”²⁹. В рассмотренной главе описывается взятие Яксы: русские стали требовать от дауров ясак — выплаты дани пушниной. Те ответили, что платят дань китайскому императору Шуньчжи. Вооруженные луками, дауры пытались защитить Яксу, но русские с помощью пушек ворвались в крепость, “омыли кровью весь город”, оставив в живых лишь 15 человек³⁰. В 1689 г. после проведения “равноправных переговоров” был подписан Нерчинский договор³¹, который закрепил земли в районе рек Амура и Уссури, включая остров Куедао (Сахалин. — *Н.Т.*) за Китаем³². На приведенной в учебнике карте отмечены города, которые в настоящее время находятся на территории России, однако по Нерчинскому договору были китайскими.

Обращают на себя внимание и задания для самостоятельной работы школьников в параграфе “Война за Яксу”. Первое предполагает обсуждение пройденного материала по картине современного китайского художника, на которой изображено военное столкновение русских с цинскими войсками. Другое сформулировано следующим образом: “В 1684 г. правительство царской России направило в Яксу (Албазин. — *Н.Т.*) нового предводителя по фамилии Толбузин. Ему царь выдал герб города в форме щита, на котором был изображен орел, в одной лапе которого был зажат лук, а в другой — стрела”³³. Согласно заданию, ученики должны обсудить, что обозначал этот герб: что Якса уже принадлежит царской России или станет отправной точкой для дальнейшей экспансии³⁴. Здесь следует отметить, что речь должна идти не о гербе города, а о печати; причем существует целый ряд печатей других острогов со схожими эмблемами, разработанными еще в первой половине XVII в.³⁵

В учебнике для восьмого класса российско-китайские отношения рассматриваются в параграфе, посвященном событиям второй опиумной войны. Под заголовком “Захват Россией значительной части территории нашей страны” помещены таблица “Территории северного Китая, захваченные Россией путем заключения неравноправных договоров” и карта “Захват Россией территорий северного Китая”³⁶.

В тексте сообщается, что в период второй опиумной войны «Россия, воспользовавшись ситуацией, принудила Китай подписать ряд неравноправных договоров (Айгуньский договор 1958 г., Пекинский договор 1860 г., пять протоколов о границе 1880-х гг.) и захватила территории Северо-восточного и Северо-западного Китая площадью более 1500 тыс. кв. км»³⁷. На карте показаны территории, отошедшие к России по результатам договоров, и линия российско-китайской границы на 2006 г.

Следует также отметить, что параграф «Захват Россией значительной части территории нашей страны» сопровождается заданием, при выполнении которого необходимо с опорой на карту постараться как можно более подробно и точно описать процесс захвата китайских территорий Россией³⁸.

Более детально рассматриваются российско-китайские отношения во второй половине XIX в. в связи с событиями в Восточном Туркестане. В параграфе под названием «Возвращение Синьцзяна» сообщается, что Англия и Россия стремились поддержать Якуб-бека (правителя самопровозглашенного на территории Синьцзяна государства Джетьышаар, боровшегося за независимость от цинского Китая. — *Н.Т.*), чтобы установить контроль над Синьцзяном. Не принимая во внимание суверенитет Китая, они признали власть Якуб-бека, подписали с ним торговые соглашения и поставляли ему оружие. И для Англии, и для России, стремившихся к разделу части китайской территории — Синьцзяна, Якуб-бек был марионеткой. А в 1871 г. Россия напрямую ввела войска и оккупировала Илийский край³⁹. После подавления восстаний народов северо-западных областей Китая цинское правительство направило в Россию посла и одновременно приготовилось к военным действиям в Илийском крае. Как пишут авторы учебника, «Россия всеми способами пыталась оказать давление на посла, не признавала никаких доводов. Но [посол] Цзэн Цзицзэ твердо отстаивал свою справедливую позицию». В это же время Цзо Цзунтан «приказал своим бойцам идти вперед, неся гроб, чтобы показать тем самым свою решимость в возвращении Или. Этими действиями он оказал поддержку дипломатической борьбе Цзэн Цзицзэ, и Россия вынуждена была вернуть Илийский край»⁴⁰. Однако часть территории в этом регионе осталась у Российской империи, которой китайское правительство должно было выплатить большую контрибуцию⁴¹.

В этом случае китайские историки снова опускают те события, которые не свидетельствуют в пользу их точки зрения. Современные отечественные исследования доказывают, что в указанный период Пекин был ослаблен внутривнутриполитическим кризисом, связанным с последствиями подавления Тайпинского восстания (1850–1864). По этой причине цинские власти были не в состоянии сдерживать волнения в Синьцзяне. Русское правительство поначалу проводило политику невмешательства в отношении китайской проблемы в Синьцзяне. Однако, когда действия Якуб-бека при поддержке Англии начали наносить ущерб интересам России, было принято решение о вводе войск. При этом занятие Илийского края царское правительство с самого начала рассматривало как временную меру, «поскольку сохранение целостности Китая считало для себя более выгодным, чем его распад»⁴². На переговорах 1879 г. Россия должна была следовать выработанной стратегической линии возвращения Илийского края, но, как пишет А.Д. Воскресенский, «под воздействием военных экспертов и представителей местных властей была выбрана неверная тактика ведения переговоров». В итоге Ки-

тай отказался от ратификации подписанного Ливадийского договора. Вместо подписавшего Ливадийский договор Чун Хоу цинская сторона выдвинула более удачную кандидатуру для ведения переговоров — Цзэн Цзицзэ, воспользовалась консультациями британской дипломатии и сформировала жесткую позицию⁴³. В результате по Петербургскому договору 1881 г. Россия возвращала Китаю территорию Илийского края, за исключением его небольшой западной части, предназначенной для поселения жителей, пожелавших, в соответствии с положениями договора, покинуть территорию края; русская сторона получала компенсацию на покрытие военных издержек и удовлетворение исков пострадавших в результате восстаний русских подданных и добилась льгот для русских торговцев на территории края⁴⁴.

В Китае распространено мнение о несправедливом характере всех договоров, заключенных между Россией и Китаем во второй половине XIX в.⁴⁵ Даже после урегулирования всей линии российско-китайской границы эта тема остается весьма болезненной для многих китайцев. Так, генерал Ли Хэн, в течение тринадцати лет принимавший участие в разного рода мероприятиях, связанных с контактами между НОАК и российскими вооруженными силами на Дальнем Востоке, в своих воспоминаниях в январе 2009 г. пишет, в частности, о своем визите в Россию: “Мы не забыли китайских названий этих трех российских городов. Китайское название Благовещенска — Хайланьпао, Хабаровска — Боли, Владивостока — Хайшэньвай. В период между 1858 и 1860 гг. царская Россия поглотила эту часть территории. Хотя унижение уже стало историей, находясь здесь, чувствуешь себя подавленно”⁴⁶.

Здесь следует упомянуть также об Айгунском историческом музее, основанном в 1975 г. на месте подписания “позорного” Айгунского договора 1858 г. В музее представлены “история Айгуни, агрессии царской России в Китае и китайско-русской войны”⁴⁷. Он был основан по инициативе известного китайского писателя Лю Банхоу, знатока и поклонника русской литературы, в то время занимавшего пост начальника департамента культуры при администрации провинции Хэйлунцзян. Из двух тысяч экспонатов музея значительная часть была собрана лично Лю Банхоу. В 2006 г. Айгунский исторический музей был реконструирован с использованием новейших технологий и материалов⁴⁸. В настоящее время музей имеет статус “базы патриотического образования” КНР, его посетили уже более 2 млн чел., среди которых бывший министр обороны Чи Хаотянь и другие китайские государственные деятели, а также тайская принцесса Сириндорн. Между тем, по свидетельствам отечественных китайистов, российских граждан в этот музей не пускают. Когда один из китайских блоггеров в октябре 2008 г., в канун празднования Дня образования КНР, поместил в своем онлайн-дневнике отчет о посещении музея, трое из тридцати шести откликнувшихся подчеркивали, что “историю унижения не следует забывать” и “нельзя, чтобы это повторилось”; остальные благодарили автора за “напоминание об истории” и поздравляли с праздником⁴⁹.

Отметим, что рядом с Айгунским историческим музеем по настоянию Лю Банхоу, несмотря на возражения “некоторых товарищей”⁵⁰, установлен памятник А.П. Чехову с надписью “Русский писатель Антон Чехов (1860–1904) посещал Айгунь с дружественным визитом”. Как пишет Тун Даомин (китайский писатель и литературовед, член Союза китайских писателей. —

Н.Т.) на сайте газеты “Гуанмин жибао”, А.П. Чехов был первым писателем, воспевшим в своих произведениях Хэйлунцзян (Амур. — Н.Т.)⁵¹. Его путешествие по р. Хэйлунцзян Лю Банхоу называет одним из наиболее ярких событий, свидетелем которых была эта река⁵².

Следует отметить, что стремление “поправить” в сознании школьников действительные государственные границы иногда встречается и в наших учебниках. Так, в 2002 г. Министерство образования России одобрило учебник истории “Истоки” для 2–8 классов средней школы, присвоив ему федеральный министерский гриф. В этом учебнике в параграфе “Рубежи и пределы” лауреат Государственной премии за внедрение новых методик А. Камкин пишет, что рубежи и пределы Отечества “очерчивают то, что было обжито и освоено общим трудом нашего народа, полито кровью его защитников-воинов, освящено единой Верой и Правдой”. Пределы Отечества “передаются из поколения в поколение в былинах, сказаниях, песнях, в суждениях, отражаются в литературе и искусстве. В исторической памяти народа... сопровождаются теплыми чувствами и особыми образами. И при этом — не всегда совпадают с границами государственными”. В конце параграфа одно из заданий сформулировано следующим образом: “Уместно ли на рубежах Отечества знаменитое выражение “Не в силе Бог, а в Правде”?”

Здесь хочется подчеркнуть, что, видимо, вне зависимости от национальной принадлежности историки и методисты при составлении учебников, призванных воспитывать у школьников дух патриотизма, используют одни и те же приемы. Можно сказать, что, отстаивая свои “рубежи”, китайские историки, по существу, также апеллируют к выражению “Не в силе Бог, а в Правде”. Здесь следует отметить, что коренными насельниками дальневосточных “пределов” были местные племена, освоение же этих территорий китайцами и русскими началось позднее.

Освещение в китайских школьных учебниках российской истории, не связанной напрямую с территориальным вопросом, не имеет выраженного негативного характера. История Советской России в период становления советской власти оценивается положительно. Так, в учебнике по зарубежной истории для девятого класса сообщается: “Октябрьская революция под руководством В.И. Ленина является величайшей революцией в истории человечества, она искоренила режим эксплуатации человека человеком”⁵³. Авторы учебника отмечают огромную роль Ленина в возникновении и становлении первого в мире социалистического государства и развитии идей марксизма⁵⁴. Подчеркивается, что после завершения гражданской войны политика военного коммунизма была заменена высокоэффективной НЭП. После смерти В.И. Ленина советский народ под руководством И.В. Сталина продолжил строительство социализма и добился значительных успехов. Однако, как отмечают авторы, “было допущено немало ошибок” — СССР долгое время делал упор на приоритетное развитие тяжелой промышленности, что нанесло ущерб развитию сельского хозяйства и легкой промышленности⁵⁵. В целом, такой подход к оценке этого этапа исторического развития России характерен для всей изученной литературы.

Следует отметить, что при изложении истории дореволюционной России китайские авторы используют такие понятия, как “феодалная страна”, “царская Россия”, “империалистическое государство”. Характер изложения, воспри-

ятие и оценка внутренней и внешней политики нашей страны до 1917 г. задаются негативным отношением к феодализму как синониму отсталости, а также к таким терминам как к империализм и царизм. При освещении развития СССР выведение отдельных отрицательных, с китайской точки зрения, особенностей политики из сущности самого социалистического строя оказывается невозможным. Поэтому китайские авторы начинают связывать политический курс советского государства с личностью лидера страны.

Н.С. Хрущев в книге Цзи Чжие и Фэн Юйцзюня изображен комической фигурой, героем анекдотов и объектом насмешек. По мнению этих китайских авторов, он проводит крайне непоследовательную и недальновидную политику. Несмотря на инициированную им же критику “культ личности” Сталина, придя к власти, он начинает создавать свой “культ личности”; без учета природных особенностей СССР вмешивается в вопросы сельского хозяйства; “чтобы продемонстрировать свое лидерство в международном коммунистическом движении, не считаясь с международной практикой, аннулировал подписанное с китайским правительством соглашение, прекратил оказание помощи Китаю и отозвал всех [советских] специалистов”⁵⁶.

Политический портрет Л.С.Брежнева схож с образом Н.С.Хрущева. Китайские авторы приводят на страницах своей книги анекдот, связанный с большим количеством государственных наград, фактически присужденных Л.С. Брежневым самому себе⁵⁷. Очевидно, что такие оценки отражают утрированные представления о советских руководителях периода обострения советско-китайских отношений⁵⁸.

Что касается М.С. Горбачева, то, по мнению китайских авторов, его “наивный романтизм” привел СССР к распаду⁵⁹. В краткой биографии в справочнике “Страны мира: Россия” сообщается, что М.С. Горбачев, “принимая активные меры для смягчения отношений с Западом, внес “вклад” в завершение “холодной войны”, за что в 1990 г. получил Нобелевскую премию мира”, причем слово “вклад” дано в кавычках⁶⁰.

В то же время с начала 1990-х гг. экономически и политически окрепший Китай перестает воспринимать Россию как соперника, в отличие, скажем, от США и Японии. Соответственно начинает меняться характер освещения ситуации в нашей стране и оценки деятельности российских лидеров. В центре внимания естественным образом оказываются сложности, с которыми столкнулась Россия в этот период. Главным критерием оценки политики Российской Федерации становится готовность российских президентов к уступкам в пользу КНР.

Так, говоря о ельцинской эпохе, в книге “Такие разные русские” 1997 г. авторы констатируют, что “шоковая терапия” разрушила экономику; страна утратила свой статус на мировой арене и во всем следовала за Западом; в России появилось целое поколение людей, лишенных идеалов и цели в жизни⁶¹. Утверждается, что Б.Н. Ельцин фактически расписался в своей беспомощности, признав, что “реформы были ошибочными”⁶². В вышедшей в 2005 г. книге о России Пань Дэли отмечает, что “несмотря на допущенные промахи во внешней и внутренней политике, многолетний кризис в политике и экономике, [Б.Н. Ельцин] всегда держал власть в своих руках... и покинул политику после того, как должным образом оформил свое “политическое завещание”⁶³. Китайский дипломат Лэ Юйчэн в день смерти Б.Н. Ельцина пишет в своем блоге, что этот человек “яв-

ляется самой противоречивой фигурой современности”, “в период его правления экономика была разрушена, в обществе царил хаос, в политику вмешивались олигархи, в то же самое время под его руководством Россия вступила на путь демократии, народ получил большую свободу, экономика стала рыночной, страна сохранила единство, был избран выдающийся преемник — Путин”⁶⁴. Окончательную оценку первому президенту Российской Федерации китайский автор дает, исходя из его вклада в дело нормализации и укрепления двусторонних отношений с КНР. В этой связи он подчеркивает значение “Совместной китайско-российской декларации”, подписанной Б.Н. Ельциным и Цзян Цзэмином в 1996 г., в которой было провозглашено решение развивать отношения равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI в.⁶⁵

Позиция В.В.Путина в вопросе развития российско-китайских отношений является важнейшей причиной формирования положительного образа этого политического деятеля и представлений о нашей стране. В изданной в марте 2000 г., еще до президентских выборов, книге о В.В. Путине авторы приводят его точку зрения относительно намерений России всемерно развивать отношения партнерства, высказанную во время встреч с министром обороны КНР Чи Хаотянем и министром иностранных дел Тан Цзясюанем⁶⁶. Китайские авторы подчеркивают, что “популярность В.В. Путина в Китае связана с тем, что, во-первых, он следует в русле политики Б.Н. Ельцина, то есть придает важное значение отношениям с КНР, и, во-вторых, стремится сделать страну сильной, что укрепит совместный китайско-российский антиамериканский фронт”⁶⁷. Говоря о дипломатических талантах и интуиции Путина, авторы отмечают, что он “в первую очередь обменялся рукопожатиями с Китаем”⁶⁸. Принимая во внимание общность интересов и протяженную общую границу, а также то, что Китай — заслуживающий доверия партнер, который никогда не предавал друзей, “Путин надеется и готов идти вместе с Китаем и укреплять отношения”⁶⁹.

Кроме того, позитивные представления о преемнике Б.Н. Ельцина связаны с оценкой его решительных действий в Чечне. Авторы книги “Железная рука Путина” еще в 2000 г. подчеркивали его “несгибаемый характер”, “выдающиеся способности к руководству” и считали, что он “обладает всеми качествами, необходимыми для того, чтобы встать во главе огромной страны”⁷⁰.

В современном Китае позиция В.В. Путина по чеченскому вопросу — важный критерий оценки всей его деятельности, поскольку для китайского правительства такой же острой проблемой являются уйгурский и тибетский сепаратизм. Решительные, без оглядки на мнение западных стран, действия российского лидера, а также поддержка принципиальной позиции КНР по тайваньскому вопросу, безусловно, вызвали у большинства китайцев горячую симпатию.

Аналогично, положительную реакцию в Китае вызвало провозглашенное В.В. Путиным намерение “идти собственным путем”, “не копируя западные или [другие] иностранные модели”⁷¹. Отдаление России от Запада означало, по мнению ряда китайских авторов, сближение с КНР, что соответствовало интересам китайского правительства. Китайские авторы отмечают важность Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 г. и образование Шанхайской организации сотрудничества в июне 2001 г.⁷²

Таким образом, имя В.В. Путина тесно связано с успехами в борьбе с чеченским сепаратизмом и международным терроризмом, укреплением центральной власти, восстановлением законности и правопорядка, а также возрождением и ростом российской экономики⁷³. Восемь лет правления Путина, как пишет китайский дипломат Лэ Юйчэн, — это время, за которое был осуществлен переход от хаоса к порядку; период политической стабильности и экономического роста⁷⁴.

Такую же оценку этому периоду дает Чжэн Цзяцзе, автор-составитель книги о Д.А. Медведеве, вышедшей в марте 2008 г. Как и западные политологи, автор убежден в том, что Д.А. Медведев будет придерживаться политики своего предшественника, что в России продолжится “путинская эпоха”, “а сам Медведев, по существу, будет новым Путиным”⁷⁵. Для Китая это, в том числе, означает дальнейшее укрепление отношений с РФ.

Кроме того, в данной книге сообщается о глубоком интересе Д.А. Медведева к китайской культуре, возникшем еще в юности после знакомства с китайцем — профессором, приглашенным Ленинградским университетом, который читал лекции по культуре и истории Китая⁷⁶. Это представление отражено и в других статьях, опубликованных в Интернете⁷⁷. Увлечение нынешнего российского президента культурой Китая не случайно. Авторы книги пишут, что все петербуржцы, вслед за основателем города Петром Великим, равнодушны к китайской культуре. Уже не одно поколение петербуржцев читает в переводе китайскую литературу, в особенности Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюйи. Во многих университетах в обязательную программу входит изучение философских принципов Конфуция, Лаоцзы, Мэнцзы. Кроме того, на протяжении десятилетий Петербург является основным центром китайской иммиграции в России, здесь сильны культурные традиции Поднебесной, и это, по мнению авторов, не могло не повлиять на Медведева⁷⁸.

Таким образом, в современном Китае акцентируются те черты и качества лидеров Российской Федерации, которые импонируют китайскому руководству и большинству жителей страны. Желание подчеркнуть те или иные черты иногда ведет к искажению реальной ситуации.

В целом можно констатировать, что российская история в изученных нами источниках освещается относительно достоверно. Правда, следует указать, что китайские авторы популярной литературы о нашей стране чрезмерно акцентируют фактор иностранного влияния на историю России. Это зачастую выражается в стремлении составить собственную периодизацию русской истории, подчеркивающую несамостоятельное, по мнению этих авторов, развитие российского государства.

Другой особенностью китайского восприятия истории России является значительная роль образа лидера государства в представлениях о стране в целом. При этом, в зависимости от политической обстановки, в Китае акцентируются те качества российских руководителей, которые импонируют китайской политической элите и большинству жителей страны.

Весьма важно то, что в вопросе территориального разграничения между Россией и Китаем, несмотря на полное урегулирование всей линии границы, сохраняется существующая уже долгие годы тенденция представлять Россию как “захватчика китайских территорий”⁷⁹. Причем эта тенденция особенно ярко выражается в современных учебниках истории китайской средней школы.

Что же касается “преемственности курса практически всех как российских, так и советских правительств в отношении Китая”⁸⁰ как особенности большинства китайских исследований 1980-х — середины 1990-х гг., отмеченной в предшествующих отечественных исследованиях, на наш взгляд, в изученных источниках нет достаточного количества подтверждений справедливости этого положения в наши дни. Можно говорить о том, что в Китае признают роль Октябрьской революции и влияние Советского Союза на КНР, в том числе и советскую помощь, но с оговорками — подчеркивают, что она была небескорыстной, что в конечном итоге советско-китайские отношения рассматривались СССР с точки зрения собственной выгоды.

1. Китай в мировой и региональной политике: История и современность: Вып. 13 (специальный). Основные особенности внутри- и внешнеполитического курса китайского руководства и их влияние на образ России в Китае. М., 2008. С. 230.
2. Hsia T.A. Demons in Paradise: The Chinese Images of Russia // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 1963. Vol. 349, № 1. P. 27–37.
3. Цзи Чжие, Фэн Юйцзюнь. Ибосаньчжэ элосыжэнь [Такие разные русские]. Пекин, 1997. С. 8; Подробнее о проблеме см.: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1060117500>. — Усов В.Н. Рычание “бумажного тигра”. Как Китай обзавелся ядерной бомбой (страницы истории).
4. Пань Дэли. Легочжи: Элосы [Страны мира: Россия]. Пекин, 2005. С. 42.
5. Там же. С. 44.
6. Цзи Чжие, Фэн Юйцзюнь. Указ. соч. С. 22.
7. Там же. С. 22.
8. Крижанич Ю. Политика. М., 1965.
9. Цзи Чжие, Фэн Юйцзюнь. Указ. соч. С. 22.
10. Там же. С. 23.
11. Там же. С. 24.
12. Там же. С. 25–26.
13. Там же. С. 26.
14. Там же. С. 29.
15. Там же. С. 29–30.
16. Цит. по: Китай—Россия: отголоски прошлых противоречий // Экспресс-информация ИДВ. М., 2006. С.91.
17. Лэ Юйчэн. Бокэ Элосы [Блоги о России]. Нанкин, 2007. С. 139.
18. Там же. С. 139.
19. Там же. С. 139–140.
20. Цзи Чжие, Фэн Юйцзюнь. Указ. соч. С. 16–17.
21. Пань Дэли. Указ. соч. С. 52.
22. Там же. С. 55.
23. Артемьев А.Р. Формирование геополитических интересов России на Дальнем Востоке и присоединение к ней Приамурья и Приморья (середина XVII в. — 1860 г.) // Русская Америка и Дальний Восток (конец XVIII в. — 1867 г.). Владивосток, 2001. С. 288.
24. Пань Дэли. Указ. соч. С. 55.
25. Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII—XVIII вв. Владивосток, 1999. С. 17.
26. Пань Дэли. Указ. соч. С. 55.
27. Чжунго лиши [История Китая]. 7 кл., ч. 2. Жэньминь цзяоюй (Народное образование), 2005. С. 105.
28. Артемьев А.Р. Указ. соч. С. 19.
29. Чжунго лиши [История Китая]. Учебник для 7 кл., ч. 2. Хэнань, 2005. С. 105.

30. Там же.
31. Нибучу тяюэз в учебнике. — *Н.Т.*
32. Чжунго лиши [История Китая]. Учебник для 7 кл., ч. 2. Хэнань, 2005, С. 106.
33. Там же. С. 105.
34. Там же. С. 105.
35. См.: *Новиков-Даурский Г.С.* Печать Албазинского острога — редкий и интересный геральдический памятник. Благовещенск, 1952. Т. 2. С. 49–51; Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. 1969. Т. 1.; 1972. Т. 2. 836 с; *Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII — XIX вв. М., 1981.
36. Чжунго лиши [История Китая]. Учебник для 8 кл., ч. 1. Хэнань, 2006. С. 8.
37. Там же. С. 8.
38. Там же. С. 9.
39. Там же. С. 12.
40. Там же. С. 14.
41. Там же. С. 14.
42. *Воскресенский А.Д.* Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года. М., 1995. С.82. См. также: *Попов И.М.* Россия и Китай: 300 лет на грани войны. М., 2004. С. 166.
43. Там же. С. 270–272.
44. Там же. С. 273–276; *Попов И.М.* Указ. соч. С. 172–173, Подробнее см.: *Воскресенский А.Д.* Цзэн Цицзэ — дипломат, ученый, литератор нового времени // XX научная конференция “Общество и государство в Китае”. Тез. и докл. М., 1989. Ч. 2. *Воскресенский А.Д.* Инструкция цинскому представителю Цзэн Цицзэ на русско-китайских переговорах 1880–1881 гг. в Петербурге и история одной фальшивки // XXI научная конференция “Общество и государство в Китае”. Тез. и докл. Ч. 2. М., 1990; *Воскресенский А.Д.* “Илийский кризис” в русско-китайских отношениях: особое совещание 4 марта 1879 г. // XXII научная конференция “Общество и государство в Китае”. Тез. и докл. Ч. 3. М., 1991; *Воскресенский А.Д.* Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора // Памятники исторической мысли. М., 1995.
45. См.: Янь Цзяци. 10 фактов, касающихся проблемы китайско-российской границы. Ответ на статью советника-посланника посольства России в Китае Гончарова и Янь Цзяци. Следует еще раз вернуться к вопросу о китайско-российской границе // Экспресс-информация ИДВ РАН. М., 2006. Вып. № 10.
46. http://www.chinamil.com.cn/site1/xwpdxw/2009-01/15/content_1619994.htm. — Чжунгоцзюньван.
47. <http://src.people.com.cn/GB/33843/2534389.html>. — сайт “Новости коммунистической партии Китая”. Под китайско-русской войной имеют в виду события 1900 года на Амуре.
48. <http://src.people.com.cn/GB/33843/2534389.html>. — сайт “Новости коммунистической партии Китая”.
49. http://blog.sina.com.cn/s/blog_4d3792ae0100at5z.html.
50. <http://www.gmn.cn/01shsb/1998-11/05/gb/789sh7-516.htm>. — Тун Даомин. Цихэфую Хэйлунцзян. 1998.
51. Там же.
52. Там же. Интересно, что недалеко от Айгуньского исторического музея в городе Хэйхэ 22 сент. 2007 г. был открыт первый в Китае Музей китайской эмиграции в России. В коллекции музея более 1000 экспонатов, свидетельствующих о жизни в Советском Союзе и России китайских эмигрантов и студентов за последние сто лет. Подробнее см.: <http://www.crt.com.cn/news2007/News/heilong/2007/925/079250812K0E056CBG96CA62J3751.html>.
53. Лиши [История]. Учебник для второго семестра девятого класса. Шанхай, 2006. С. 55.
54. Там же. С. 57.
55. Там же. С. 58.

56. *Цзи Чжие, Фэн Юйцзюнь. Ибосаньчжэ элосыжэнь* [Такие разные русские]. Пекин, 1997. С. 13.
57. Там же. С. 14.
58. Более объективный и полный подход — см., например: *Разманин О.Б. К истории отношений России — СССР с Китаем в XX веке. М., 2002. С. 20-36.*
59. *Цзи Чжие, Фэн Юйцзюнь. Указ. соч. С. 16.*
60. *Пань Дэли. Указ. соч. С. 82.*
61. *Цзи Чжие, Фэн Юйцзюнь. Указ. соч. С. 29.*
62. Там же. С. 29.
63. *Пань Дэли. Указ. соч. С. 83.*
64. *Лэ Юйчэн. Указ. соч. С. 86.*
65. Там же. С. 88.
66. *Тун Цзяньчжоу, Ван Юн. Тевань Пуцзин [Железная рука Путина]. Пекин, 2000. С. 241-254.*
67. Там же. С. 254.
68. Там же. С. 314.
69. Там же. С. 314.
70. Там же. С. 49.
71. Там же. С. 303.
72. *Пань Дэли. Указ. соч. С. 74.*
73. Там же. С. 73.
74. *Лэ Юйчэн. Указ. соч. С. 89.*
75. *Чжэн Цзяцзе. Элосы цзунтун — Мэйдэвэйцзефу [Президент России — Медведев]. Пекин, 2008. С. 2.*
76. Там же. С. 187.
77. См. http://russian.china.org.cn/china/txt/2008-05/22/content_15408037.htm, <http://news.sina.com.cn/w/2008-03-14/144615149607.shtml>.
78. http://russian.china.org.cn/china/txt/2008-05/22/content_15408037.htm. *Чжэн Цзяцзе. Указ. соч. С. 187; http://news.sina.com.cn/w/2008-03-14/144615149607.shtml.* По-видимому, эти представления появились у китайских авторов во многом под влиянием книги “Санкт-Петербург на перекрестке культур. Китайский маршрут” одного из петербургских китаеведов, доцента восточного факультета СПбГУ (*Самойлов Н.А. Санкт-Петербург на перекрестке культур. Китайский маршрут. СПб., 2003.*).
79. Подробнее о китайской концепции о неравноправном характере договоров см.: *Воскресенский А.Д. Китайские исследователи конца XX века о погранично-территориальных проблемах и русско-китайских отношениях в кн.: Границы Китая: история формирования. М., 2001. С. 50-83.*
80. *Границы Китая: история формирования. М., 2001. С. 64.*

Документы, архивы

О японском плане похищения корейского императора Коджона во время русско-японской войны 1904–1905 гг. : российская дипломатия спасла Коджона (К 105-летию японского протектората и к 100-летию японской аннексии Кореи)

© 2010

К. Фендлер

Основываясь на обнаруженных им документах из Государственного архива в Вене и из Архива внешней политики Российской империи МИД России, венгерский специалист по истории Кореи приходит к заключению о том, что активные действия российской дипломатии в 1905 г. сорвали японский план перевезти корейского императора Коджона в Японию и ускорить японскую аннексию Кореи.

Ключевые слова: архивные документы, Япония, Корея, российская дипломатия, император Коджон.

Обнаружение некоторых ранее неизвестных архивных документов может обогатить наши знания об исторических событиях и личностях, дополнить уже известные факты. Это касается, в частности, истории Кореи и политики великих держав во время русско-японской войны 1904–1905 гг., тем более, что эта война, как и японо-китайская война 1894–1895 гг., в основном шла на территории Корейской монархии.

В ходе многолетней работы в венском архиве Haus-, Hof- und Staatsarchiv (HNSA) над дипломатическими донесениями, материалами и документами Австро-Венгерской монархии, относящими к истории Кореи до японской аннексии 1910 г., автором было обнаружено письмо посла царской России в Вене от 30 апреля/13 мая 1905 г. на французском языке на имя министра иностранных дел Австро-Венгерской монархии графа Агенора Голуховского¹. Ссылаясь на циркулярную телеграмму из Министерства иностранных дел России от 8/21-го февраля 1905 г., российский посол Л.П. Урусов сообщал, что по достоверной информа-

Фендлер Карой (Будапешт, Венгрия) — историк-кореевед, иностранный член Национального института корейской истории (Сеул). E-mail: kfendler@t-online.hu.

ции министерства японское правительство собирается перевезти корейского императора в Японию, где для него уже построен дворец в Нагасаки². Поскольку посол ссылаясь на телеграмму из российского МИД, дальнейший "розыск" автор продолжил в Москве, в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ)³. Там и было обнаружено дело "Намерение японцев вывести Корейского Императора в Мокко" (папка объемом в 26 страниц)⁴.

Содержащиеся в деле документы, возможно, проливают свет на неизвестный до сих пор эпизод истории Кореи, корейско-японских отношений тех трагических времен⁵. Напомним, что еще продолжалась русско-японская война, во время которой правительство России несколько раз обращало внимание европейских правительств на незаконную и агрессивную деятельность Японии против Кореи, против независимости и самостоятельности корейского государства. (Например: упомянутая выше циркулярная телеграмма министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа от 8/ 21 февраля 1904 г. всем российским представителям за границей).⁶

Удалось выяснить, что о предполагаемом японском плане российское правительство узнало из Белграда, причем "путь информации" был довольно "деликатным".

Российский посол в Белграде 22 апреля 1905 г. докладывал министру иностранных дел графу В.Н. Ламздорфу: "Лично известный Вашему Сиятельству Первый Секретарь здешней французской миссии Г. Фонтэнэ получил из Токио известия, которые он считает полезным довести до Вашего сведения. Спешу препроводить при сем переданную мне г-м Фонтэнэ записку и прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверение в глубочайшем моем почтении и неизменной преданности"⁷.

10/22 мая 1905 г. представитель России в Белграде прислал В.Н. Ламздорфу новое донесение, подтверждающее прежнюю информацию: "Первый секретарь здешней французской миссии г-н Фонтэнэ передал мне вновь известия, полученные им из Токио. В виду интереса этих сведений, спешу препроводить при сем подлинную записку названного лица".

"Записка" была написана на маленьком клочке тонкой прозрачной бумаги по-французски, содержание ее совпадало с цитированным выше письмом посла в Вене Л.П. Урусова⁸.

"Колеса дипломатии" закрутились. Уже первая информация из Белграда немедленно была передана в Царское Село 26 апреля 1905 г.⁹ Царь Николай II собственной рукой написал на полях донесения: "Следует как-нибудь предупредить такое действие Японии"¹⁰. Возмущение Николая II было понятным не только из-за самой русско-японской войны, но и из-за жестокой политики Японии в Корею: убийство королевы Мин в 1895 г., попрание международных соглашений, нейтралитета и независимости страны.

После царского указания в Министерстве иностранных дел 27 апреля 1905 г. был составлен рукописный черновик секретной циркулярной телеграммы, она была разослана российским представителям за границей "По вопросу о намерении японцев перевезти Корейского императора в Японию"¹¹. Из полученных ответов автор считает наиболее интересными телеграммы из Лондона и Пекина. Большинство ответов в основном ограничивались передачей "российского протеста".

В ответ на письмо российского посла в Лондоне А.К. Бенкендорфа министр иностранных дел Великобритании лорд Лансдаун 3/16 мая 1905 г напи-

сал: Мы твердо уверены, что никогда не слышали о том, что японское правительство намеревалось перевозить корейского императора. Тем не менее я отдам распоряжение проверить это и надеюсь, что в скором времени я смогу проинформировать Вас о том, как смотрит правительство Его Величества на данный вопрос". Через пару дней последовала новая телеграмма российского посла из Лондона, согласно которой по просьбе лорда Лансдауна японский посол получил ответ от министра иностранных дел Японии барона Комура, что „ японское правительство не планирует перевезти корейского императора в Японию”¹².

Надворный советник Казаков в секретной телеграмме от 1/14 мая 1905 г. из Пекина сообщил: “Вчера при личном свидании передал китайским министрам перевод телеграммы Вашего Сиятельства № 41 и, указав, что намерение японцев перевезти корейского императора в Японию нарушает признанную Симоносекским договором самостоятельность Кореи, спросил, как отнесется к этому Китайское Правительство. Мне ответили уклончиво, что, не имея по этому вопросу никаких сведений, не могут пока высказаться”¹³.

Дело “предупреждения Японии”, кажется, на этом закончилось. Сегодня уже трудно установить, насколько была верна французская информация из Токио через Белград о японском плане перевезти корейского императора Коджона в Японию. Окончательный ответ, вероятно, можно было бы найти в труднодоступных японских архивах¹⁴. Известно, однако, что японцы, в том числе и сам Ито Хиробуми, считали императора Коджона одним из главных противников японского протектората и аннексии, которого силой удалось заставить отказаться от престола лишь после Портсмутского мирного договора и его тайного обращения к Гаагской мирной конференции в 1907 г.¹⁵

Во всяком случае дипломатическая акция протеста царской России оказалась успешной. Сигналы из разных европейских столиц могли заставить Японию отказаться от своих планов¹⁶.

1. HNSA P.A.X. 127. Russland, Varia 1905, Berichte 1906.I-V.f.353. Ambassade Imperiale de Russie № 837, Vienne, le 30 Avril/13 Mai 1905.
2. „Il est recemment parvenu a la connaissance du Ministere Imperial des Affaires Etrangeres, de source authentique, que le Gouvernement du Mikado aurait l'intention de transferer l'Empereur de Coree au Japon et de l'y installer a Nagasaki dans un palais amenege a cette fin” (Там же).
3. Автор благодарит Начальника АВПРИ МИДа О.А. Глушкову и ее сотрудниц за оказанную помощь и содействие в ходе работы.
4. АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 586.
5. Это подтвердил автору и покойный профессор М.Н. Пак, а также тогдашний директор Национального Института Корейской истории Ли Сонг Му (Сеул).
6. Цитируется в кн.: Пак Б.Д. Россия и Корея. М., 2004. С. 367.
7. АВПРИ. Ф. Японский стол, оп. 493, д. 586.
8. Там же. Л. 2. Виконт де Фонтэнэ в 1904 г. работал еще в Сеуле, где во время русско-японской войны “охрана интересов России и русских подданных в Корее ...верена французскому представителю в Корее”. См.: Пак Б.Д. Россия и Корея. С. 365.
9. Небезинтересно, почему такая информация была передана “неофициально” в такой форме в Белграде, а не через Париж. Здесь смогло сыграть роль знакомство В.Н. Ламсдорфа и Г. Фонтэнэ в Токио.

10. АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 586. Это совпало с духом его прежней пометы на донесении российского посланника в Сеуле А.И. Павлова от 12/25 янв. 1904 г. См.: *Пах Б.Д. Россия и Корея*. С. 364.
11. АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 586: в Берлин (№ 33), в Лондон (№ 34), в Париж (№ 35), в Рим (№ 36), в Вену (№ 37), в Вашингтон (№ 38), в Гаагу (№ 39), в Копенгаген (№ 40) и в Пекин (№ 41). Возможный ответ А. Голуховского или Министерства иностранных дел Австро-Венгерской монархии пока не обнаружен.
12. „En ai communique la substance au Ministre des Affaires Etrangeres qui me repondit aujourd'hui que Nagaschi avait recu de Komura un telegramme, contenant les assurances les plus positives que le Gouvernement Japonais ne meditait a aucunement de deporter l'Empereur de Coree”.
13. АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 586.
14. По сведениям автора, после капитуляции Японии в 1945 г. США перевезли основные военные и внешнеполитические японские архивы в Америку и, сделав фотокопии, позже вернули их Японии.
15. Как очевидец этих трагических для Кореи, для корейского народа событий убедительно описывает их венгерский епископ граф Петер Вай (Vay Peter), лично знавший Ито Хиробуми, подчеркивая его жестокость в Корее. См.: *Фендлер К.: Забытое путешествие // Вестн. Центра корееведческих исследований ДВГУ. 2004. Материалы II Международ. конф. Владивосток, 2004. С. 95–97.*
16. Император Коджон не поставил свой печати (т.е. “не подписал”) на Акте о японском протекторате. Донесение временного поверенного Германии в Сеуле, переданное Австро-Венгерскому посольству в Пекине, подтверждает это. (NHSA, P.A.X.131.). См.: *Fendler Karoly. German paper shows 1905 Korea — Japan treaty void // The Korea Herald. 1992 14 june; Korea Newsreview. 1992 29 june, Tona Ilbo. 1994.2.21 (in Korean); Fendler K. Paper for AKSE Conference in Berlin, 1993. Seoul Journal of Korean Studies, 2007. Nov. etc.*

Научная жизнь

Торжественное собрание Института Дальнего Востока РАН и Общества российско-китайской дружбы

30 июня 2010 г. в Культурно-информационном Центре Института Дальнего Востока РАН и Общества российско-китайской дружбы состоялось торжественное собрание, посвященное девятой годовщине подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (2001 г.) и презентации издания ИДВ РАН — энциклопедии "Духовная культура Китая".

Собрание открыл академик РАН, директор Института Дальнего Востока РАН, председатель Общества российско-китайской дружбы М.Л. Титаренко, который охарактеризовал в своем выступлении указанный Договор как исторический и новаторский документ, благоприятствующий развитию России и Китая. В нем зафиксирован новый тип отношений между сторонами и отражены идеи взаимного уважения выбора каждой из стран, их взаимной поддержки, отметил академик М.Л. Титаренко. В развитие принципа мирного сосуществования в документе появилось важное положение, согласно которому в случае угрозы безопасности стороны должны незамедлительно вступить в консультации. Благодаря Договору между Россией и Китаем сложилась уникальная система взаимных обменов и консультаций, создан ряд межправительственных комиссий, в 2010 г. запланировано семь встреч на высшем уровне.

Докладчик подчеркнул, что российско-китайский Договор 2001 г. сформировал модель для развития отношений с другими странами, которая находит свое отражение при составлении новых международно-правовых документов. Документ способствует более тесному сотрудничеству России и Китая в международных организациях, таких как ООН и ШОС, а также взаимодействию двух стран в форматах РИК и БРИК. В сфере двустороннего сотрудничества Договор открыл путь для координации планов экономического развития российского Дальнего Востока и Сибири и китайского Северо-Востока, он также создает условия для привлечения китайских технологий для модернизации России. В нынешнем году рост объема двусторонней торговли превышает 50%, в связи с этим появляется возможность увеличить товарооборот до уровня 60 млрд долл. в год, как это было намечено руководителями двух стран.

М.Л. Титаренко отметил, что Договор создал условия для углубления взаимного доверия между Россией и Китаем. Быстрый подъем Китая порождает вопросы об оценке этого феномена и о готовности к восприятию Китая как могучего государства, способного оказывать влияние на мировые процессы. У наших стран есть общая заинтересованность в поддержании мира и безопасности, при этом Договор, который не направлен против третьих стран, создает благоприятные предпосылки для укрепления полицентрического мира. Необходимо приложить усилия для того, чтобы в дальнейшем развитии российско-китайских отношений были унаследованы нынешние позитивные тенденции. Коренным интересам двух народов отвечает сплоченность перед лицом общих угроз. Обе страны выступают за диалог культур и их многообразие, в России заметен рост интереса к Китаю и его культуре. При этом нельзя забывать, что отраженный в Договоре принцип «всегда друзья и никогда — враги» стал выводом из истории двух десятилетий противостояния СССР и КНР во второй половине прошлого столетия, эти годы были потеряны для развития дружественных отношений. В заключение докладчик указал, что исследования ученых ИДВ РАН подтверждают объективность и обоснованность тезиса об отсутствии альтернативы дружбе и сотрудничеству между Россией и Китаем.

Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в РФ Ли Хуэй подвел итоги развития двусторонних отношений за годы, прошедшие после заключения Договора. Он подчеркнул, что практика подтвердила правильность решения о подписании этого документа. За это время укрепилось политическое взаимодоверие между двумя странами, был создан надежный механизм для продвижения отношений на всех уровнях. Между лидерами двух стран сложилась хорошая личная дружба, чего не было даже в 1950-е гг. во времена союзнических отношений. За эти годы был разрешен пограничный вопрос. Стороны три раза проводили совместные военные учения, что стало отражением высокого уровня взаимодействия. Во времена СССР такие учения не проводились.

Посол КНР указал на динамичное развитие сотрудничества в торговле, энергетике, науке и технике, развитии инфраструктуры и других областях. Хотя мировой финансовый кризис привел к временному снижению двустороннего товарооборота, ныне он увеличивается высокими темпами, которые делают реальным достижение намеченной цели выйти на уровень 60 млрд долл. в год. Между двумя странами активно развивается гуманитарное сотрудничество. В ходе проведения национальных годов и годов языка (ныне проходит Год китайского языка в России) были созданы новые механизмы взаимодействия, эти мероприятия придали сильный импульс продвижению наших дружеских отношений. На международной арене между Китаем и Россией идет эффективное сотрудничество. Две страны координируют позиции и оказывают друг другу поддержку по иранскому, северокорейскому и другим вопросам, что оказывает влияние на процесс создания справедливого миропорядка. Докладчик подчеркнул, что наши отношения стали более зрелыми, это пример отношений между державами.

Ли Хуэй призвал поставить на первое место задачу укрепления взаимного доверия и создавать условия для того, чтобы две страны поддерживали развитие и могущество друг друга. На этом фоне важно правильно относиться к проблемам, которые возникают в процессе развития отношений. Также следует всеми силами развивать торгово-экономическое сотрудничество, чтобы его уровень не отставал от политического

* * *

Рассказ о подготовленной в ИДВ РАН энциклопедии “Духовная культура Китая” в шести томах (Т. 1. Философия. 2006; Т. 2. Мифология. Религия. 2007; Т. 3. Литература. Язык и письменность. 2008; Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура. 2009; Т. 5. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. 2009; Т. 6 (дополнительный) Искусство. 2010) начал главный редактор издания М.Л. Титаренко. Он подчеркнул, что это результат пятнадцатилетнего труда российских ученых, который увидел свет благодаря китайским друзьям, оказавшим содействие в финансировании издательских расходов. Заключительный том вышел в свет 1 июня 2010 г., а уже 7 июня состоялась презентация энциклопедии в Академии общественных наук Китая. На мероприятии в Пекине присутствовали вице-президент АОН Китая Чжу Цзяму, посол России в КНР С.С. Разов, бывший посол КНР в России Чжан Дэгуан, председатель Китайского народного общества дружбы с заграницей и Общества китайско-российской дружбы Чэнь Хаосу. Китайские отклики на труд российских ученых сопоставляли его с известными энциклопедическими трудами времен императора Цяньлуна и подчеркивали, что российское издание является духовным мостом для сближения между двумя народами.

М.Л. Титаренко подчеркнул, что благодаря графическому оформлению в китайском стиле и включению многочисленных черно-белых и цветных иллюстраций сами книги стали произведением искусства. Издание можно также назвать энциклопедией литературы о Китае, поскольку в каждом томе приводится подробная библиография по теме. Не случайно первый том энциклопедии был посвящен китайской философии, которая выступает в качестве исходной системы представлений китайской культуры. Следующие тома знакомили читателя с китайскими верованиями и мифологическими воззрениями, с миром китайского языка. Том 4 представляет несомненный интерес для тех, кто интересуется историей и политикой Китая. Том 5 стал новаторским исследованием китайской науки, подобного которому на русском языке еще не было. Завершающий 6-й том рассказывает об архитектуре, живописи, каллиграфии, декоративно-прикладном искусстве, кино, театре и музыке.

Посол КНР Ли Хуэй высоко оценил энциклопедию “Духовная культура Китая” как важный вклад сотрудников ИДВ РАН в работу по распространению знаний о китайской культуре. Директор издательства “Восточная литература” С.М. Аникеева поздравила всех авторов с успешным завершением работы. Это уникальный труд, в написании которого участвовали около ста исследователей. Издательская работа над энциклопедией продолжалась пять лет, если первоначально объем книги оценивался в 250 листов, то в итоге он достиг 600 листов. В сентябре 2010 г. намечена презентация энциклопедии на Московской международной выставке-ярмарке.

Своими оценками и размышлениями поделились научные редакторы энциклопедии. А.Е. Лукьянов подчеркнул, что подобную работу невозможно создать в одночасье, и этот труд появился в процессе развития российского Китаеведения. Создание философского тома было подготовлено благодаря длительной и систематической работе академика М.Л. Титаренко по поддержке изучения в нашей стране китайской философии, начиная от создания в 1970-е гг. специализированной группы по изучению китайской мысли на философском факультете МГУ и вплоть до издания в 1994 г. новаторского энциклопедического словаря

“Китайская философия”. Теперь энциклопедия “Духовная культура Китая” вносит свой вклад в развитие народной дипломатии, ее авторы стремились представить китайскую культуру в ее подлинности, чтобы пробудить к ней интерес у российского читателя. В.Е. Еремеев отметил, что энциклопедия содержит опорные знания о Китае и может быть успешно использована для преподавательской работы в высшей школе. Л.С. Переломов сказал, что авторы стремились показать, как было создано китайское государство. Он отметил, что энциклопедия может стать полезной для российской элиты, которой недостает знания китайской политической культуры. В.Н. Усов указал на вклад в написание энциклопедии ученых из других исследовательских центров, прежде всего из Санкт-Петербурга.

Член Совета Федерации И.А. Рогачев заметил, что два вопроса, которым было посвящено торжественное собрание — десятилетие российско-китайского Договора и выход в свет энциклопедии “Духовная культура Китая” — тесно связаны между собой. Он напомнил, что в 1990-е гг. в бытность российским послом в Пекине стремился найти возможности для того, чтобы народы двух стран смогли больше узнать друг о друге. И вот появилась энциклопедия, способная донести до россиян глубокие знания о Китае и внести тем самым весомый вклад в дело укрепления взаимного доверия между двумя странами.

В заключительном слове М.Л. Титаренко подчеркнул, что в энциклопедии по крупицам собраны знания о Китае, накопленные в российском китаеведении за несколько столетий. Чтобы вклад российских ученых не был позабыт, нужно создать специальную справочно-энциклопедическую работу, посвященную истории китаеведения в нашей стране.

© 2010

А. Ломанов
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник ИДВ РАН

Экономика КНР в условиях мирового кризиса. Научная конференция в ИДВ РАН

Вопросам функционирования китайской экономики в условиях мирового финансово-экономического кризиса и перспектив ее развития была посвящена научная конференция, организованная 17 февраля с.г. в Институте Дальнего Востока РАН Центром экономических и социальных исследований Китая (ЦЭСИК).

Во вступительном слове директор ИДВ РАН академик М.Л. Титаренко отметил особую актуальность проблематики, избранной для обсуждения учеными ИДВ, которые призваны, в частности, обеспечивать научное сопровождение российской дипломатии. Констатировав, что в российских СМИ по тематике Китая налицо разногласия (вплоть до попыток выставлять его в "образе врага"), Титаренко остановился на серьезных вызовах, стоящих ныне перед Россией, когда влиятельные силы проявляют заинтересованность в ее ослаблении, атомизации. Ныне особенно важно выявлять потенциал сотрудничества с Китаем, определяя сферы, где наши интересы не совпадают, и намечая направления взаимодействия, которые благоприятствовали бы решению российских проблем (например, освоение Сибири и Дальнего Востока РФ). Для России представляют интерес особенности экономической, финансовой, социальной политики Китая. Задачи развития отношений с ним Титаренко охарактеризовал как судьбоносные для России.

В условиях мирового кризиса только Китай сохранил стабильные темпы роста ВВП, подчеркнул в своем выступлении заместитель директора ИДВ РАН, руководитель ЦЭСИК доктор экономических наук А.В. Островский, председательствовавший на конференции. Это обстоятельство дало основание многим экспертам утверждать, что Китай станет локомотивом всей мировой экономики и вытащит ее из кризиса. Для Китая, однако, важнее его внутренние задачи: достижение к 2040 г. подушевого дохода более 20 тыс. долл., охват пенсионным и медицинским страхованием 100% населения, повышение до 80% уровня распространения высшего образования, увеличение до 80 лет средней продолжительности жизни, вхождение по индексу развития человеческого потенциала в число первых 20-ти стран мира. Все это может быть достигнуто при условии решения трех основных проблем — народонаселения, дефицита природных ресурсов, экологической.

Докладчик скептически оценил оглашенные в СМИ предостережения относительно "шести опасных пузырей": о заниженном курсе юаня; избытке денежной массы; избыточном кредитовании (составившем в жилищном и инфраструктурном секторах на конец 2009 г. 40 трлн юаней); чрезмерном росте капитализации на Шанхайской и Шэньчжэньской фондовых биржах; дисбалансе закупок и конечного потребления; росте цен на недвижимость. Говоря о "пузыре № 1", Островский напомнил, что 1 января с.г. задействована зона свободной торговли Китай+АСЕАН, где основная валюта — не доллар или иена, а юань. Доля товарооборота с США во внешней торговле Китая — лишь 13,5% (а всех стран ЕС —

16,5%, он вряд ли поддастся давлению G7 к односторонней ревальвации юаня. По объему денежной массы в обращении — M_2 (60,6 трлн юаней в 2009 г., или 178% ВВП) Китай — один из лидеров в мире. Эти средства вложены в основные производственные фонды, объекты инфраструктуры. Их прибавка на 30% повлекла прирост промышленной продукции на 11% при росте розничной торговли на 16,9%, а ВВП — на 8,7%. Соотношение денежных агрегатов M_1 и M_2 к ВВП составляют соответственно 65,7% и 11,4% — т.е., в пределах нормы. Кредитование, совокупно достигшее в 2009 г. 40 трлн юаней, есть суммарный показатель за ряд лет (прирост за 2009 г. — 9,5 трлн юаней). В финансировании основных производственных фондов банковские кредиты составляют 15–20%, около 70% всех инвестиций в экономику — собственные средства предприятий. Что касается “пузыря № 6”, то цены недвижимости остаются гораздо ниже, чем в РФ. С 1997 юаней (примерно 294 долл.) за 1 кв. м в 1997 г. они поднялись до 4453 юаня (655 долл.). Прогнозы обвала экономики КНР, напомнил Островский, звучали не раз по ходу китайских реформ, но лишь в 1989 и 1990 гг. рост ВВП падал до 4%; с 1991 по 2008 гг. составил в среднем 10,3%

Выступление главного редактора ПДВ, д.э.н. В.Я. Портякова было посвящено становлению Китая как ответственной глобальной державы (ОГД). Этот процесс затрагивает не только внешнюю политику страны и ее позиционирование в глобальной системе международных отношений, но и широкий спектр проблем взаимодействия КНР с мировым хозяйством. Становление Китая в качестве ОГД и его специфика могут быть отслежены и проанализированы на таких направлениях, как адаптация страны к нормам и правилам функционирования мировой торговли, участие КНР в борьбе с региональными и глобальными экономическими кризисами, политика валютного курса. Вместе с тем, в связи с высокой динамикой экономического роста Китая и его быстрым продвижением вверх в мировой “табели о рангах” закономерно встает и более общий вопрос об ответственности КНР за приемлемость для всего мирового хозяйства ее темпов роста, общих масштабов экономики и стратегии экономического развития страны.

Торговые партнеры Китая из США и Евросоюза все еще оценивают открытость его экономики как недостаточную, в связи с чем в отношении китайской продукции проводится большое количество антидемпинговых расследований. По условиям ВТО, страны-члены имеют право предъявлять Китаю до 11 декабря 2017 г. санкции в случаях, если экспортируемые им товары создают угрозы национальным производителям. В Пекине полагают, что такого рода протекционизм вызван тем, что далеко не все страны смогли приспособиться к подъему Китая.

В процессе преодоления мирового финансового кризиса КНР смогла обрести дополнительный положительный имидж, сохраняя темпы роста более 8%, а также стабильность внутри страны. Вместе с тем, из-за инвестиционной накачки экономики в Китае появятся новые избыточные мощности, которые вскоре создадут дополнительное давление на внешний рынок. Китай приступил к смене модели экономического роста, что, по мнению руководства КНР, не терпит ни малейшего отлагательства.

Еще один аспект ответственности Китая — его валютная политика. Он приостановил мягкую ревальвацию юаня которую проводил с июня 2005 г., и вернулся к политике жесткой привязки юаня к доллару. При этом, однако, был сохранен плавающий курс к другим основным валютам мира. В результате юань обесценился по отношению к евро на 14%.

Темпы прироста ВВП в 8% — это тот абсолютный максимум, который может себе позволить Китай, чтобы не нанести непоправимый вред мировой экономике. Здесь нужно жесткое самоограничение.

Системные факторы низкой чувствительности Китая к мировому кризису, по оценке доктора экономических наук **А.Н. Анисимова**, — высокая степень автономности его валютно-денежной и кредитной системы от мировой; значительность присутствия государства в экономике при высоком уровне его регуляторной активности. Зависимость КНР от экспорта, по мнению Анисимова, преувеличена. Так, в 2008 г. валовой доход предприятий, включая государственные, составил 43,9 трлн юаней (9–11 трлн долл. считая по паритету покупательной способности юаня), в то время как экспорт промышленной продукции в 2008 г. составил лишь 1,35 трлн долл. Более того, экспортное производство КНР “отделено” от остальной экономики, поскольку более 60% его производится в рамках СП.

Реальный ВВП Китая, по мнению Анисимова, отличается от публикуемых цифр — составляет ныне не менее 50 трлн юаней. В КНР ежегодно вводятся дополнительные энергетические мощности превышающие прирост в остальном мире. Стали Китай производит 568 млн т (США — 58 млн т). Цемент — 1630 млн т, (США — лишь 70 млн т). По мясу Китай опережает США вдвое. Коснувшись споров о реальном курсе юаня, ученый отметил, что в США существуют оценки 29 и даже 50 центов за юань. Исходя из таких оценок, получается: ВВП Китая составляет не менее 25 трлн долл. (тогда как в ВВП США — лишь 14–15 трлн). Капиталовложения в промышленность у КНР в пять раз выше, чем в США. Кстати, еще в 1975 г. китайский ВВП оценивался независимыми учеными в 50% от ВВП США, пятью годами позже — в 69%, а в 1987 г. — на уровне 97%. Получается, что уже сейчас Китай вправе считаться мировым лидером по ВВП и что его реальная экономическая мощь равна сумме экономик США и Евросоюза. Естественно, что гигантской экономике присущ гигантский экспорт, но в настоящее время экспортная ориентация Китаю уже не нужна. Ныне КНР меняет модель экономического роста, что и остальной мир поставит перед необходимостью замены модели.

К.э.н. **О.Н. Борох** остановилась на трактовке теоретических аспектов антикризисной политики китайскими экономистами. В центре их внимания — проблемы, связанные с изменением места Китая в мировой экономической системе в результате кризиса. Обсуждаются возможности экономической науки в предсказании кризиса, объяснении текущей фазы развития китайской экономики, оцениваются результаты применения разных теоретических концепций в разработке антикризисных программ.

Причинам возникновения кризиса в мире и роли Китая посвятил выступление к.э.н. **С.П. Савинский**. Он напомнил о комплексе мер, предпринятых Китаем во второй половине 2007 г. по прекращению инвестиций из своих валютных запасов в ценные бумаги США (по меткому замечанию помощника Торгового представителя США, Китай представлял собой “банк для США”, финансирующий их экономику). Появление альтернативных источников инвестиций из стремительно растущих валютных запасов КНР (евробонды, инвестиции в реальный сектор) повлекло сокращение покупок казначейских облигаций США.

Американские эксперты из Центра стратегических и международных исследований (The Center for Strategic and International Studies), и Института мировой экономики (The Institute for International Economics) еще в 2006 г. пришли на основе данных за 2000–2005 гг. к выводу: “Любое сокращение закупок Китаем американских облигаций станет причиной увеличения внутренних процентных

ставок в США, что повлечет резкое падение цен на недвижимость... Предположительным эффектом от сокращения покупок американских облигаций Китаем станет сокращение инвестиций и потребления, что может повлечь спад в США". В западной печати появились утверждения, что Китай накапливает "финансовое оружие" против США.

Со своей стороны, денежно-кредитный сектор КНР чреват притоком "горячих денег": из-за роста курса юаня сюда хлынул спекулятивный капитал, достигший к 2008 г. от 0,5 до 1,8 трлн долл. Отток грозит кризисом фондовому, валютному рынкам КНР, рынку недвижимости.

Д.э.н. Л.И. Кондрашева, сосредоточившая внимание на проблематике ревальвации юаня, разделяет мнение, что первопричиной мирового кризиса следует считать перепотребление в США, которое упорно принуждает другие страны финансировать их внешний долг, используя особое положение доллара как резервной валюты. Кризис показал, что современная мировая система перестала соответствовать экономическим и политическим реалиям развития и предрасположена к спекулятивным взрывам. Однако в США крепнет желание свести причины платежного и бюджетного дефицитов к занижению курса китайской валюты.

Еще в 2004 г. американский сенат предложил законопроект "О свободной торговле с Китаем", поставив вопрос о переговорах с Пекином по ревальвации юаня и введению плавающего курса. При этом утверждалось, что Пекин, занизив стоимость юаня на 15-40%, субсидирует американский импорт китайских товаров, повышая издержки американских экспортеров в Китай. Под давлением извне Китай в 2005 г. ввел "ограниченно плавающий курс", ревальвировав юань на 2,1%. За 3 следующих года курс юаня повысился с 8,2 до 6,83 юаней за доллар, что эквивалентно суммарной ревальвации на 17,7%. В середине 2008 г., когда развернулся финансовый кризис, курс был снова зафиксирован, составив в декабре 2008 г. 6,88 юаней за доллар.

Сейчас Китай твердо держится линии на сохранение официально установленного паритета. Ревальвация имела бы особую опасность на понижательной фазе экономического цикла и во время кризиса (что и наблюдается сейчас). За ревальвацией обычно следует рост процентных ставок, и юаневые потери долларовых счетов предприятий толкали бы их к банкротству. Китай, впрочем, не отрицает необходимости либерализации валютного режима для постепенного достижения конвертируемости юаня. Пока же он все более позиционируется в роли азиатской резервной валюты.

В ряде выступлений доказательно показана роль инвестиционных факторов в стратегии борьбы с проявлениями мирового кризиса. Так, д.э.н. Л.В. Новоселова подробно проанализировала, как посредством бюджетных вливаний, огромных банковских кредитов, стимулирования внутреннего спроса обеспечивались благоприятные результаты развития КНР в 2009 г. Возникали и определенные проблемы на рынке капитала. Успешное их преодоление — важнейшая задача 2010 г. Китай внес весомый вклад в рост мировой экономики (по оценке Новоселовой, не менее 50%). Применяя те же рычаги, что и другие страны (понижив ставки по кредитам, увеличив инвестиции), сделал это быстро и целенаправленно, мобилизовав огромные ресурсы. Рост произошел за счет госинвестиций (ранее лидировал частный сектор). Но двукратное увеличение кредитов (как и отмена их квотирования) небезопасны для банковского сектора.

Китайский фондовый рынок преимущественно изолирован от международных финансовых потоков ввиду политики ограниченной конвертируемости

юаня и закрытого счета капиталов, отметил к.э.н. **И.В. Вахрушин**. Тем самым биржевой рынок ценных бумаг Китая в значительной мере защищен от международных финансовых потрясений. Но масштабная рецессия китайского рынка акций началась еще до мирового кризиса, будучи обусловлена, в основном, внутренними факторами (ключевым был “пузырь” фондового рынка, спровоцировавший массовую продажу акций на фоне психологических ожиданий обвала котировок). По ходу мирового кризиса крупные финансовые институты КНР (в основном коммерческие и инвестиционные банки, чьи акции котируются на фондовых биржах Китая) понесли значительные убытки (около 300 млрд долл.) из-за списания их вложений в ипотечные и прочие корпоративные ценные бумаги проблемных эмитентов США. С начала 2009 г. на фондовом рынке КНР начался восходящий тренд, чему способствовала эффективная антикризисная программа правительства. Основные фондовые индексы поднялись за 2009 г. почти на 100%.

К.э.н. **В.В. Жигулева** осветила политику китайского руководства по преодолению последствий спада внешней торговли и расширению потребительского рынка. В 2009 г. основная задача экономики КНР состояла в сохранении высоких темпов прироста (как обязательного условия трудоустройства). Сокращение объемов внешней торговли на 20% неизбежно повлекло соответствующее сокращение занятости в экспортных отраслях. Требовалось решить задачу переориентации части внешнеторговой продукции на внутренний рынок.

Китай, как отметила главный научный сотрудник ИДВ, д.э.н. **Э.П. Пивоварова**, понес от финансового кризиса меньшие потери, чем другие страны мира. Здесь успешно решается главная социальная проблема — трудоустройство: в расходной части бюджета на 2009 г. было заложено 42 млрд юаней на обеспечение занятости. Вводилась система социального страхования среди широких слоев населения. По словам Пивоваровой, правительство КНР проводило антикризисные меры столь же мудро, как и всю реформу в предшествующий период. Рост безработицы среди сельского населения и выпускников вузов был высоким, но руководству КНР удалось удержать его на уровне 4%.

Аспирант ИДВ **Ю.А. Мамаева** отметила: в 2010 г. бюджетная политика Пекина направлена на расширение внутреннего спроса, но при этом налицо снижение доли сельского хозяйства в росте ВВП до 5%. По ее мнению, есть взаимосвязь между снижением ставки рефинансирования в США, с одной стороны, и ростом потребления, последовательным снижением ставок по кредитам в КНР — с другой. Во всех антикризисных мерах налицо контроль за ростом экономики и ценами.

К.э.н. **В.В. Чуванкова**, специализирующаяся на проблематике частного предпринимательства в КНР, отметила, что по отношению к этому сектору там неизменно применяется льготная налоговая и кредитная политика. Благодаря господдержке многие средние и малые предприятия даже в кризисный период сохранили положительную динамику. Общее число занятых на 3-й квартал 2009 г. достигло 150 млн (рост на 13,2 млн чел. по сравнению с концом 2008 г.). Более 90% новых рабочих мест появилось именно в частном секторе. В 2008 г. на поддержку среднего и малого бизнеса из центрального бюджета было выделено 3,5 млрд юаней, в 2009 г. — еще 9,6 млрд юаней.

Социальная сфера КНР не свободна от проблем, что показала к.э.н. **Е.С. Важеннова**, анализируя системы социальной поддержки пожилых людей и социальной поддержки сельских семей. Начало было положено еще в 2004 г. — пилотным проектом в пяти западных провинциях (при охвате 297 тыс. чел.). Год спустя

подключились еще 18 провинций (охват возрос до 941 тыс чел.). В 2006 г. число получателей субсидии из государственного фонда достигло 1 866 000 чел. (при возрасте всех участников выше 60 лет). Величина спецфонда составила 2006 г. 1,11 млрд юаней (163,2 млн долл.): из центрального бюджета поступило 476 млн юаней (70 млн долл.), из местных бюджетов — 634 млн юаней (93,2 млн долл.). Т.е. на каждого в год приходилось по 595 юаней (87,5 долл.). Как отмечается в тамошних СМИ, проблема пожилых — не в том, что “пирог” недостаточно велик, и не в обилии желающих “вкусить”, а в том, что ныне нет институциональных и социальных механизмов распределения “пирога”.

Годичным итогам антикризисной политики в аграрном секторе, мерам правительства в обеспечении продовольственной безопасности посвятила выступление эксперт в этой сфере, д.э.н. **Л.Д. Бони**. На экологии и задачах продовольственной безопасности заострили внимание к.полит.н. **Е.А. Фортигина** и к.э.н. **Е.И. Крапина**: именно в кризисном 2009 г. был достигнут рекордный в истории урожай — 530,8 млн т. Согласно статистике продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), Китай совершил качественный скачок в производстве и потреблении пищевых продуктов, занявший в западной цивилизации целое столетие. По замыслам руководства КНР, избранный комплекс мер позволит к 2020 г. повысить зернопроизводство до 540 млн т, удвоив чистые доходы крестьян в сравнении с 2008 г. с расчетом достичь среднемирового уровня потребления, нарастить производство продовольственных ресурсов до высших мировых показателей. Аспирантка **Л.А. Волкова** рассмотрела антикризисную политику руководства КНР по отношению к социальной сфере села. Аграрный сектор лидировал по приросту инвестиций, поднятых в 2009 г. до 49,9% в сравнении с 2008 г. Упор был сделан на расширение внутреннего рынка и на претворение в жизнь проектов, обеспечивающих рост занятости и доходов в сельских районах. Прирост среднедушевого дохода крестьян в 2009 г. составил 8,5%, удалось обеспечить работой большую часть крестьян, вернувшихся в деревни в связи с закрытием из-за кризиса ряда предприятий в городах.

Об опыте антикризисной политики в промышленности, формировании условий для технологического рывка китайской индустрии говорила к.э.н. **З.А. Муромцева**. Мировой кризис предоставил КНР “уникальный шанс”. Вопреки зависимости от внешних факторов КНР, сыгравшая в 2009 г. роль “двигателя” для мировых рынков топлива, сырья и капиталов, может затормозить в последующие годы свое развитие или, напротив, вызвать слишком высокий рост. Оба варианта чреватые угрозами для стабильности мировой экономики.

Как важнейшее средство вывода страны из кризиса квалифицировал к.э.н. **С.Л. Саонов** масштабное транспортное строительство. Если в 2007 г. инвестиции в прокладку железных дорог составляли 180 млрд юаней, а в 2008 г. — 330 млрд юаней, то в 2009 г. планировалось потратить 600 млрд юаней (87,9 млрд долл.). Увеличение объемов финансирования способствовало созданию в 2009 г. 6 млн новых рабочих мест, формированию спроса на 20 млн т стали и 120 млн т цемента, технического оборудования и подвижного состава. Так, на сооружение скоростной пассажирской железной дороги Пекин—Шанхай в 2009 г. было выделено 60 млрд юаней (8,8 млрд долл.). В начале 2009 г. на ней работало 600 тыс. строителей.

Аспирант ИДВ **К.И. Малютин** проанализировал состояние нефтяной промышленности КНР в условиях мирового кризиса. Аспирант ИДВ **М. Шинкин** отметил, что Китаю уже удалось войти в элиту мировых автомобильных держав,

став с января 2009 г. ведущим в этой сфере рынком. За короткое время он создал одну из самых мощных, современных и разнообразных по структуре автомобильных отраслей в мире. Государство поощряет объединение предприятий внутри страны, как и создание промышленных альянсов, поглощений за рубежом. Аспирант ИДВ **Шао Жань** осветил основные аспекты влияния мирового кризиса на состояние госпредприятий КНР. Антикризисным мерам правительства, проблемам разных отраслей промышленности с упором на нефтехимию посвятил свое выступление аспирантка ИДВ **Чжао Сюэцзюань**, отметив наличие потерь в промышленном производстве и охарактеризовав пути, предполагающие восстановление и рост промышленности в 2010 г.

К.полит.н. **П.Б. Каменов** и аспирант ИДВ, аналитик компании “Рособорон-экспорт” **А.Н. Басов** осветили проблематику ВПК и освоения космоса. В рамках программы стимулирования производства в этих сферах правительство КНР выделило в январе 2009 г. трем ведущим корпорациям кредиты на общую сумму 60,1 млрд долл. В том числе, авиастроительной — 36,7 млрд, двум судостроительным — 23,4 млрд. Плюс к тому, группа в составе 10 принадлежащих государству банков подписала соглашение с Китайской авиастроительной корпорацией о выделении кредитной линии в размере 176 млрд юаней (25,7 млрд долл.). Что касается космической отрасли, то в нее правительство вкладывает ежегодно по 10–15% бюджета NASA, составляющего 17–20 млрд долл.

Для совершенствования своего авиапрома Китай практикует приобретение иностранных компаний. Так, авиационная компания г. Сиань и частная компания Advanced Treasure Ltd. из Гонконга приобрели 91,25% акций австрийской компании Fischer Advanced Composite Components (FACC), специализирующейся на изготовлении агрегатов самолетов из композиционных материалов. Будучи заинтересована в развитии национального вертолетостроения, КНР ведет в рамках проекта AHL (Advanced Heavy-Lifter) работу с холдингом “Вертолеты России” по созданию нового тяжелого вертолета взлетной массой около 30 т.

Ныне Китай развивает линейку истребителей пятого поколения в двух модификациях: с вертикальным взлетом и в палубном варианте для использования на авианосцах, ведутся работы по созданию стратегического бомбардировщика, способного нести ядерные, обычные и кластерные бомбы, крылатые ракеты, ракеты класса “воздух—воздух”. Уделяется внимание и беспилотным летательным аппаратам. Китай пытается разработать клоны таких аппаратов, как израильский Heron, американский Predator. В ноябре 2009 г. состоялся первый полет китайского беспилотника. Начало их малосерийного производства запланировано на 2010–2011 гг., на вооружение поступят через 2–3 года.

Одновременно строятся авианосцы с паротурбинными энергоустановками. Таковых до 2016–2020 гг. планируется построить три (1-й — уже в 2010 г.). В ближайшие 5 лет Китай намерен создать стратегические авиационные и военноморские силы, по техническому уровню приближающиеся к вооруженным силам США, и перейти к политике присутствия в различных регионах мира (подобно проводимой Вашингтоном), разместив авианосные группировки в Индийском океане, у восточных берегов Африки и в районе Персидского залива, обеспечивая безопасность транзита углеводородного и иного сырья, сельхозпродукции.

У КНР ныне может появиться шанс обогнать Россию и США в создании перспективной ракетно-космической техники. Разрабатывается парк совершенно новых ракет-носителей “Чанчжэн-5” и “Чанчжэн-6”, которые будут готовы к старту в 2013 г. До 2015 г. предполагается создать систему наблюдения за поверх-

ностью Земли. Тогда же Китай намерен поставить под свой контроль 10% мирового рынка коммерческих спутников и 15% мирового рынка коммерческих запусков космических кораблей. Ожидается, что в конце 2010 г. будет запущена первая китайская космическая лаборатория “Тяньгун-1”, представляющая собой модуль, год спустя начнется строительство орбитальной космической станции. В 2012 г. предусмотрен запуск лунохода, в 2017 г. — возвращаемого зонда для сбора грунта. Не позднее 2024 г. намечено “прилунение” человека. Есть и планы исследования Марса.

Итак, в условиях мирового финансового кризиса правительству Китая удалось не только сохранить в полном объеме научную и производственную базу национального авиационно-космического комплекса и связанных с ним отраслей промышленности, но и путем целенаправленной политики реструктуризации и финансирования обеспечить его технологическое развитие.

В Китае складывается новая схема региональной экономики, строительство которой расценивается как приоритетное. Об этом докладывала аспирантка ИДВ О.С. Семенова. Влияние финансового кризиса на экономическое развитие западных территорий КНР, по ее словам, оказалось ограниченным. По предварительным данным, темпы прироста экономики этого региона составили в 2009 г. 11,5–12,5%. Центральное правительство в 2009 г. инвестировало 468,9 млрд юаней в строительство 18-ти ключевых проектов. Совершенствовались скоростные транспортные пути, возводились аэропорты — все это стимулировало создание новых рабочих мест. Комплексом антикризисных мер предусматривается и ускоренное развитие здравоохранения, культуры, образования.

Выступление к.полит.н. А.В. Бондаренко было посвящено особенностям современного развития Синьцзяна, анализу его внутри- и внешнеэкономического развития. Не обойдены вниманием и беспорядки, имевшие там место в июле 2009 г., их последствия для экономического развития региона. Аспирантка В.О. Намжилова рассказала о состоянии экономики Внутренней Монголии. По предварительным расчетам, в 2009 г. объем ВВП этого автономного района превысил 970 млрд юаней (на 17% больше, чем годом ранее). Но кризис сказался на опорных отраслях: энергетике, металлургии, химической индустрии; почти на четверть упал объем внешней торговли.

К.и.н. М.В. Александрова говорила о “серых таможенных схемах”, закрытии Черкизовского рынка. “Серая растаможка” вызывает озабоченность и у Китая, и у России. В выступлении с.н.с. П.В. Трощинского, затронувшего торгово-экономическое сотрудничество РФ и КНР, было раскрыто разрушительное воздействие финансового кризиса на взаимодействие в строительной отрасли.

По оценке экспертов, “финансовый кризис выпустил на свободу инвестиционный потенциал КНР” — об этом говорила н.с. Т.Г. Терентьева. В 2008 г. объем китайских прямых инвестиций за рубежом более, чем удвоился в сравнении с 2007 г.: с 26,5 млрд до 55,9 млрд долл. Это произошло на фоне сокращения за тот же период объема мировых ПИИ: в результате удельный вес Китая увеличился с 1,4% до 3,3% — его позиции в рейтинге экспортеров капитала неуклонно улучшаются. В 2008 г. по этому показателю вышел на 11 место в мире (в 2007 г. был 13-м, в 2005 г. — 17-м, в 2004 г. — 28-м).

Быстрый рост инвестиций стал возможен благодаря сочетанию внутренних и внешних факторов. Прежде всего, это — наличие у КНР огромных золотовалютных резервов, объем которых уже превысил 2 трлн долл. Росту китайских инвестиций за рубежом способствовали и такие последствия финансового кризи-

са, как резкое падение цен на природные ресурсы, снижение стоимости акций, банкротство компаний, кризис с ликвидностью.

Возникшие у Китая возможности приобретения зарубежных активов неоднозначно воспринимаются в мире. Некоторые компании стали лояльнее к деньгам Китая, ибо доступ к заемному капиталу ухудшился, стало непросто изыскивать средства для рефинансирования. Другие опасаются его возрастающего влияния, расценивая крупные сделки как угрозу безопасности. Так или иначе, объем зарубежных инвестиций КНР будет, как ожидается, возрастать.

Ученый секретарь ИДВ, к.и.н. А.А. Козлов затронул ситуацию в Сянгане, отметив, что анклаву удастся успешно преодолевать кризис благодаря мощной поддержке континентального Китая (кстати, ВВП столь малой территории сопоставим, как ни парадоксально, с ВВП... Украины).

Зав. отд. Информац. технологий А.В. Пиковера и к.и.н. Т.Л. Дейч проанализировали деятельность Китая в Африке. В 2008 г. его товарооборот со странами континента впервые превысил “планку” в 100 млрд долл. Главный его торговый партнер здесь Ангола, объем торговли с которой оценивался в 2008 г. в 25,3 млрд долл., на втором месте — ЮАР (17,8 млрд). Далее следуют Судан, Нигерия. Основной объект китайских интересов — энергоресурсы. Как отмечалось в Докладе Всемирного Банка за 2008 г., нефть определяет характер африканского экспорта в Китай; в следующие 5–10 лет на долю Китая будут приходиться до 40% экспортируемых из Африки углеводородов. Основной источник для Пекина — Ангола, на которую приходится 28% его нефтяного импорта. Объект интереса КНР — и минеральные ресурсы: медь в Замбии, кобальт и медь в Демократической Республике Конго, марганец и золото в Кот д’Ивуар, железная руда в Либерии, урана — в Нигерии. Финансовый кризис вынудил многие западные компании сократить здесь инвестиции, и КНР спешит заполнить ниши (хотя в 2009 г. ее инвестиции там несколько сократились). Китай списал 150 долгов стран Африки, заключил двусторонние соглашения о помощи с 48 странами, предоставил займы 22 странам и не прочь увеличить к концу 2009 г. помощь на 200% в сравнении с 2006 г. Он ссудит странам Африки 10 млрд долл. под низкие проценты, 1 млрд долл. — на займы для малого и среднего бизнеса и спишет оставшиеся долги наименее развитым странам континента.

* * *

Из материалов конференции проистекает высокая, в целом, оценка антикризисной политики китайского руководства, прогнозы относительно перспектив экономики КНР, в основном, благоприятны. Привезены примеры положительного опыта. Отмечены и нерешенные проблемы, факторы риска, требующие дальнейшего углубленного анализа.

Научная конференция Центра политических исследований Китая ИДВ РАН

"Внутренняя политика КНР: история и современность" — на эту тему в ИДВ РАН в начале марта с.г. прошла 34-я научная конференция Центра политических исследований Китая (ЦПИК). Присутствовало около 50 чел. — экономисты, философы, историки, юристы из многих научных учреждений, включая молодых ученых и аспирантов из ИСАА МГУ, МГЮА, МПГУ.

Открыл конференцию заслуженный деятель науки РФ, д.ю.н., проф. Л.М. Гудошников (бессменный председатель ее оргкомитета с 1970 г., стоявший у истоков развития историко-политологического и политико-юридического направлений работы ИДВ). Он отметил актуальность идентификации современного образа Китая, сочетаемой с новыми подходами к его историческому наследию.

Доклады и сообщения группировались по шести направлениям: "Внутренняя политика", "Административно-правовые вопросы", "Социально-демографические проблемы", "Проблемы охраны окружающей среды и экологическая политика", "Проблемы Тайваня и китайской диаспоры", "История и историография".

Первому из них было посвящено 11 докладов. Д.э.н., проф. В.Я. Портяков сосредоточил внимание на анализе ряда важных аспектов самоидентификации Китая как ответственной глобальной державы. Ответственность, принимаемая Пекином, должна, согласно его выводам, охватывать не только внешнеполитические действия, но и основные направления внутренней политики. Демографии принадлежит одно из первых мест. Обеспечение огромному населению страны права на существование и развитие есть высочайшая ответственность. Пекин несет ответственность и за реализуемую им модель экономического роста. Немаловажный аспект глобальной ответственности также — качество и успешное функционирование политических институтов КНР, выполнение задач защиты прав человека. Подобный императив обусловлен и масштабами страны, и тем, что важные внутрикитайские процессы вызывают широкий международный резонанс, нередко оказывая воздействие на другие страны. Коснувшись влияния Запада на процесс становления Китая как ответственной глобальной державы, докладчик отметил: западное понимание этой ответственности подразумевает улучшение ситуации с правами человека в китайском обществе в направлении более четкой ориентации не на собственные представления и даже традиции, а на признанные международные стандарты и нормы. Внутренняя ответственность Китая, таким образом, служит основной для несения им определенной международной ответственности, причем первая важнее второй, будучи "ключом" к надлежащему соблюдению комплексной ответственности Китая.

В докладе по проблематике современных политических механизмов КНР, д.полит.н. А.В. Виноградов отметил, что экономический взлет Китая, согласно логике экономического детерминизма, уже очень скоро может породить повальную

моду на все китайское, в т.ч. заимствование китайской политической системы. И тогда универсальную ценность демократии заменит превосходство просвещенного авторитаризма. Уже в 1990-е гг., когда Китаю удалось уберечь свою политическую систему от потрясений, аналогичных восточно-европейским, проблемы нового авторитаризма привлекли внимание и в Китае, и на Западе, хотя оставались в целом отвлеченной, практически не связанной с мировыми реалиями и развитием Запада темой. Сейчас ситуация изменилась. Если 15 лет назад дискуссии о новом авторитаризме в Китае были сугубо страноведческими, без увязки с крупными мировыми тенденциями, да и сама система находилась в стадии формирования, то сейчас она, не имея мирового значения, уже обрела мировое звучание.

Аспирант ИДВ А.Ч. Мокрецкий, коснувшийся внешнеполитического аспекта концепции научного развития, констатировал, что влияние Китая на мир и его роль в мире продолжают возрастать, а изменения международной среды все больше влияют на развитие Китая. Для построения общества "малого благоденствия" и осуществления внутренних реформ Китай нуждается в обеспечении мирного окружения, основными характеристиками которого были бы, по определению Ху Цзиньтао, мир, стабильность, гармония и сотрудничество.

Развернутую аргументацию решений сентябрьского (2009 г.) пленума ЦК КПК представил к.и.н. Д.А. Смирнов в докладе "Новый этап усиления партийного строительства и борьбы с коррупцией в КНР". В центре внимания пленума стояли вопросы соответствия правящей партии требованиям эффективного управления государством в "новой обстановке", ибо по мере успешного претворения в жизнь политики реформ и открытости выявился и ряд проблем, ослабляющих силу КПК. Решения пленума нацелены на повышение ее руководящего потенциала путем ужесточения партийной дисциплины и совершенствования стиля работы с соблюдением демократических норм и законов, дальнейшее укрепление низовых парторганизаций города и села, реформирование кадровой системы. Ключевым моментом в подготовке кадров становится создание динамичного механизма их подбора и использования. Акцент ставится на воспитании кадровых работников. Важной политической задачей КПК объявлена борьба с коррупцией, которая, по мнению докладчика, вызывает у руководства КПК особое беспокойство, ибо подрывает авторитет правящей партии как руководящей силы китайского общества, легитимность ее правления, препятствуя выполнению ее руководящей миссии.

В сообщении о взглядах Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина на партийную систему КНР и их развитие после 1997 г. в политической теории КПК аспирант МПГУ Юй Хунцзэн затронул проблемы понимания института многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством КПК. Сравнивая взгляды обоих лидеров, автор отметил: Мао Цзэдун акцентировал внимание на том, что формой данного института является единый фронт, а Дэн Сяопин обосновывал принадлежность его к другим политическим институтам КНР.

На идейно-пропагандистских аспектах внутренней политики сосредоточились несколько выступающих. Так, доклад д.и.н. А.В. Ломанова "Внутриполитические споры в КНР и их международный резонанс" был посвящен вынесенному китайским судом в декабре 2009 г. приговору Лю Сяобо к 11 годам тюрьмы за "подстрекательство к свержению политической власти государства", вызвавшее значительный отклик за рубежом. На фоне заметного ухудшения отношений между Китаем и США, наблюдавшегося в начале 2010 г., весьма вероятно повышение в обозримом будущем внимания администрации Б. Обамы к внутриполи-

тическим проблемам КНР, и дело Лю Сяобо может послужить предлогом для наращивания давления на Китай. Усилиями западных властей и неправительственных организаций Лю Сяобо имеет шансы превратиться за рубежом в персонафицированный символ китайской оппозиции. Важную роль сыграла обнародованная в конце 2008 г. «Хартия 08», представившая всеобъемлющую программу политической трансформации Китая на основе расширения гражданских прав и свобод, перехода к многопартийной системе и федерализму. Этот документ получил большую известность за пределами КНР. Зарубежная поддержка Лю Сяобо выглядит как косвенное поощрение подготовленной им программы демонтажа нынешней системы власти, а суровость приговора свидетельствует о стремлении властей КНР не допустить попыток дестабилизации в условиях мирового финансового кризиса и подготовки к предстоящей в 2012 г. смене китайского руководства. Усложнение экономической ситуации внутри страны может усугубить опасность организованного проявления политического недовольства.

К.э.н. **О.М. Борох** остановилась на развернутой в начале 2009 г. кампании по активизации пропагандистской работы в условиях негативного воздействия мирового кризиса на китайскую экономику с целью обоснования в глазах населения правильности официального курса преобразований. Руководящая роль марксизма или плюрализм руководящих идей; специфический китайский социализм либо демократический социализм и капитализм; ведущая роль в экономике общественной собственности при многообразии форм собственности либо приватизация или тотальное господство общественной собственности; система собраний народных представителей или западная модель разделения трех властей; китайская система многопартийного сотрудничества или многопартийность западного типа, продолжение реформ или отступление назад — вот «шесть главных вопросов», которые были сформулированы в качестве дилеммы выбора между правильной и ошибочной позициями. Затронутые в ходе кампании взгляды относятся к разным идейным течениям, заявившим о себе в 2000-е гг. Власти попытались обозначить ограничительные линии по ключевым вопросам с учетом проблем, которые обсуждают внутри Китая на неофициальном уровне. Опубликованные материалы призывали к поддержанию политической стабильности, к отказу от радикальных преобразований системы государственной власти, к сохранению сложившихся за время существования КНР специфических механизмов народного представительства и политических консультаций.

В докладе «Китайские политологи о концепции «суверенной демократии» к.ю.н. **В.Ф. Бородич** охарактеризовал оценку некоторыми китайскими политологами идеи «суверенной демократии», вокруг которой консолидируется часть российской политической элиты и экспертного сообщества, раскрыв политическую и научную составляющие указанной оценки. Сопоставляя российские и китайские точки зрения, докладчик проанализировал понимание китайскими политологами места и роли данной концепции в политическом процессе современной России.

Остановившись на ряде дискуссионных статей в китайских СМИ по проблемам образования китайской нации, к.г.н. **Г.Д. Бессарабов** отметил, что эти дискуссии проходят на фоне призывов к соблюдению и укреплению позиций марксизма-ленинизма, раскрепощению и освобождению сознания, китаизации марксизма. Обращается внимание на основополагающий принцип общественных наук в Китае — неуклонное следование марксистской идеологии. Большинство китайских этнографов, историков и обществоведов ссылаются на статью Фэй Сяотуна «Чжунхуа миңьзу — единство в многообразии», считая, что *чжунхуа*

миньцзу — это единая китайская нация. По оценке докладчика, это понимание близко к тому, как в свое время в СССР сложилась исторически новая социальная общность — советский народ. Обсуждается и проблематика образования ханьской нации. По мнению некоторых участников дискуссии, выражение *миньцзу* можно трактовать одновременно и как нация, и как народность (*буцзу, цзуюнь*); можно говорить и об этнических группах *хань*, монгольской, тибетской, *хуэй*. Все эти народности образовали нацию — *чжунхуа миньцзу*. Ханьцы (*ханьцзу*) являются структурообразующей народностью. По мнению ряда ученых, термины *нация, национальность, этническая группа* нуждаются в осмыслении. Как отметил докладчик, проблемы образования собственно ханьской нации и нации *чжунхуа миньцзу* еще остаются дискуссионными, при этом налицо попытки внести вклад в учение о нациях с позиций китайской специфики.

Эволюции взглядов позиций Далай-ламы и китайского руководства по тибетскому вопросу в период 1959–2010 гг. посвятила выступление к.и.н. Т.В. Лазарева. “Тибетский вопрос” как проблема тибетской эмиграции возник в 1959 г. после бегства на территорию Индии далай-ламы и примерно 80-ти тысяч тибетцев. Там было создано “правительство Тибета в изгнании”. Китайское руководство регулярно вело переговоры, добиваясь прекращения любой политической деятельности эмиграции, носящей ярко выраженный антикитайский характер, и возвращению далай-ламы. Позиции сторон с годами претерпевали изменения. В настоящее время далай-лама настаивает на предоставлении более широкой автономии Тибету в составе Китая, тогда как Пекин требует от него прекращения раскольнической деятельности, признания Тибета и Тайваня неотъемлемыми частями китайской территории, а правительства КНР — единственно законным правительством, представляющим интересы Китая. В СМИ постоянно подчеркивается, что Китай “держит открытыми” каналы для контактов с тибетскими соотечественниками за рубежом. При этом Пекин категорически выступает против встреч политических деятелей зарубежных стран с далай-ламой, расценивая это как вмешательство во внутренние дела КНР.

В докладе с.н.с. Т.Г. Герасимовой освещена проблема социально-политической стабильности в китайском обществе как императива внутренней политики Китая. Сделан вывод, что несмотря на влияние мирового финансового кризиса и его последствий китайскому руководству удалось в целом стабилизировать ситуацию в стране.

Следующий блок из 9 докладов касался административно-правовой проблематики. Л.М. Гудошников рассмотрел специфические черты конституционного законодательства КНР в особых автономиях — Сянгане и Аомэне, представляющих собой уникальное государственно-правовое образование. Будучи частями унитарного государства, они обладают беспрецедентной автономией, в компетенцию которой не входит лишь руководство вооруженными силами и внешней политикой (сохраняя при этом за собой регулирование въезда в районы и выезда из них). На их территории не действует Конституция КНР, однако, специальными актами введены некоторые конституционные положения. Конституционную роль в ОАР играют их Основные законы, принятые ВСНП и, следовательно, составляющие часть конституционного права КНР. При этом существует резкое различие в политических системах КНР и ОАР, как и в их общественном строе. В особых автономиях, по сути, сохранились слегка модернизированные системы управления, существовавшие до перехода этих колониальных анклавов под суверенитет КНР. Структура управления ОАР и порядок формирования их органов, подчеркнул докладчик, определяется из центра. Специфично и формирова-

ние законодательной власти. Избирательные системы в ОАР построены так, что законодательные советы избираются гражданами лишь частично, что отвечает стремлению держать обстановку под контролем (властей ОАР, представляющих, в основном, интересы крупного капитала, как и центральных властей КНР). Специфика правовых систем Сянгана и Аомэня определяется их принадлежностью к различным системам права: прецедентного права англосаксонского типа в Сянгане и континентальной системы права в Аомэне. Постепенность преобразований обусловлена положением Сянгана как крупнейшего международного финансового, торгового и портового центра, чей правовой статус не подлежит изменениям по прагматическим соображениям.

По мере развития Китая как промышленно развитой державы там возникает естественная потребность в организации управления энергетическими ресурсами страны для обеспечения эффективного производства и энергетической безопасности, отметил в своем докладе м.н.с. **А.В. Ершов**. Анализируя процесс управления энергетической отраслью с момента образования КНР, он рассмотрел роль Государственного управления по энергетике при Комитете по делам реформы и развития и высказал прогнозы о возможных путях дальнейшей эволюции структуры органов управления отраслью в рамках системы "больших министерств".

Аспирантка МГЮА им. О.Е. Кутафина **О.О. Максимова** в сообщении "Институт главы государства КНР в различные периоды ее политической истории" проследила функционирование этого института на основе четырех конституций КНР (1954, 1975, 1978 и 1982 гг.). Конституцией 1982 г., с учетом опыта предшествующих лет, он был поставлен под контроль ВСНП. Теперь деятельность председателя должна вестись на основе конституции и законов ВСНП. Власть в КНР, как отмечено в докладе, концентрируется в трех центрах — политическом, партийном и военном, причем возглавляет эти центры, как сложилось в китайской политической доктрине, одно и то же лицо.

В.А. Сухомлинов, н.с., проанализировал участие КНР в международных соглашениях по морскому праву на глобальном (Конвенции ООН), региональном и двусторонних уровнях. Охарактеризовал нормативные акты КНР, регламентирующие институты морского права на национальном уровне, подробно осветив Кодекс торгового мореплавания КНР (1992 г.), систему специальных судебных органов КНР — судов по морским делам и деятельность Китайской морской арбитражной комиссии.

А.В. Шитов, перев., рассмотрел принятый в 1996 г. Закон КНР о военном положении. Он охарактеризовал порядок введения военного положения на территории всего Китая, на территории и части территорий отдельных провинций, автономных районов и городов центрального подчинения, дифференцированно изложив содержание мер, связанных с осуществлением военного положения. Как отмечено в докладе, данный закон является правовым инструментом пресечения массовых беспорядков, угрожающих государственной и общественной безопасности Китая, жизни, имуществу и безопасности граждан.

В докладе к.ю.н. **П.В. Трощинского** по проблематике экономической преступности подчеркнуто, что борьба с этим злом не может ограничиваться применением со стороны государства мер уголовного преследования. Она предполагает использование всей совокупности мер не столько уголовно-правового характера, сколько экономической, политической и нравственной направленности. Именно поэтому любое государство, не исключая и Китай, должно принимать комплекс превентивных мер. При рассмотрении уголовно-правового аспекта борьбы с экономической преступностью, в КНР, как явствует из выступления, можно выде-

лить следующие основные направления: борьба с изготовлением и сбытом поддельных и некачественных товаров; борьба с преступлениями против порядка сбора налогов и отмыванием денег; борьба с коррупцией; борьба с контрабандой; борьба с организованной преступностью; борьба с финансовыми пирамидами; борьба за выдачу иностранными государствами китайских граждан, совершивших экономические преступления на территории КНР.

В докладе “Хозяйственные преступления — фактор дестабилизации социальной обстановки в деревне” к.э.н. Л.А. Волкова показала, что рост масштабов хозяйственной преступности вызывает озабоченность, а в ряде случаев и протесты сельских жителей. Наиболее распространенными являются нарушения прав крестьян — в частности, мошенничество при составлении и выполнении договоров с крестьянами на реализацию произведенной продукции, на поставку орудий, техники, семян и удобрений; фальсификация их количества; использование при расчетах фальшивых денег; присвоение общественного имущества; незаконное лишение крестьян подрядных участков земли. В Китае отмечают настоятельную необходимость принятия правоохранительными органами более действенных мер для пресечения или хотя бы сокращения масштабов хозяйственной преступности на селе.

Д.э.н. Л.Д. Бони, оценивая опыт первых лет преобразования системы землепользования в рамках комплексной реформы по интеграции города и деревни квалифицировала это как главный путь решения аграрной проблемы и как неотъемлемую часть стратегии построения общества “сяокан”. Реформа системы имущественного права на землю (ведущаяся с 2007 г.) представляет собой, по мнению докладчика, центральное звено процесса интеграции города и деревни. Обеспечивая возврат крестьянам имущественного права на землю (права пользования коллективной землей) и превращая их в реальные субъекты рынка, это создает условия для обращения коллективной земли, ее капитализации, формирования масштабных хозяйств на земле, развития современного производства. Соответственно меняется сам характер коллективной хозяйственной организации, способы управления землей; возрастает активность крестьян. Эта реформа тесно связана с направляемыми процессами местной урбанизации и индустриализации нового типа, которые, в свою очередь, стимулируют процесс модернизации сельского хозяйства.

В сообщении к.и.н. В.Г. Ганшина была изложена история развития Интернета в Китае, насчитывающая около двух десятилетий. По количеству пользователей он уже вышел на 1-е место в мире (380 млн чел., что превышает все население США). Люди получили возможность виртуального общения, обучения, поиска информации, ее обсуждения на форумах и чатах в кибер-пространстве. Руководство КНР стремится содействовать тому, чтобы Интернет способствовал нормальному формированию и развитию гражданского общества, ограждая население от противозаконной деятельности хакеров, антигосударственных сил, ставя заслоны на пути преступной пропаганды, порнографии и экстремизма.

Социально-демографическую проблематику затронули три доклада. Так, д.э.н., проф. А.В. Островский проанализировал программу из десяти направлений Госсовета КНР, принятую в декабре 2008 г., в основу которой заложен стимулирующий пакет в 4 трлн ю. Эта программа, отметил он, носит в значительной мере социальный характер. Ее приоритеты: земледелие, повышение доходов сельян, создание инфраструктуры, освоение высоких технологий, строительство

*. К середине 2010 г. число пользователей Интернета в КНР возросло до 420 млн чел. — <http://russian.people.com.cn/31517/7067904.html> (Прим. ред.)

экономичного жилья, развитие транспортной сети, восстановительное строительство в пострадавших от землетрясения зонах провинции Сычуань, сокращение налогов на добавленную стоимость и пр. Наибольшую тревогу у китайского руководства вызывает безработица, растущая из-за разорения многих работающих на экспорт предприятий. Определяющие моменты при реализации программы: расширение внутреннего спроса — особенно, в сельских районах, где проживает более 800 млн чел., и борьба с безработицей. По оценке докладчика, в целом следует признать, что принятый руководством КНР план развития экономики на 2009 г. позволил ей уйти от наиболее серьезных последствий мирового финансового кризиса, не допустив перехода финансового кризиса в экономический, сохранить высокие по сравнению с другими странами темпы экономического развития.

В результате сорокалетних усилий, отмечено в докладе к.э.н. **Е.С. Баженовой**, Китай успешно нашел свой путь комплексного решения демографической проблемы: постепенно сформировалась система регулирования роста населения. С начала 1970-х гг. программы планирования семьи прошли три этапа. На первом доминировали строгие административные меры и различные социальные ограничения. На втором этапе они во многом определялись местными установками, постановлениями, ослаблением административных мер, были дополнены механизмами с учетом интересов населения. На третьем — центр тяжести при осуществлении программ стал переноситься на усиление законодательных мер, улучшение обслуживания и всестороннюю помощь участникам этих программ. Так, в 2004 г. началось введение системы социальной поддержки престарелых, участвовавших в программах планирования семьи в сельской местности. По мере проведения экономических реформ и политики контроля над рождаемостью, возникли новые проблемы: нехватка рабочей силы в городах и приморских районах, старение населения. Изменения, происходящие в структуре населения, заключает автор, не отменяют главной задачи, стоящей перед руководством страны, — обеспечение контроля за планированием рождаемости, рационального равновесия между численностью населения, запасами природных ресурсов и потребностями устойчивого экономического развития с целью построения общества “малого благоденствия”.

Аспирантка ИДВ **Е.Н. Степанова** представила сравнительный анализ женского политического представительства в странах и районах Восточной Азии и сужения гендерного разрыва, отметив в частности, что женщины по-прежнему не играют там главной роли в политике. Сохраняющееся гендерное неравенство в политическом представительстве является одной из основных проблем даже в таких высокоразвитых азиатских обществах, как японское, тайваньское, южнокорейское. В докладе отмечено, что возможности для продвижения женщин во власть, скорее всего, возрастут там, где наиболее активны женские движения.

Проблемы охраны окружающей среды и экологическая политика КНР рассматривались в двух выступлениях. К.э.н. **Е.В. Бирюлин** отметил обострение критики Китая как страны, ставшей главным продуцентом двуокиси углерода и одним из ведущих — по другим парниковым газам. В 2009 г. в связи с конференцией в Копенгагене внимание к этой проблеме возросло, вызвав дипломатические коллизии между Китаем и странами Запада. Согласно позиции Китая, на последних лежит основная доля вины, но такая позиция уязвима. Китайское руководство намерено существенно сократить выбросы. Так, в “Докладе о стратегии продолжительного развития Китая на 2009 г.” выдвинута цель: сократить до 2020 г. наполовину объем выбросов двуокиси углерода в расчете на единицу ВВП. Однако, по мнению зарубежных ученых, увеличение выбросов в Китае может за-

медлителься только после 2020 г., с максимумом около 2030 г. Подобный вывод усугубляется тенденциями роста некоторых важнейших отраслей китайской промышленности — прежде всего автомобильной, стимулирующей высокий уровень производства и в других отраслях. При этом принимаются серьезные меры по форсированному развитию технически передовых отраслей энергетики, ликвидации устаревших производств. По мнению Е.Н. Бирюлина, однако, китайская программа уменьшения использования “неэкологичных” энергоносителей не вполне реалистична, а долгосрочные перспективы реализации намечаемых экологических целей Китая расплывчаты.

Проблематику выхода Китая на лидирующие позиции как эмитента двуокиси углерода — главного компонента парниковых газов (около 20% мирового выброса) и результатов 1-го Всекитайского обследования источников загрязнения водной среды осветил н.с. И.В. Ушаков в своем выступлении “Экологический императив Пекина”.

Проблемам Тайваня и китайской диаспоры было посвящено шесть докладов. Говоря о выборах в местные органы власти и внутривластной борьбе на Тайване в 2009 г., выступила с.н.с. А.Л. Верченко. Она отметила ослабление позиций правящего Гоминьдана. Выборы отмечены множественными нарушениями, низкой явкой избирателей (особенно, сторонников Гоминьдана), снижением роли малых партий, увеличением процентной доли независимых кандидатов. Борьба между Гоминьданом и Демократической прогрессивной партией в течение всего года оставалась непримиримой, особенно по вопросу о расширении сотрудничества с Пекином и о подписании соглашения об экономическом сотрудничестве. В нынешней ситуации от Ма Инцзю требуется сосредоточить усилия на наведении порядка в своей партии, установлении рациональных отношений между ней и правительством, на проведении эффективных мер по восстановлению и развитию экономики, сокращению безработицы, максимальной защите экономических интересов Тайваня на переговорах с Пекином. Результаты этих усилий проявятся в декабре 2010 г., на заключительном этапе местных выборов.

В докладе “Китайские мигранты и политика Пекина” к.филол.н. А.Г. Ларин коснулся главной цели политики руководителей КНР по проблематике китайских трудовых мигрантов в России — обеспечить их стабильное, желательно растущее присутствие на российском рынке. Прежде всего, интересы Пекина касаются коммерсантов, в совокупности представляющих собой мощный канал сбыта китайских товаров, а также скупки и вывоза в Китай леса, металлолома, биоресурсов с российского Дальнего Востока. Немаловажное значение придается возможностям обеспечения занятости для нескольких сотен тысяч китайцев. Важное направление в политике Пекина, отметил докладчик, — борьба против трансграничной преступности, ведущаяся в сотрудничестве с российскими пограничными, правоохранительными и таможенными органами, включающая противодействие контрабанде, наркотрафику, нелегальным пересечением границы. Большим местом в двустороннем сотрудничестве уже много лет остается “серая растаможка”. Правительство КНР, по словам докладчика, категорически против использования серых схем таможенной очистки, требует от предпринимателей строгого соблюдения российских законов. В то же время китайские власти самым энергичным образом встают на защиту своих соотечественников в случаях ареста и конфискации товаров, а также постоянных посягательств на личные права мигрантов. Их принципиальная линия при этом: отстаивая интересы своих сограждан, не допускать разжигания страстей.

Аспирантка ИДВ **А.В. Афонасьева** подробно охарактеризовала опыт Китая в области привлечения квалифицированных кадров из числа зарубежных китайцев для работы в КНР: существует ряд программ и грантов, нацеленных на привлечение зарубежных ученых и квалифицированных специалистов китайского происхождения, организуются ярмарки вакансий для китайских выпускников зарубежных вузов, введена практика проведения в КНР конференций, форумов зарубежных китайцев. Практически все программы найма зарубежных китайских специалистов протекают вполне успешно, что во многом обусловлено состоянием экономической ситуации в Китае и в странах пребывания, т.к. главным фактором возвращения является не столько патриотизм, сколько экономический интерес. Реэмигранты подчас сталкиваются с острыми и трудно разрешимыми проблемами (такими, как социальное напряжение и недовольство местных кадров, сложность адаптации к условиям работы в КНР, получение регистрации), однако центральные и местные власти делают все возможное для улучшения условий труда и быта специалистов высшего уровня. По мнению докладчика, более чем 20-летний опыт Китая в данной области может быть полезен и для России.

В выступлении к.и.н. **Г.А. Степановой** на тему “Китайское студенчество за рубежом как часть китайской диаспоры” прослежены разноречивые тенденции отправки студентов на учебу в XX в. и причины, по которым количество уезжающих за рубеж возросло на стыке XX и XXI вв. Особо выделена проблема их возвращения на родину и трудоустройства.

В докладе к.и.н. **А.А. Козлова**, посвященном китайской диаспоре в США, отмечено, что в 2006 г. там числилось 3,3 млн этнических китайцев, или 1% всего населения. По численности они — на 4-м месте после общин в Индонезии, Таиланде и Малайзии. История китайской иммиграции в США имеет три периода: 1820–1882 гг. (время неограниченного въезда); 1882–1943 гг. (период действия закона от 1882 г. о запрете иммиграции из Китая); 1943 г. и далее (постепенное снятие ограничений на въезд иммигрантов). По мнению автора, из-за различий политических взглядов китайская община не может оказывать заметное влияние на формирование внешней политики США в отношении КНР.

Аспирантка ИСАА МГУ **А.А. Сергеева** проследила в своем докладе эволюцию политической линии КНР в отношении реэмигрантов в годы проведения политики реформ и открытости. Китайская диаспора, насчитывающая от 30-ти до 50-ти млн чел., — крупнейшая в мире. С конца 1980-х — начала 1990-х гг. процессы реэмиграции в КНР стали глобальным феноменом в силу множества факторов. В докладе рассмотрены политические институты, специализирующиеся на работе с реэмигрантами. Анализируются законы и подзаконные акты в различные периоды современной истории Китая, связанные с вопросом реэмиграции, сделан вывод об устойчивом развитии политической линии, направленной на разработку мер защиты реэмигрантов и хуацяо как важного стратегического ресурса страны.

Блок “История КНР и историография” представлен шестью докладами. В выступлении д.и.н., проф. **Ю.М. Галеновича** на примере фильма “Основание Республики”, снятого к 60-летию КНР известным режиссером Чэнь Кайгэ, показано, как современная китайская пропаганда интерпретирует исторический процесс образования КНР. Так, впервые в кинематографе акцент делался не только на беспощадной гражданской войне 1946–1949 гг., но и на огромной деятельности Мао Цзэдуна, работавшего со всеми политическими силами в Китае (включая лидеров Гоминьдана), не разделявших точки зрения Чан Кайши. Лейтмотивом прозвучало отношение авторов фильма к нашей стране: Мао Цзэдун самостоятельно совершил

революцию, создал КНР; Сталин не верил в победу КПК (о помощи со стороны СССР не упомянуто). Главная мысль, которую авторы стремились донести до зрителей: Китай велик, самостоятелен, будущее за Китаем.

В докладе “Переговорный процесс между Гоминьданом и КПК накануне гражданской войны 1946–1949 гг.” д.и.н. Н.Л. Мамаева детально охарактеризовала данный период истории Китайской Республики — время противостояния Гоминьдана и КПК, в котором последняя победила, выступив в роли партии национального спасения.

Тема противоборства группировок внутри Гоминьдана, неизменно вызывавшая большой интерес у китайских историков, получила освещение в выступлении к.и.н. А.Н. Карнсева. Введение в научный оборот большого массива новых источников и заметная либерализация историописания, наблюдаемая в последние годы, привлекает внимание к оценкам со стороны ученых КНР — особенно, относящихся к среднему и молодому поколениям. Некоторые историки считают справедливой формулу, что вся история “нанкинского десятилетия” была насыщена непрекращавшейся борьбой фракций и группировок внутри партии и правящего режима. В довоенный период внутривнутрипартийные конфликты и споры имели острый характер, причем противоречия в позициях оппонентов зачастую переходили к вооруженным столкновениям, так как оппозиционеры могли найти поддержку у располагавших самостоятельными вооруженными силами региональных правителей. При этом, констатируется в докладе, следует относиться с некоторой долей скепсиса к таким закрепившимся за теми или иными группами в Гоминьдане ярлыками, как “левые”, “правые”.

На основе новых зарубежных и отечественных публикаций к.и.н. И.Н. Сотникова охарактеризовала главные направления помощи Советского Союза образованной в 1949 г. Китайской Народной Республике — в особенности, ее экономической составляющей, помощи кредитами. Аспирантка ИСАА МГУ Е.Н. Брун сделала краткий обзор российских (включая и советский период), французских, англо-американских и китайских публикаций о положении интеллигенции в современном Китае. В сообщении аспирантки МПГУ Чжао Мэн представлены как положительные, так и критические оценки, дававшиеся руководством КНР исторической эпохе реформ от ее начала до настоящего времени. На основе анализа выступлений главных руководителей КПК на съездах, научных и пропагандистских публикаций последние шесть съездов КПК определяются как шесть периодов истории реформ.

Доклады и сообщения будут опубликованы в одном из выпусков Информационных материалов ЦНИД ИДВ РАН.

Китайско-японские отношения и политика Китая в отношении Японии в грядущем десятилетии*
Sino-Japanese relations and China Policy toward Japan in the Coming Decade, January, 2009 / Institute of Japanese Studies. Chinese Academy of Social Sciences. Peking, 32 с.

Анализ результатов китайско-японских переговоров на высшем уровне, начиная с 2006 г., в т.ч. визита в Токио в декабре 2009 г. заместителя председателя КНР Си Цзиньпина, свидетельствует о весьма инициативной позиции Китая в отношении Японии. Пекин стремится активно использовать благоприятную ситуацию для вовлечения Японии в более тесные отношения. Сближению сторон может способствовать мировой финансовый кризис, а также относительное ослабление позиций США в мировом сообществе, всесторонняя ориентация на которых остается одним из основных препятствий для проведения более самостоятельной линии в отношении Китая.

Институт исследований Японии Академии общественных наук КНР опубликовал в 2009 г. доклад, в котором дается развернутая оценка китайско-японских отношений за прошедшее десятилетие, определяются перспективы их развития в предстоящие десять лет и содержится анализ тенденций, характерных для внутривосточной обстановки в Японии.

В докладе отмечается, что на протяжении первого десятилетия XXI в. китайско-японские отношения характеризовались позитивными тенденциями, хотя сопровождалась многочисленными зигзагами и поворотами.

В ходе официального визита в мае 2008 г. в Японию председателя КНР Ху Цзиньтао было подписано совместное двустороннее заявление о всестороннем развитии стратегических и взаимовыгодных отношений".

Авторы доклада считают, что по сравнению с японо-американским альянсом, стратегические и взаимовыгодные интересы Китая и Японии представляют собой более низкий уровень сотрудничества: отсутствует общая идеология и стратегия в сфере обеспечения безопасности. К тому же, китайско-японские отношения не являются отношениями "соподчинения", которые существуют между США и Японией. Эти интересы предполагают развитие двусторонних отношений более низкого уровня, ориентированных на достижение не только прагматических целей. Китайские исследователи также полагают, что т.н. "стратегические и взаимовыгодные интересы" занимают положение "на подступах к преодолению

* Ответственный редактор Jiang Lifeng, в составе группы: Gao Hong, Zhang Jifeng, Wan Wei, Cui Shinguang, Lv Yaodong, Wu Haizhong, перевод — Sun Lingling.

порочного круга, в котором проявляется "историческая память" и действуют интересы безопасности". Они рассматривают их как переходную стадию к стратегическому сотрудничеству.

Говоря о перспективе развития китайско-японских отношений, авторы доклада отмечают, что они могут стабильно развиваться, преодолевая препятствия и трудности, однако многочисленные проблемы, возникавшие между Китаем и Японией в прошлом, могут возникать и в будущем. Между обеими государствами до сих пор сохраняется ряд серьезных противоречий.

По мнению авторов доклада, Япония проявляет обеспокоенность в связи с быстрым возрастанием мощи и влияния Китая в мире. В Токио опасаются, что Китай станет стратегическим соперником, в то время как Япония стремится стать полноценной великой державой. Из-за опасения, что ей придется иметь дело с Китаем в одиночку, Япония стремится сохранять японо-американский альянс в качестве стержня своей политики, в том числе и в сфере обеспечения безопасности.

Как отмечается в докладе, Китай является мировой державой на политическом уровне, но остается развивающейся страной, где сохраняется социалистическая система. Экономический потенциал КНР не является мощным, невелик военный потенциал, невысоки достижения в развитии передовых технологий. В свою очередь Япония — это экономическая, финансовая и технологическая держава с капиталистической системой. Ее военный потенциал зависит от потенциала США, и она до сих пор не обладает соответствующим ее экономическому потенциалу статусом. Эти различия между Китаем и Японией порождают структурный дисбаланс в двусторонних отношениях.

Конфликты между двумя странами, в основе которых лежат коренные интересы, проявляются, прежде всего, в подходе к таким проблемам, как демаркация границы в Восточно-Китайском море и спор о принадлежности островов Дяоюйдао.

Что касается конфликтов, имеющих исторические корни, то к ним у китайской стороны сохраняется серьезное отношение. Вместе с тем, авторы доклада считают, что это проблемы, не связанные с текущими интересами, следовательно, стороны должны проявлять осмотрительность, чтобы не нанести ущерба двусторонним отношениям.

По оценке китайских исследователей, между китайцами и японцами нет достаточного взаимопонимания, одна из причин этого — сильный националистический консерватизм среди японского населения, другая — особое отношение китайцев к своему историческому прошлому. И это — почва для конфликтов на эмоциональной почве.

Что касается национальной стратегии Японии, указывается в докладе, то высшим ее устремлением во внешнеполитической области является превращение в державу, обладающую должным политическим статусом

Для достижения этой цели Япония как экономическая держава будет повышать свою конкурентоспособность, используя технологические, финансовые и другие преимущества. Возможно, она уступит Китаю, но не изменит своей роли влиятельной мировой экономической державы, сохранит мощный потенциал для превращения в подлинно великую державу.

Превращение в военную державу, очевидно, не будет выдвигаться Японией в качестве самостоятельного ориентира. Однако, оставаясь зависимой в во-

енном отношении от США, она, вероятно, достигнет значительного прогресса и станет самой передовой военной державой в Восточной Азии.

Самыми значащими индикаторами оценки успешности курса Японии на превращение в великую державу были бы реализация планов по изменению ее Конституции и обретение ею статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН.

Авторы доклада делают вывод о том, что корректирование политики Японии в отношении КНР будет происходить на основе выбора из следующих моделей: “Проамериканская позиция и активные интересы в Азии” плюс “балансирование отношений с Китаем и США” или “Приоритет США по сравнению с Китаем”.

При этом одним из важных аспектов политической стратегии Японии будет развитие экономики и улучшение условий жизни населения страны. Новым ее стержнем станет предоставление официальной помощи странам, которые ставят в качестве стратегической цели развитие отношений с Японией.

Главной особенностью внутривнутриполитической обстановки в Японии, по оценке авторов доклада, является ее неустойчивый характер, когда политическая структура не соответствует социально-экономической. Нестабильность политической ситуации будет носить долговременный характер.

Важное внимание в докладе уделяется тенденции доминирования в Японии националистического консерватизма. Он становится, как считают авторы, ее общей идеологией и политической культурой. В подходе к конкретным проблемам, где затрагиваются национальные интересы, он формирует общественное мнение и является главной “питательной средой” общественной мысли.

Авторы доклада прогнозируют следующие основные тенденции в политической жизни Японии в грядущем десятилетии.

1. Главной из них будет соперничество в борьбе за власть и альянс консервативных политических сил вокруг базисной государственной политики.

2. Сохранится стремление консерваторов к пересмотру мирной Конституции, установлению в стране новой политической системы и в конечном итоге — “превращению Японии в подлинно великую державу”.

3. Политическое течение, направляемое националистическими консервативными силами, будет оставаться доминирующим в политической реальности Японии.

4. Япония будет стремиться избежать “маргинализации” в системе международных отношений, преодолевать наследие эпохи “холодной войны”, создавать новые внешнеполитические перспективы и соответствующие механизмы.

В докладе высоко оценивается нынешнее состояние японской экономики. Авторы считают, что, имея богатый опыт преодоления энергетических проблем, фатального и фундаментального воздействия колебаний цен на сырье на мировом рынке японская экономика сможет избежать. Позитивную роль должны сыграть гибкость и высокая регулируемость японских промышленных структур. К тому же, на пути преодоления проблем для экономического развития Японии могут появиться новые возможности.

При анализе тенденций изменений в японском обществе выделяется проблема резкого старения населения и одновременного сокращения численности детей. Изменение структуры населения непосредственно влияет на обеспечение страны трудовыми ресурсами. Одновременно тяжелым бременем для страны становится действующая система социального обеспечения. Все более актуаль-

ной становится проблема непреодолимого и постоянно увеличивающегося разрыва в доходах граждан, фактического снижения уровня их жизни. Для решения проблем, убеждены китайские специалисты, Японии необходимо развивать экономику и увеличивать национальный доход.

Японское население индифферентно к политике и озабочено лишь проблемами собственной жизни — об этом говорят данные опросов общественного мнения. Что касается мировой политики, то подход японцев к ней является устойчиво проамериканским, и изменения этой тенденции не ожидается.

Прогнозируя политику КНР в отношении Японии, авторы доклада подчеркивают, что «общая стратегическая цель будущих китайско-японских отношений — способствовать развитию психологической совместимости двух народов, продвижению двух стран от мирного сосуществования к совместному развитию, от взаимных стратегических интересов к стратегическому сотрудничеству». Устойчивость развития китайско-японских отношений, по мнению авторов, зависит от того, удастся ли «обеспечить сбалансированное развитие двусторонних отношений в политической и экономической областях».

Возникновение стратегической конфронтации между двумя странами маловероятно, считают авторы. Однако, если не удастся взять под контроль и эффективно разрешить главные проблемы в отношениях, нельзя исключить возможность «стратегической конфронтации низкого уровня». Наиболее важные проблемы — демаркация границы в Восточно-Китайском море и принадлежность островов Дяоюйдао — должны, по мнению китайских исследователей, решаться в одном пакете.

Разрешение Китаем тайваньской проблемы и осуществление мирного воссоединения — его внутреннее дело, однако по множеству причин в решении этой проблемы Япония является фактором, который невозможно игнорировать. Пока США не изменят своей политики на тайваньском направлении не изменится и политика Японии. И все же ключевым моментом является то, что отношения между материковым Китаем и Тайванем будут менее подвержены внешнему вмешательству.

Китайская сторона поддерживает стремление Японии играть большую роль в ООН. Однако Китай не располагает пропуском для Японии в Совет Безопасности. Китай и Япония могут вести диалог по вопросу реформирования ООН. Если условия созреют, КНР может занять более позитивную позицию в отношении японских планов.

Китаю и Японии недостает взаимного доверия в вопросах обеспечения безопасности. Причина в том, что не преодолены сомнения относительно стратегических целей каждой из сторон. Задача состоит в том, чтобы продвигать сотрудничество в этой сфере, идя от нормальных отношений «не друзья и не противники» к партнерским отношениям, к созданию структур и механизмов региональной безопасности, к образованию Восточноазиатского сообщества безопасности.

Китайская сторона считает важным следующее: сотрудничество по безопасности между Китаем и Японией не должно основываться на предпосылке, что Китай откажется или замедлит свои усилия по укреплению своей военной мощи или совершенствованию военных технологий.

Одной из задач, требующих скорейшего решения, в докладе называется создание механизма предотвращения кризисов, кризисного управления с тем, чтобы избежать эскалации трений и конфликтов. Также предлагается развивать сотрудничество азиатских стран по обеспечению безопасности основных морских

коммуникаций — от Суэцкого канала до Тайваньского пролива, а также стимулировать создание в регионе Сообщества взаимовыгодной поддержки и обеспечения стабильности экономического развития, в рамках которого решались бы и проблемы обеспечения энергетической безопасности.

Китай и Япония, говорится в докладе, должны прилагать усилия по решению проблем региональной безопасности, созданию системы многосторонней безопасности. В подходящее время они должны будут способствовать стратегическому диалогу Китай—Япония—США. Выдвигается также идея создания нового и более широкого по составу участников механизма безопасности для всей Восточной Азии.

Авторы доклада предлагают обоим странам действовать совместно по преодолению финансового кризиса. Они должны выстроить региональный механизм финансового контроля, активизировать тесные консультации, координацию и сотрудничество по развитию региональных рынков капитала, по учреждению Фонда азиатских валют.

Китаю и Японии следует объединить усилия по заключению Соглашений о свободной торговле и об экономическом партнерстве, чтобы координировать стратегию и политику, совместно формировать пространство свободной торговли Восточной Азии.

У Китая и Японии имеется серьезная общая проблема — зависимость от зарубежного спроса, прежде всего в США, на который негативно влияет нынешний кризис. Обе страны должны использовать возможности для корректировки своей экономической структуры, расширить и задействовать внутренний спрос для оздоровления своих экономик.

В докладе указываются перспективные направления китайско-японского сотрудничества — энергетическое и экологическое. Предлагается создать Китайско-Японский фонд по энергосбережению и экологической защите, совместно финансируемый правительствами двух стран.

Формулируются и другие предложения, служащие развитию отношений двух стран. В их числе.

1. Улучшение имиджа Китая и содействие дружественному восприятию Китая японцами. Изучение китайского языка — самый главный и эффективный путь к пониманию Китая, подчеркивается в докладе. Отмечая постоянный рост числа изучающих китайский в Японии, авторы указывают на необходимость активно поддерживать эту тенденцию, предлагают комплекс мер на территории Японии, в частности, создание институтов и школ Конфуция, непрерывное наращивание масштабов распространения конфуцианства с целью превращения институтов Конфуция в оплот распространения китайского языка и культуры.

2. Содействие индивидуальным контактам и расширению числа тех, для кого Китай близок. Особое внимание следует уделять молодежным обменам, содействовать тем, кто изучает китайский язык, а также исследователям, занимающимся проблематикой Китая, Японии, японо-китайских отношений. Китайскому правительству авторы предлагают учредить соответствующий Фонд для обменов, чтобы спонсировать японских ученых, исследующих Китай, оказывать помощь образовательным учреждениям, где изучается китайский язык, и тем лицам, которые его изучают, а также способствовать увеличению численности японской молодежи, выезжающей на учебу в Китай. Одновременно китайские университеты и исследовательские центры должны организовывать различные семинары по изучению культуры и общества Китая". Таким образом, делают вы-

вод авторы доклада, можно увеличить число лиц, знающих Китай, расширить прокитайскую прослойку в Японии.

3. Усиление внимания к Интернету. В докладе говорится о необходимости широко использовать Интернет с тем, чтобы положительно реагировать на возрастающий интерес японцев к Китаю, создавать правильное представление о нем взамен необоснованной обеспокоенности.

4. Культурный обмен с Японией. Китай должен активизировать культурную пропаганду на Японию, авторы полагают необходимым в этих целях поддержать 4–5 японских компаний по производству продукции культурного назначения, которая привлекла бы внимание японцев. Одновременно авторы доклада указывают на необходимость углубления знаний относительно Японии у китайского населения, культивировавшего у него дружественного отношения к этой стране.

5. Строительство и формирование Восточноазиатского сообщества. В докладе отмечается, что этот процесс является исторической тенденцией в Восточной Азии. Китай и Япония должны энергично изучать, организационно выстроить и культивировать общую культуру, способствовать ее специфическому развитию, стандартизации и превращению в базис Восточноазиатского культурного сообщества. Авторы напоминают, что в долгой истории культурных обменов двух стран сформировалась общая культура с китайской письменностью, конфуцианством, буддизмом и другими компонентами в качестве ядра.

6. Совместно исследовать историю. От того, как понимать и оценивать историю японской агрессии, возможно, будет зависеть, не станет ли это препятствием для развития китайско-японских отношений, для установления доверия между двумя народами и формирования Восточноазиатского культурного сообщества, считают авторы доклада. Обеим сторонам необходимо держать под эффективным контролем возможное влияние этой проблемы на двусторонние отношения, вести совместные исторические исследования, расширять их рамки, добиваться консенсуса, преодолевая противоречия.

Таким образом, Китай стремится вовлечь Японию в более глубокое и широкое сотрудничество на двустороннем и региональном уровне. Фактически разработана программа китайско-японского взаимодействия до 2020 г. При этом, Япония ведет себя не столь активно, по ряду вопросов пока не определилась. Главная причина состоит в том, что она вынуждена тщательно взвешивать свои шаги навстречу Китаю, принимая в расчет, прежде всего, позицию США, которые весьма болезненно относятся к перспективе китайско-японского сближения в политической области, говорится в заключении в докладе.

© 2010

*А. Семин,
кандидат политических наук,
ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.*

Рецензии

Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. 512 с.

На протяжении последних полутора веков заметным явлением нашей и мировой истории является китайская миграция. Начиная с 1840-х гг. большинство стран всех континентов Земли приняли миллионы мигрантов из Китая, значительные китайские диаспоры сложились в большинстве стран Азии, Америки, Европы, Австралии. А в 1865 г. уже в России военный губернатор Приморской области И.В. Фуругельм написал в Иркутск об опасности того, что "все усилия и затраты правительства могут повести лишь к образованию в русских пределах независимой Китайско-корейской провинции"¹. С тех пор уже почти полтора века, наша общественность активно обсуждает проблему заселения России китайцами.

В современной мировой науке проблемам китайской миграции уделяется особое внимание, более того, весь комплекс вопросов, связанных с этим явлением, претендует на статус самостоятельной научной дисциплины. В России этот вопрос не ставится научной дисциплины не ставится, но уже на протяжении более десяти лет ряд исследователей активно изучают историю и современные проблемы китайской миграции. И в числе первых серьезных публикаций по истории китайцев в нашей стране были работы А.Г. Ларина, в том числе и первая в современной российской историографии обобщающая работа — "Китайцы в России"². И вот в прошлом году вышло в свет фундаментальное исследование Александра Георгиевича Ларина "Китайские мигранты в России. История и современность".

Во вводной части А.Г. Ларин, с присущей ему скромностью, следующим образом характеризует свою работу — "систематическое, по возможности, изложение важ-

нейших проблем китайской миграции в Россию, не претендующее, конечно же, на то, что бы "всем все объяснить", а лишь выражающее взгляды автора на заявленный предмет исследования" (С. 6). Хотелось сразу же отметить, что многолетний опыт сотрудничества, как и собственно содержание работы, позволяет уверенно настаивать на том, что данное исследование является своеобразным обобщением всей отечественной историографии вопроса, и в нем Александр Георгиевич представляет более или менее общие взгляды и оценки по проблемам китайской миграции в России, сложившиеся в российском научном сообществе.

Структура представленного монографического исследования соответствует принятым в современной науке стандартам. Во вводной части автор обозначил актуальность вопроса, отметил научные принципы — объективности, историзма, раскрыл понятийный аппарат. Кратко, но емко показаны отечественная и китайская историография проблемы, отмечена источниковая база и даже указан круг исследователей, оказавших содействие автору в работе по данной теме.

Монография состоит из трех глав. Первая глава "Китайцы в России: ретроспектива" отведена для рассмотрения истории китайской миграции в нашей стране. В ней автор показывает и анализирует весь комплекс проблем, связанных с началом и поэтапным развитием китайской миграции на территории России. Автор использует во многом ставшую традиционной периодизацию истории китайцев в нашей стране: "в царской России", "в период революции и гражданской войны", "в СССР". Следует отметить, что, показывая даже начальный период истории китайской миграции на

Дальнем Востоке, к настоящему времени уже достаточно неплохо освещенный в исторических работах, автор не ограничивается опубликованными данными, а вводит в научный оборот новые архивные документы. Признавая убедительность подходов и безупречность фактологии, хотелось бы отметить, что автор недостаточно уделит внимания роли Кяхтинской торговли в освоении китайскими торговцами территории Забайкалья и территорий западнее Байкала. Кроме того, представленный в работе материал явно указывает, что "Российские власти, заинтересованные в хозяйственном освоении края, в целом благожелательно относились к выходцам из соседних стран" (С. 20), но автор все же мог и специально подчеркнуть, что именно русское освоение Приамурья резко активизировало китайскую миграцию в этот район Дальнего Востока.

Исходя из общей структуры и цели исследования, вполне целесообразным выглядит выделение в первом разделе отдельного и к тому же самого большого по объему, подразделена "Китайская диаспора — источник повышенной опасности" (С. 37–59). Но по нашему мнению, для общей картины истории китайской миграции в России целесообразно больше внимания уделить проблемам китайского труда в России в годы Первой мировой войны. В целом же первый раздел "Китайцы в России: ретроспектива" уже сам по себе является полноценным обобщающим исследованием истории китайской миграции в дореволюционной России.

Последующие два раздела первой главы монографии посвящены гораздо менее изученному в отечественной науке советскому периоду истории китайской миграции в нашей стране. Этим обусловлено и прямое включение в текст выдержек из архивных документов. Особенно богат по части фактологии и кругу поднятых вопросов раздел "Китайская эмиграция в период революции и гражданской войны". О службе китайцев в Красной армии написано было немало, но, обращаясь к проблеме "Кули берут винтовку", автор справедливо отмечает "подавляющее большинство китайцев не интересовалось политикой и занято было заботой о хлебе насущном..." (С. 85). Действительно, бескомпромиссность ки-

тайцев диктовалась безвыходностью положения. В коллективном письме китайских рабочих за 1921 г. мы читаем: "В 1917 г. во время Русской революции на Ново-Экономический рудник приехал красноармеец китаец и забрал нас всех в Красную Армию, но по дороге взял с нас большую контрибуцию и отослал назад на работу. Но во время отъезда нашего с этим китайцем, граждане рудника, убив оставленных нами двух товарищей, разграбили все наше имущество..."³. Другой пример, как писал в своей автобиографии некто Ван Бен-фу: "В бою при г. Виннице... многие красные стали сдаваться, а нам, как иностранцам... грозила опасность расстрела, и мы, в количестве 400 человек китайцев, пошли в атаку, принудили белых отступить и очистили г. Винницу от белых"⁴. Вообще: в данном разделе по сути, дана и общая картина проблем русско-китайских отношений в период становления советского государства. Кроме широко привлечения архивных документов ценность работе придает публикация данных из китайских источников. Можно отметить, что лишь один серьезный вопрос, имевший значительный конфликтный потенциал двусторонних отношений, остался за рамками данного исследования — проблема реквизиций у китайского купечества. Кроме того, целесообразно было бы обратить внимание читателей на то возникли проблемы с китайскими формированиями в Красной Армии. Например, в направленном в августе 1920 г. в Реввоенсовет 5 армии "Рапорте об осмотре частей 3-й Сибирской дивизии" китайские части характеризуются следующим образом: "Бойцы совершенно не дисциплинированы, распущены до крайности... это форменная банда, а не солдаты"⁵.

Раздел "Китайская эмиграция в СССР" раскрывает самую неизученную страницу истории китайской миграции в нашей стране, а точнее, несколько этих страниц. Автор показывает проблемы китайских рабочих в СССР в годы НЭПа, судьбы бывших красноармейцев и положение новых мигрантов. Достаточно много внимания уделяется борьбе с дискриминацией китайцев, приводятся примеры привлечения китайских рабочих к партийно-советской работе. Автор подчеркивает: "В местных и даже центральных советах ста-

ли появляться депутаты-китайцы, особенно много их было во Владивостоке, Благовещенске, Хабаровске. При всей эфемерности представительской власти они получили кое-какую возможность публично заявлять о проблемах китайской диаспоры" (С. 114-115). Но хотелось бы подтвердить, что там было действительно не только на Дальнем Востоке это было, например, рабочий-китаец из Новосибирска Ю-Пин-Шан на Третьем Западно-Сибирском краевом совещании представителей национальных меньшинств в ноябре 1931 г. открыто заявлял: "мы в настоящее время работаем без выходных, у нас девятичасовой рабочий день, а поэтому сейчас нам некогда заниматься культурой... Я вам расскажу такой факт, вот вчера здесь кончилось совещание, пошли домой, я стал ждать автобуса, и сзади меня еще стояло 5 русских, кондукторша меня не пустила, сказала, что мест нет, а русского пустила. Это, по-моему, недопустимое явление"⁶. Автор рассматриваемого монографического исследования убедительно показал, что "естественным следствием политики насильственных преобразований и репрессий стал отток китайского населения с Дальнего Востока — всех слоев..." (С. 124). Хотелось бы отметить, что китайцы стремились вернуться домой во все времена и независимо от места проживания, даже в Украине в период расцвета политики НЭП⁷.

Отдельно в данном исследовании рассмотрены проблемы китайской диаспоры в связи с международными отношениями на Дальнем Востоке. При этом, говоря о репрессивной политике в отношении китайцев, автор совершенно справедливо отмечает, что "неверно рассматривать ее как инструмент угнетения национальных меньшинств" (С. 139). В целом, трудно не согласиться с выводом автора: "и сегодня о жизни китайцев в СССР в 20-е, а тем более в 30-е годы рассказывают лишь скупо открываемые архивные документы" (С. 140). Но все же, те редкие документы, которые удается выявлять в региональных архивах, в том числе и делопроизводственного характера, дают яркую картину борьбы китайцев за свои интересы и права по всей России даже в драматический период 1930-х гг. Представление о противоречивости ситуации вокруг китайской общины в

Западной Сибири можно получить из направленного в конце 1935 г. в партийные органы письма Президиума Новосибирского горсовета: "...Консулом подарен патефон с набором пластинок на китайском языке — бригадирю третьей бригады, а тот в свою очередь организовал вышивку знамени Китайского, которое было изъято органами НКВД и целый ряд разного рода преступлений, которых нет возможности всех запомнить — показывают, что Консульство через своих агентов ежедневно ведет разлогательную работу, однако мы уже создали в колхозе здоровее ядро и все усилия контрреволюционных выпадов кончаются неудачей так как Китайские колхозы в части хозяйственно-политических кампаний являются передовыми в нашем районе, посевную окончили первыми, уборочную, хлебопоставки, овощпоставки — выполнили полностью и раньше срока..."⁸. Завершает первую главу рассматриваемого исследования раздел "Китайцы из КНР", в котором кратко охарактеризованы проблемы китайской образовательной и трудовой миграции в СССР в период советско-китайской дружбы в 1950-х гг.

Вторая глава монографического исследования А.Г. Ларина полностью посвящена проблемам китайской миграции в постсоветской России. В начале первого параграфа "Китайская "квазидиаспора": численность, занятия" автор отмечает: "На рубеже 1980-1990-х годов... нарастающей волной в Россию хлынули мигранты из КНР" (С. 146). Но, к сожалению, этот интересный период последних лет истории СССР и начала 1990-х, оказался за пределами исследования. Детальное освещение миграционных процессов начинается лишь с 1993 г., времени важного рубежного события истории современной китайской миграции в России. В центре внимания автора лежит десятилетний период — 1999 — 2008 гг., китайская миграция именно в данный период показана с самых разных сторон, ее проблемы раскрываются на основе самых разных источников. Трудно не согласиться с утверждением, что "преобладающая часть китайских мигрантов — это коммерсанты... среди них подавляющее большинство составляют участники так называемой народной торговли" (С.160). Именно представители китайского "мелко-

го и среднего бизнеса" подверглись самому детальному исследованию, в монографии показан и проанализирован весь комплекс проблем, связанных с этим очень интересным и противоречивым явлением современной России. В работе представлено социологическое исследование мигрантов, его результаты отражены в многочисленных таблицах, занимающих два десятка страниц. Хотелось бы отметить, что опрос китайских коммерсантов производился лишь в Москве и на Дальнем Востоке. Но, несомненно, и эта география исследований позволяет увидеть относительно полную картину китайской миграции, в ее разнообразии и противоречивости.

Выводы автора для многих могут оказаться неожиданными: "на Дальнем Востоке обстановка, как будто бы, более благоприятная для них, чем в столице: лучше условия для предпринимательства, лучше — отношение властей, заметно лучше — отношение местного населения... в Москве... намного больше тех, кто желал бы и в будущем жить в России, тогда как у мигрантов на Дальнем Востоке преобладает интерес к тому, чтобы жить в Китае, но при этом иметь работу, связанную с Россией" (С. 200). Но эти выводы вполне согласуются с историческим опытом китайской миграции. Подробно рассмотренная ситуация в связи с постановлением правительства от 15 ноября 2006 г. о фактическом запрете для китайских мелких предпринимателей на торговлю на рынках, на примере которой показана противоречивость российской политики в отношении китайских мигрантов. Трудно не согласиться и с выводом по данному вопросу: "История с запретом на китайскую торговлю — поставленный самой жизнью эксперимент. Он убедительно доказывает, что присутствие китайцев с их товарами на российских рынках имеет глубокие экономические корни" (С. 210).

Отдельно в данной главе автор рассмотрел вопросы "использования китайской рабочей силы в современной России" (С. 210). В относительно небольшом по объему параграфе показаны яркие примеры использования китайского труда в строительстве и сельском хозяйстве в последние годы, подняты и проанализированы связанные с этим проблемы. Следующий раз-

дел, посвященный китайским студентам в России, представляет собой, фактически самостоятельное социологическое исследование. В работе показывается, что "постановка учебного процесса явно не всегда и не везде на высоте" (С. 237). Автор отмечает: "Создается впечатление, что Китай больше заинтересован в интенсивном образовательном сотрудничестве и, в частности, в обучении своих студентов в России, чем сама Россия... Как бы то ни было, сегодня Россия могла бы получать большую отдачу от обучения китайских студентов, если бы основательно занялась этой проблемой" (С. 251). Небольшой раздел, всего около трех страниц текста, выделен для рассмотрения "китайских туристов". Автор указал на многие проблемы, связанные с этим явлением, например, русских туристов из Благовещенска в Хэйхэ в 2007 г. только за неделю выезжало больше, чем китайских посетило в Благовещенск за весь тот год (С. 253). Но, следует отметить, что в течение нескольких лет основную выручку от продажи билетов краеведческому музею в Благовещенске давали китайцы а судя по тому, что все мои попытки посетить музей недалеко от Хэйхэ оказались неудачными, а при посещениях небольшой музейной экспозиции в центре самого этого города китайцы с большим удивлением смотрели на меня, данный вид досуга у русских туристов не пользуется популярностью, а точнее, не приветствуется со стороны китайских властей.

Очень популярные для российских СМИ вопросы "нелегальной китайской миграции" рассматриваются в разделе "Мигранты и закон". Показывая наличие серьезных проблем и конкретные данные по правонарушениям в этой сфере, автор, все же, приходит к выводу о том, что: "доля нелегалов среди китайских мигрантов относительно невелика. Китайцев, незаконно въезжающих в Россию, судя по всему, совсем немного" (с. 255). В этой же части исследования автор проанализировал проблемы китайской контрабанды через границу и "незаконную экономическую деятельность китайских мигрантов на российской территории" (С. 266). Автор полагает, что "ситуация с незаконной хозяйственной деятельностью на Дальнем Востоке делает вполне логичным сращивание криминаль-

ного подполья с российской и китайской сторон” (С. 267). Рассматривая современную китайскую миграцию в России, А.Г. Ларин не смог обойти вниманием проблему “Мигранты и депопуляция” (С. 274). Опираясь на труды отечественных демографов, работающих в этой сфере, автор подробно описывает “четыре условия”, при которых возможна “переплавка” мигрантов принимаемым обществом (С. 278-284). Завершает вторую главу монографического исследования “Китайские мигранты в России” параграф “Российско-китайские отношения и китайские мигранты в оценке россиян”, выполненный на основе “сравнительно крупного анкетирования российских граждан” во второй половине 2007 г., с учетом других социологических обследований. Автор приходит к следующему выводу: “Отношение к китайским мигрантам в российском обществе сложилось в ситуации беспрецедентного роста ксенофобии... Тем не менее, в подходе россиян к мигрантам из КНР наличествует и принципиально важный конструктивный потенциал” (с. 339-340).

Последняя глава рассматриваемого монографического исследования “Эмиграционный потенциал и эмиграционно — диаспоральная политика КНР”, представляет собой специфически-синологическую часть этого обобщающего исследования. Ее включение в работу “Китайские мигранты в России” является, безусловно, необходимым, так как в глобальном мире все процессы, в том числе и миграционные, тесно взаимосвязаны. Опираясь в основном на китайские статистические данные, с привлечением других источников, автор подробно показал и проанализировал эмиграционный потенциал Китая. Трудно не согласиться с мнением, что “эволюция демографической ситуации в КНР не позволяет поставить под сомнение тезис о том, что огромное население страны еще долгое время будет представлять собой исходную базу для формирования — при соответствующих условиях — мощных миграционных потоков за пределы Китая” (с. 348).

В больших специальных разделах “Управление эмиграционными процессами” и “Диаспоральная политика Пекина” дается развернутая картина китайской миграции по всему миру, рассматривается

широкий круг проблем, связанных с регулированием и сопровождением этих процессов со стороны китайских властей и общества. В этой части довольно детально показываются схемы “нелегальной эмиграции” и формы борьбы со стороны государства, справедливо отмечается: “китайское правительство ведет энергичную борьбу с нелегальной эмиграцией, используя для этого уникальную по объему и разнообразию систему карательных и предупредительных мер” (С. 370). Детально рассмотрев китайскую политику и общую ситуацию в сфере “образовательной миграции”, автор приходит к неутешительному для нас выводу: “Россия находится вне зоны, куда стремится перебраться, овладев современными знаниями, китайская молодежь, и похоже, в ближайшем будущем “утечка мозгов” в данном направлении Китаю не грозит” (С. 383). Говоря далее о “диаспоральной политике Пекина”, совершенно справедливо отмечается: “К настоящему времени политика руководства КНР в отношении зарубежной общины оформилась и приобрела стабильный характер, став важной составной частью стратегии развития Китая” (С. 387), и при этом, “политика руководителей КНР в отношении китайских эмигрантов в России в целом базируется на тех же принципах и ориентируется на те же задачи, что и в других странах” (С. 391).

Рассматривая вопрос “Культурные и социальные связи с диаспорой и задачи ее сплочения”, автор соглашается с мнением китайских ученых о том, что “вслед за возрастанием совокупной национальной мощи Китая, повышением его места в мировой политике отношения внутри сообщества этнических китайцев будут развиваться в сторону еще большего сплочения” (С. 396). И далее следует заключение, что “китайские руководители стремятся к гармонизации отношений между диаспорой и ее окружением” (С. 406). Не обошел автор своим вниманием в своем исследовании и проблему “китайской угрозы”. Акцент сделан на то, что наибольшую озабоченность у населения стран Юго-Восточной Азии вызывает отток китайского капитала на историческую родину предпринимателей. Далее автор делает еще один довольно аргументированный, но далеко не для всех бесспорный вывод — “Насколько обоснованы тре-

вот и вылетит из формирования диаспоры в рамках Китая "китайской угрозы". Нам представляется, что на данный момент они опровергаются рядом серьезных аргументов" (С. 409). В конечном же итоге, как пишет А.Г. Ларин: "Главное же средство, с помощью которого китайские руководители стремятся развеять опасения относительно "китайской угрозы"... утверждение в международном общественном мнении образа мультнациональной и ответственной державы, строго придерживающейся правил цивилизованного поведения" (С. 414).

Трудно не согласиться с основными выводами, представленными автором в заключение своего монографического исследования: "История китайцев в России — это небольшая, но применительная частица истории самой России... Нынешний состав китайской общины... по ряду характеристик приближается к понятию диаспоры. Правильный ответ на популярный вопрос о численности китайской общины нам кажется таким: традиционная экспертная оценка ее объема в 400–500 тыс. человек

должна включать в себя и ее легальную и нелегальную части... Лицо китайской общины определяется в первую очередь мелкие и средние коммерсанты... Проблемы китайской миграции требуют серьезного внимания со стороны государства..." (С. 416–423).

Таким образом, вышедшее в свет в 2009 г. обобщающее монографическое исследование ведущего в России и очень авторитетного в мировом сообществе специалиста по проблемам китайской миграции, Александра Георгиевича Ларина, является своеобразным итогом развития отечественной истории вопроса и прочным фундаментом для дальнейших исследований столь важной и масштабной темы, как история и современные проблемы китайской миграции в России. Несомненно, эта работа может стать настольной книгой для самого широкого круга специалистов, для всех, кто занимается вопросами "китайской миграции", она заинтересует и всех любителей научной литературы социально-гуманитарного профиля.

© 2010

В.Г. Дауышев,
доктор исторических наук

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 9. Д. 44. Л. 71об.
2. Ларин А.Г. Китайцы в России. М., 2000; Ларин А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. М., 2003.
3. Государственный архив Донецкой области (ГАДО). Ф. Р-2109. Оп. 1. Д. 138. Л. 52.
4. ГАДО. Ф. Р-2109. Оп. 1. Д. 140. Л. 140.
5. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1. Оп. 2а. Д. 8а. Л. 42.
6. ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1459. Л. 3.
7. ГАДО. Ф. Р-2109. Оп. 1. Д. 138. Л. 9.
8. ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 215. Л. 77.

Кудашев Р.Ш. Моя жизнь в Китае. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2008. 144 с.

Воспоминания видного советского дипломата Ришата Шарафутдиновича (Григория Александровича) Кудашева посвящены Китаю, с которым связана вся его сознательная жизнь. Они состоят из личных впечатлений автора от страны, встреч с ее руководителями (Р.Ш. Кудашев был переводчиком на многих политических переговорах высокого уровня) и размышлений о советско-китайских отношениях, месте Китая в современном мире, жизни китайского общества, простых китайцах. Через всю книгу проходит чувство глубокой симпатии автора к китайскому народу. Это проявляется и в его отношении к обычаям китайцев, их жизненным устоям, в искреннем интересе к произведениям классической китайской литературы, изучению которых автор посвящает немало времени, в свободных от сиюминутных идеологических штампов оценках деятельности китайских политических лидеров и, наконец, в объективных суждениях относительно прошлого, настоящего и будущего Китая.

Любовь к китайской культуре, блестящее знание китайского языка снискали Р.Ш. Кудашеву глубокое уважение как среди советских (Н.С. Хрущев, А.И. Микоян, А.Н. Косыгин, Ю.В. Андропов, А.А. Громыко и др.), так и среди китайских руководителей (Мао Цзэдун, Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Дэн Сяопин и др.). Мао Цзэдуну автор книги обязан своим китайским именем "Гу Дашоу", которое означает "Гу достигнет долголетия". Чжоу Эньлай, Дэн Сяопин при встречах с ним всегда стремились подчеркнуть свое дружеское расположение. В книге приводится такой интересный факт. В 1971 г. в разгар "культурной революции" по отношению к Р.Ш. Кудашеву была совершена провокация — на одной из пекинских улиц его машина была намеренно остановлена для того, чтобы хунвэйбины могли беспрепятственно в течение пятнадцати минут выкрикивать антисоветские лозунги. По совету посла Р.Ш. Кудашев сообщил о происшествии в МИД КНР с просьбой доложить о случившемся Чжоу Эньлаю; на следующий день он был приглашен в китайское министерство иностранных дел, где Чжоу Эньлай лично выразил ему со-

жаление в связи с происшедшим инцидентом.

Вообще в книге приводится много фактов, ранее неизвестных широкому читателю. Например, об отказе Мао Цзэдуна говорить с А.Н. Косыгиным по телефону в июле 1969 г. Тогда Председатель Совета Министров СССР, обеспокоенный ситуацией в советско-китайских отношениях, решил лично связаться с Мао Цзэдуном и изложить ему свое понимание их нынешнего и будущего состояния. Однако из этой попытки ничего не вышло, поскольку пекинские телефонисты отказались соединить Мао Цзэдуна с А.Н. Косыгиным, который был обозван "советским ревизионистом" и "тухлым яйцом". Р.Ш. Кудашев объясняет это тем, что Мао Цзэдун нетерпимо относился к Советскому Союзу. В книге приводится много неизвестных подробностей относительно переговоров Н.С. Хрущева с Мао Цзэдуном в 1958–1959 гг. (им посвящена специальная глава). Именно в эти годы появились первые признаки разногласий между КПСС и КПК, СССР и КНР, которые впоследствии переросли в настоящий политико-идеологический конфликт, приведший в 1969 г. к вооруженному столкновению. Р.Ш. Кудашев считает, что Н.С. Хрущев "хорошо понимал важность преодоления разногласий между СССР и КНР и нормализации двусторонних отношений... он стремился сделать все от него зависящее, чтобы решить эту проблему. При этом он исходил из того, что отношения между двумя странами должны быть нормализованы на принципиальной основе путем достижения взаимоприемлемых компромиссов, а не за счет чьих-то односторонних уступок" (С. 87). Однако руководители КНР преследовали иные цели, они состояли в том, чтобы подчинить СССР руководству КНР, отеснить КПСС с позиций ведущей партии в мировом коммунистическом движении, в том числе среди коммунистических и рабочих партий социалистических стран, и самим занять ведущее положение. "В результате личные отношения между Хрущевым и Мао Цзэдуном испортились" (С. 88). По мнению автора, в этом виноваты оба. В переговорах с Н.С. Хрущевым Мао Цзэдун прямо называл позицию КПСС "современ-

ным ревизионизмом, предательством марксизма-ленинизма”, используя при этом нецензурные выражения, с одобрением слушал, как министр иностранных дел КНР Чэнь И говорил Хрущеву, что “вы — великодержавные шовинисты!”. “Мао Цзэдун презирал Хрущева”, пишет Р.Ш. Кудашев (С. 79), поскольку считал, что тот захватил власть силой, а потом предал правильную марксистско-ленинскую линию и повел СССР по ошибочной ревизионистской дороге.

Что касается Н.С. Хрущева, то он “уважал Мао Цзэдуна за его решительность и готовность к борьбе”. Он говорил Мао Цзэдуну, что СССР будет помогать Китаю в создании мощного социалистического государства. Но вождь КНР был всегда самоуверен. Постепенно в пылу полемики Н.С.Хрущев стал допускать резкие высказывания в адрес лично Мао Цзэдуна, что лишь разжигало огонь их взаимной неприязни. Р.Ш. Кудашев пишет: “Хрущев был довольно импульсивным человеком. Это его качество особенно четко проявилось в отзыве из Китая советских специалистов. Как представляется, в сложившихся к июлю 1960 г. условиях советских специалистов, видимо, действительно надо было отозвать из КНР. Однако по тактическим соображениям это можно было сделать в более “мягкой”, менее демонстративной форме, например, по мере истечения сроков их командировок, а новых специалистов уже не направлять. Между тем, все советские специалисты выехали из Китая в предельно сжатые сроки, что произвело на многих китайцев буквально шоковое впечатление и дало возможность китайскому руководству утверждать, что СССР хотел-де нанести ущерб развитию экономики КНР” (С. 90).

Автор книги был переводчиком на переговорах А.Н. Косыгина с Чжоу Эньлаем в пекинском аэропорту “Шоуду” в сентябре 1969 г. Рассказывая о непростой атмосфере переговоров, в ходе которых китайская сторона пыталась навязать нам свое понимание государственной границы между двумя странами, он пишет, что в ходе встречи, тем не менее, удалось добиться договоренности о возобновлении советско-китайских переговоров по пограничным вопросам. В книге содержится ответ на вопрос, почему такой здравомыслящий и мудрый политик, как Чжоу Эньлай во всем поддерживал политический курс Мао Цзэ-

дуна, не возражал против него. Ответ, казалось бы, очевиден — в условиях существовавшего тогда культа личности “великого кормчего” иначе и быть не могло. Р.Ш. Кудашев приводит слова самого Чжоу Эньлая, которые многое объясняют: “Однажды, когда мы оказались вдвоем, я очень осторожно сказал ему, что хочу понять, почему он безусловно поддерживает все начинания Мао Цзэдуна, даже те из них, которые приносят вред. Скажу тебе откровенно, ответил он, что я поддерживаю Мао Цзэдуна, во-первых, руководствуясь партийной дисциплиной и, во-вторых, использую все возможности, чтобы уменьшить отрицательные последствия этого движения и уберечь как можно больше толковых и верных старых преданных социализму кадров. Дальше развивать мысль он не стал” (С. 109).

Автор книги высоко оценивает деятельность Дэн Сяопина, с которым ему также приходилось встречаться лично. По его мнению, на рубеже 50–60-х гг. прошлого века он проявлял сдержанность в ходе советско-китайской полемики по идеологическим вопросам, ибо понимал важность сохранения добрых отношений между КНР и СССР, избегал резких критических выпадов в адрес Советского Союза. Это проявилось и во время переговоров между делегациями КПСС и КПК в сентябре 1960 г. в Москве. И Лю Шаоци, возглавлявший китайскую делегацию, и Дэн Сяопин, бывший ее членом, не квалифицировали политику Советского Союза как “современный ревизионизм” и “великодержавный шовинизм”. Оба они критиковали позицию КПСС, считали, что она не отвечает марксистско-ленинским принципам. Но Лю Шаоци и Дэн Сяопин ни разу не позволили себе оскорбительных высказываний в адрес СССР, говорили о том, что две страны являются социалистическими и их целью должно быть достижение сплоченности при сохранении небольших расхождений, таким путем можно избавиться от разногласий и укрепить дружественные отношения между двумя партиями и странами. По мнению Р.Ш. Кудашева, Дэн Сяопин придерживался иной точки зрения по вопросу “культа личности”, нежели Мао Цзэдун. Именно это обстоятельство, разумеется среди прочих, стало одной из причин того, что во время “культурной революции” Дэн Сяопин был назван вторым после Лю Шаоци политическим деятелем, “идушим по капиталисти-

ческому пути" (С. 127).

Неоценим вклад автора книги в перевод на русский язык ряда важных общественно-политических терминов. Именно ему принадлежит авторство таких вошедших в общеупотребительный лексикон в 1958 г. понятий, как "большой скачок" и "народные коммуны". Он подробно рассказывает о беседе П.Ф. Юдина с Лю Шаоци, в ходе которой последний разъяснял содержание новых понятий, и о замешательстве в этой связи советского посла, который, будучи специалистом по философии и академиком, не мог согласиться с тем, что китайцы имеют право на высказывание собственных оригинальных идей по вопросам теории. Особенно это касалось термина "народные коммуны". (Мы оставляем сейчас в стороне вопрос, насколько китайские теоретические и политические новации соответствовали тогдашним социально-экономическим реалиям страны). Юдин решил даже провести специальное собрание дипломатов посольства, чтобы обсудить перевод новых китайских терминов, на котором автору книги пришлось отстаивать свою точку зрения на их понимание.

Тот факт, что с Р.Ш. Кудашевым согласилось большинство сотрудников посольства и его перевод стал общепринятым, был не случайным. За его плечами были не только годы напряженной учебы в Московском институте востоковедения, работа переводчиком на Китайской Чанчуньской железной дороге, но и общение с простыми китайцами, в ходе которого он не только узнавал их повседневную жизнь, но и совершенствовал свой китайский язык. В первые годы пребывания в Китае Р.Ш. Кудашев обратился к чтению классических китайских романов "Троецарствие", "Речные заводы", "Сон в Красном тереме", "Цветы сливы в золотой вазе" и других подобных произведений. Он любил посещать представления пекинской оперы. Как признается автор, это помогло ему лучше понять китайскую культуру, повысить уровень своей переводческой квалификации.

Будучи подлинным государственным, автор книги тяжело пережил события, связанные с распадом Советского Союза и

последовавшим за этим глубочайшим социально-экономическим кризисом, охватившим Российскую Федерацию при правлении Б.Н. Ельцина. Естественно, что он положительно оценивает китайские реформы, успех которых связывает с "мудрым и твердым руководством Дэн Сяопина". Р.Ш. Кудашев с одобрением воспринимает восстановление дружественных межгосударственных отношений между Россией и Китаем, расширение контактов между гражданами двух стран, развитие культурных связей. Объясняя цель написания своей книги, автор пишет: "Я пережил вместе со своим народом переход от СССР к России и смену столетий, я видел, как менялись отношения между нашими странами. Когда я вспоминаю прошедшие годы, на сердце тяжело, так как очень дорожу дружбой России и Китая. Можно уверенно сказать, что Россия и Китай всегда будут друзьями, а не противниками" (С. 9).

Книга Р.Ш. Кудашева "Моя жизнь в Китае" является ценным историческим документом, в котором освещены многие малоизвестные и совсем неизвестные страницы советско-китайских отношений, подробности переговоров высших руководителей Советского Союза и Китая. Конечно, в ней есть стилистические погрешности, повторы, некоторые неточности. Вряд ли можно согласиться, например, с мнением автора о том, что если бы Ю.В. Андропов был жив, то противостояние КПСС и КПК было ликвидировано раньше и отношения бы нормализовались (С. 40). На самом деле, еще в июне 1983 г. Ю.В. Андропов на пленуме ЦК КПСС заявлял о необходимости продолжения борьбы с маоизмом, хотя к тому времени в Китае уже четыре с лишним года осуществлялся "курс реформ и открытости", который на практике означал отказ от этого самого маоизма. Не соответствует исторической правде и утверждение о том, что Кан Шэн уговорил Мао Цзэдуна в 1945 г. жениться на Цзян Цин. В действительности свадьба Мао Цзэдуна и Цзян Цин состоялась в 1938 г. Однако мои замечания носят частный характер и не могут повлиять на общую положительную оценку книги Ришата Шарифудиновича Кудашева.

*В. Бузов,
доктор философских наук, профессор*

**Сиобара Тосихико. "Гундзи дайкоку" Росиа-но кёдзицу
[Действительность и вымыслы о России — "военной державе"].
Токио: Иванами сётэн, 2009. 231 с. На японском языке**

Летом 2009 г. в Японии опубликована книга под интригующим названием "Действительность и вымыслы о России — "военной державе". Написавший ее Сиобара Тосихико со времени работы в Москве в 1995–1998 гг. специальным корреспондентом газеты "Асахи симбун" систематически занимался изучением состояния и тенденций развития российской экономики, особенно оборонных отраслей промышленности. Он является автором ряда серьезных работ по этой тематике. В своей новой книге он стремится нарисовать общую картину, дающую представление о качественных и количественных параметрах российского ОПК, тенденциях его развития, проблемах Вооруженных сил Российской Федерации, о процессе реализации военной реформы, требующей коренных преобразований в военно-промышленном комплексе.

В предисловии к книге автор пишет, что руководствовался желанием развеять миф о России как о великой "военной державе", показать необоснованность настороженного отношения к ней и разговоров о начале "новой холодной войны", возникших после жесткой силовой реакции России на вторжение Грузии в Южную Осетию.

Книга насыщена богатым фактическим материалом, почерпнутым из самых разнообразных источников, включая российские официальные документы, исследования и комментарии военных и других специалистов. По каждому из рассматриваемых вопросов автор высказывает собственное мнение.

Во введении отмечается, что с окончанием "холодной войны" мировое соревнование в гонке вооружений было заторможено лишь временно. С 1999 г. проявилась тенденция увеличения военных расходов. Главная ее причина — масштабный рост военного бюджета США, который с 2001 по 2008 гг. увеличился в 1,5 раза. На США приходится 48% мировых военных расходов, в то время как на Китай — 8%, Россию — 5% и по 4,5% на Великобританию, Францию и Японию соответственно. Относительно сопоставимы в военном отноше-

нии США и Россия остаются только по ядерному оружию. В этом смысле, считает автор, Россию можно рассматривать как "военную державу". Но одновременно он обращает внимание на совершенствование ядерной стратегии США на основе концепции "новой триады", еще более расширяющей военные возможности этой страны.

Во втором разделе введения "Американское высокомерие: расширение НАТО и дипломатия ресурсов" констатируется усиление военного доминирования США в мире посредством его главенствующей роли в системе коллективной безопасности, которая представлена НАТО. Отмечаются также серьезные усилия США в интересах обеспечения энергетической безопасности, инструментом которой избрана "дипломатия ресурсов", основывающаяся на американском военном превосходстве.

В кратком обзоре изменений внутри НАТО показано, что деятельность этой организации под американским давлением вышла за пределы обозначенной в ее основополагающих документах зоны ответственности, в частности, она распространилась на Ирак, Афганистан, обсуждаются планы дальнейшего расширения Североатлантического союза за счет включения в его состав соседних с Россией государств. Москва была готова и шла на компромиссы, тем не менее в последние годы ее отношения с НАТО ухудшались.

Создается впечатление, пишет Т. Сиобара, что американская администрация считает Россию "бумажным тигром" с ядерным оружием", который "не представляет опасности" (С. 13). В России со времен президента В. Путина наметилось движение в сторону возврата к "сильной России". Занимая "высокомерную позицию" в отношении Москвы, обладающей большим ядерным арсеналом, существующие проблемы не разрешить. Отношения с Россией следует пересмотреть, нужны перемены в самом Североатлантическом союзе, НАТО "следует выстраивать свою политику в интересах поиска согласия с Россией" (С. 29).

Обозначив собственное понимание международной обстановки, в которой Россия определяет политику в сфере обороны, Т. Сиобара переходит к анализу состояния, проблем и перспектив развития российских вооруженных сил и оборонной промышленности.

Первая глава "Трудности военной реформы" начинается с констатации крупномасштабного сокращения численности ВС РФ с 3,4 млн в 1991 г. до 1,0 млн в 2006 г. При президенте Ельцине указывалась необходимость военной реформы, но "в реальности такая реформа заключалась лишь в сокращении военных расходов и численности вооруженных сил". Четко выраженный курс на военную реформу проявился лишь при президенте В. Путине, причем "состояние вооруженных сил требовало его личного участия в военной реформе". Эта реформа "должна была реализовываться заново, она не стала продолжением реформы периода правления Ельцина" (С. 33–34).

Ход реформы детально рассматривается по трем направлениям: переход от призывной системы комплектования вооруженных сил к контрактной, организационная реформа, меры, направленные на повышение благосостояния военнослужащих. В отдельном разделе главы рассматривается процесс реформирования при министре обороны А. Сердюкове. По мнению автора, при его предшественнике, С. Иванове реформа была остановлена на полпути, многое не было реализовано. Высказывается предположение, что такой ход реформы в определенной степени был связан с пассивным отношением президента Путина к этой проблеме. Отсутствие консенсуса в военных кругах, нежелание внутренних распрей обусловливали постоянные отсрочки принятия решений по назревшим вопросам.

Главными направлениями деятельности министра А. Сердюкова на ниве военной реформы признаются наведение порядка в использовании финансовых средств и пресечение "возможности сращивания" военных чиновников с "генералами" оборонно-промышленного комплекса (ОПК), а также реорганизация государственных предприятий, обслуживающих вооруженные силы, в акционерные компании. Автор полагает, что успех реформы будет определяться последовательностью поддержки со стороны президента Д. Медведева, который поставил задачу — в результате реали-

зации военной реформы повысить боевую эффективность вооруженных сил России, усилить их сдерживающий потенциал, в том числе за счет модернизации сил и средств воздушно-космической обороны.

Рассматривая основные задачи военной реформы, автор подчеркивает ключевую значимость преодоления отставания российских вооруженных сил в электронных средствах.

Во второй главе "Военные расходы "военной державы" на основе анализа динамики расходов России на оборону автор ставит под сомнение выводы некоторых западных специалистов о наращивании военных расходов России. Их реальное увеличение "не столь уж и велико", тем более на фоне военных расходов США (С. 83).

В качестве главных проблем финансирования Вооруженных сил отмечаются неэффективность использования выделяемых средств и завышение цен предприятиями ОПК за поставляемое вооружение и военную технику (ВВТ), являющееся своего рода "дотацией" на нерентабельность предприятий ОПК и дающее почву для коррупции.

Автор обращает внимание на то, что при президенте В. Путине наметилась определенная тенденция к расширению оборонного заказа, но его объем относительно ВВП оставался стабильно в пределах 1%. Поставки вооружения и военной техники в вооруженные силы оставались по-прежнему незначительными. Главной опорой российской оборонной промышленности остается экспорт ВВТ.

Перечислены некоторые меры, принимаемые для повышения эффективности использования выделенных государством средств на нужды обороны. Одной из важнейших целей, по мнению автора, является снижение уровня инфляции, съедающей значительную часть военного бюджета и порождающей другие проблемы, снижающие эффективность оборонной промышленности.

Третья глава "Экспорт оружия и оружейная дипломатия" содержит анализ востребованности российского ВВТ в различных регионах мира, а также изменений в формах и методах внешнеторговой деятельности в сфере экспорта вооружения. Автор не согласен с мнением тех экспертов, которые усматривают в нынешней реорганизации российского экспорта ВВТ "возврат к советской модели". Появление госкорпорации "Ростехнологии", отмечает автор, "ни в коем случае не является шагом

к советскому прошлому". Напротив, с созданием указанной организации, помимо повышения прозрачности в экспорте ВВП, повышается значение рыночных механизмов функционирования предприятий оборонно-промышленного комплекса.

Перейдя к конкретным проблемам российского экспорта оружия, автор сосредоточивается на детальном рассмотрении состояния экспорта авиационных средств по каждому из его направлений (Китай, Индия, Алжир, Венесуэла, другие страны).

Четвертая глава "Стремительное объединение военно-промышленного комплекса", помимо определения самого понятия ОПК, содержит сведения о входящих в его состав государственных предприятиях и акционерных компаниях. Дается общая характеристика начатой в России реформы ОПК с целью обеспечить рациональное управление относящихся к нему предприятий путем их объединения, укрупнения, повысить их конкурентоспособность по отношению к мощным американским и европейским корпорациям. Автор позитивно оценивает некоторые шаги, предпринятые с этой целью. Вместе с тем, по его мнению, существует ряд проблем, требующих решения. В их числе называются: необходимость расширения производства на предприятиях ОПК гражданского и двойного назначения, независимая оценка результативности работы предприятий.

Среди особенностей российского ОПК автор подчеркивает наличие мощного государственного участия в регулировании деятельности предприятий отрасли. Обращается внимание на то, что в российском производстве фактически нет крупных корпораций мирового уровня. В списке 30 крупнейших предприятий мира, производящих ВВТ, на 2007 г. числится только одно российское — "Алмаз — Антей" на 24 месте.

Процесс объединения предприятий ВПК конкретно рассматривается в авиационной области, включая производство двигателей и авионики.

Автор отмечает, что благодаря направлению в последние годы крупных финансовых средств в оборонный заказ россий-

ский ВПК выходит из крайне трудного состояния, в котором предприятия оказались в результате распада Советского Союза.

Заключительная часть книги "Россия, стремящаяся стать новой "военной державой" содержит итоговые размышления Т. Сиобара относительно целей и задач военной политики России.

1. По мнению автора, Российскому политическому и военному руководству необходимо отказаться от опоры на военные средства в решении международных проблем, за основу своей политики взяв принципы мирной дипломатии, основывающейся на невоенных инструментах. Без этого России будет невозможно преодолеть зависимость своей экономики от военной промышленности.

2. С этим же связана задача разворота политического планирования от военного к гражданскому производству. Передача военных технологий в гражданский сектор, как и прежде, не является приоритетом развития экономики. "Для России, серьезно отстающей в электронных средствах, в ее усилиях по перестройке ОПК необходимо пересмотреть отношения между военным и гражданским производством".

3. России необходима коренная военная перестройка, сопоставимая с "революцией в военной сфере", осуществляемой в США. Она должна затрагивать все сферы, включая политику в сфере обеспечения безопасности, а также задачу сокращения количественных параметров вооруженных сил в пользу повышения их качества.

4. В процессе реализации военной реформы России необходимы заимствования технологии из передовых стран. Без этого невозможно ни поднять качества производимого в России ВВТ, ни сохранить его конкурентоспособность на мировом рынке.

5. Перестройка оборонно-промышленного комплекса с акцентом на повышение эффективности деятельности его предприятий продолжает оставаться трудной задачей. Требуется всеобъемлющее в рамках общей экономической и промышленной политики страны в целом решение структурных проблем отрасли. (С. 196 — 198).

Contents

DOCUMENTS

The Declaration of the 10th Meeting of Shanghai Cooperation Organization Council of Heads of States

POLITICS

A. Vorontsov, P. Agaltsov. Is the Existence of East-Asian Multilateral Security Structure Possible

Ya. Berger. The Evolution of Geopolitical Views in China

V. Grinyuk. Political Problems of Yasukuni Shrine

ECONOMY

V. Mazyrin. New Trends and Actual Problems in Russian-Vietnamese Economic Relations

M. Aleksandrova. Shut-down of the "Big Market" or Running Away from "Grey Custom Schemes"

RUSSIAN FAR EAST

A. Tarasov. Chinese Labour in Transbaikalie

STATE AND SOCIETY

V. Ganshin. The Role of Internet in Formation of Civil Society in PRC

THEORY AND METHODOLOGY

V. Portyakov. The Vision of Multipolarity in Russia and China and International Challenges

V. Postnikov. Pacific Ocean as a "Mediterranean Sea of the Future": the Story of Idea (the middle of XIX — the beginning of XX centuries).

HISTORY

S. Kurtinez. The Japanese Intelligence Services in Northern Manchuria in the 1920's

N. Ten. The Presentation of Russian History in Contemporary China (based on Chinese secondary schools' history textbooks and popular literature on Russia)

DOCUMENTS AND ARCHIVES

K. Fendler. The Japanese Plan to Abduct the Korean Emperor Kojong during the Russian-Japanese War of 1904-1905: Russian Diplomacy Saved Kojong

SCIENTIFIC EVENTS

A. Lomanov. Meeting in the Institute for Far Eastern Studies and the Association of Russian-Chinese Friendship

S. Savinsky. PRC Economy in the Condition of Word Crisis. The Scientific Conference in the IFES

T. Gerasimova. The Scientific Conference in the IFES Center for Political Studies

A. Semin. Chinese-Japanese Relations and the China Policy Toward Japan in the Next Decade

BOOK REVIEWS

V. Dacisheng, A. Larin. Chinese Migrants in Russia. History and Modern Times

V. Burov, R. Kudashev. My Life in China

A. Senatorov. Siobara Toshihiko. Reality and Fabrications About Russia as "Military Power"

Summary

A. Vorontsov, P. Agaltsov. Is the Existence of East-Asian Multilateral Security Structure Possible

The article analyses the prospects for creation of multilateral security system in East Asia. According to the authors, there is an aspiration in East Asia, that still remains among a few world regions not having a permanent forum to deal with security problems, to form such an organization.

The paper presents various ideas and proposals based on both European experience, including the OSCE, and local regional institutions that could be useful for the purpose.

Authors concluded that under certain conditions the six-party talks mechanism for solving Korean Peninsula nuclear problem could become a foundation for East-Asian security structure.

Key words: East Asia, security, regionalism, integration, dialogue structure.

Ya. Berger. The Evolution of Geopolitical Views in China

The article considers geopolitical views by Chinese researchers with different ideological motivation: nationalistic, expansionistic and realistic, reflected in some of newly published Chinese books. A type of ideological orientation has a great impact on the choice of military doctrine and foreign strategy. But only realistic approach fully corresponds to genuine Chinese national interests.

Key words: geopolitics, strategy, safety, westernization, nationalism, Great-power behavior, expansionism.

V. Grinyuk. Political Problems of Yasukuni Shrine

Personnel of Japanese armed forces, who died for the Emperor at wars in the period from 1868 to 1945, have been enshrined at Shinto Yasukuni shrine. Before 1945 Yasukuni was an instrument of educating people in the spirit of nationalism and militarism. In the postwar time Yasukuni lost status of a state shrine, but keeps influence as a symbol of nationalistic values. There is a museum at the shrine, which exposition justifies militaristic policy. Liberal-democratic party of Japan strives to make Yasukuni a state-run shrine, but wide circles of Japanese society resist, defending freedom of belief and antiwar principles. In the foreign countries, primarily in PRC and RK, as well as in USA and Germany, experts negatively react to the attention, which Japanese political leaders demonstrate to Yasukuni shrine. In such attitude of ruling circles of the country they see the reluctance to give clear and negative evaluation to the policy of aggression and colonial rule pursued by Japanese Empire.

Key words: Yasukuni jinja, Shinto, state Shinto, militarism, war criminals, official visits to Yasukuni.

V. Mazyrin. New Trends and Actual Problems in Russian-Vietnamese Economic Relations

The paper analyses current changes in economic relations between Russia and Vietnam. Both objective stimulus and difficulties of this process are revealed.

Main attention is paid to basic spheres of mutual cooperation which are ranked according to their importance — from military-technical assistance to trade and services. The influence of global financial crisis, Vietnam's transition to new economic model and formation of the sea-oriented development strategy are taken into consideration. The author points out the rising rapprochement of two countries and overcoming stagnation in their bilateral cooperation.

Key words: Russia and Vietnam, trade and economic relations, military-technical assistance, industrial cooperation, sea-oriented development strategy, China's influence.

M. Aleksandrova. Shut-down of the "Big Market" or Running Away from "Grey Custom Schemes"

Shut-down of the Cherkizovskiy wholesale and retail market was one of the steps taken by the Russian Government in countering illegal imports of low-quality products into the RF territory. The equivocal reaction by the Chinese side generated a flow of rumors including that one about massive liquidation of Chinese companies that manufactured counterfeit products for Russia. Russian textile, light and footwear industries are of tangible social significance; besides, those sectors fulfill the state-guaranteed orders for the military and other power structures.

Key words: "Cherkizon", "grey custom clearance", counterfeit goods; Chinese entrepreneurs in Russia, commodities of shadowed origin, low-cost labour, township-forming sectors.

A. Tarasov. Chinese Labour in Transbaikalie

Unfavorable demographic situation in the region turns the inflow of labour migrants to it into an important factor of economic life. Drawing foreign labour force helps to revitalize the local economy. In the meantime the presence of Chinese migrants on the territory of Transbaikalie remains limited. It has no influence on local job situation and does not create social problems.

Key words: Transbaikalie, migration, labour force, demography, Chinese.

V. Ganshin. The Role of Internet in Formation of Civil Society in PRC

The origins of Internet and the development of civil society in the PRC look much similar. It is the State who plays the leading role in both processes.

Key words: Internet regulation, censorship, civil society, Google, ciber-space.

V. Portyakov. The Vision of Multipolarity in Russia and China and International Challenges

The article analyses approaches of Russia and China to the concept of a multipolar world. Some quantitative estimates of power and influence of the great powers are given. The shifts in the global hierarchy, caused by the economic crisis, are examined. The author comes to the conclusion that Russia and China have to overcome consistently their own internal weaknesses and effectively tackle numerous international challenges to consolidate their positions of independent poles of the world.

Key words: Russia, China, multipolarity, internal weaknesses, international challenges.

V. Postnikov. Pacific Ocean as a “Mediterranean Sea of the Future”: the Story of Idea (the middle of XIX — the beginning of XX centuries).

The article relates to the concept that had postulated the Pacific Ocean as a “Mediterranean Sea of the future”. This concept was spread in Russia in the beginning of XX century and served as an appeal to consolidate its position in the Pacific region. The emergence of the concept was connected with A.I. Herzen, L.I. Mechnikov as well as and famous world geopoliticians. The author concludes that Russian political ideologists were front supporters of Asian-Pacific cooperation.

Key words: history of Asian-Pacific region, history of the Russian Far East, geopolitics, Russian socio-political ideas, historiography of Russian and world history.

S. Kurtinez. The Japanese Intelligence Services in Northern Manchuria in the 1920's

On the basis of back file materials the article explores the activities of the Japanese intelligence services in the Far East and in Northern Manchuria during 1920's, their structure and changes depending on political conditions in the region.

Key words: Japanese intelligence services, Northern Manchuria, military mission.

N. Ten. The Presentation of Russian History in Contemporary China (based on Chinese secondary schools' history textbooks and popular literature on Russia)

The author investigates how various themes, including mutual interaction, territory delimitation and key periods in Russian history are presented both in contemporary Chinese history textbooks for secondary schools and Russianist literature for wide readership that had been published in China during 1997-2008. The author emphasizes the peculiar perception of Russian history in China and considers it most important factor for creation the image of Russia in contemporary PRC.

Key words: image of Russia, Russian-Chinese relations, Chinese secondary schools' history textbooks, contemporary Russianist publications for wide readership in China.

K. Fendler. Japanese Plan to Abduct the Korean Emperor Kojong during the Russian-Japanese War of 1904-1905: Russian Diplomacy Saved Kojong

Citing the documents from State Archives in Vienna and from Archives of foreign policy of Russian Empire at the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation the expert on Korean history from Budapest concludes that active actions of Russian diplomacy in 1905 frustrated the Japanese plan to transfer Korean emperor Kojong to Japan and precipitate the Japanese annexation of Korea.

Key words: documents from archives, Japan, Korea, Russian diplomacy, Emperor Kojong.

Бирюлин Николай Васильевич
18.02.1931 — 11.07.2010

Ушел из жизни российский китаевед, бывший ведущий научный сотрудник, руководитель Отдела международных научных связей ИДВ РАН Н.В. Бирюлин.

Николай Васильевич прошел славный трудовой путь специалиста по Китаю: он занимался переводческой, научной и научно-организационной деятельностью.

В 1954 г. он окончил китайское отделение коммерческого факультета Института внешней торговли и был направлен на работу в Агентство ВАО “Интурист” в г. Иркутске. В 1956 г. переведен в Москву и занимал различные должности в московском отделении ВАО “Интурист”. В 1969-1972 гг. был аспирантом Академии общественных наук при ЦК КПСС, в 1973 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: “Внутриполитическая борьба в КНР по вопросу о путях развития страны (1956-1965 гг.)”.

В 1972 г. Н.В. Бирюлин пришел в Институт Дальнего Востока АН СССР/РАН, где работал в течение 37 лет. Здесь проявились его талант исследователя и организаторские способности.

В ИДВ Николай Васильевич занимался изучением актуальных проблем современной истории и политики Китая. Он — участник ряда коллективных монографий, автор десятков статей, докладов на научных конференциях и семинарах, проводившихся в России и за рубежом.

За долгие годы своей исследовательской и организационной работы в Институте в качестве ученого секретаря, руководителя сектора информации, Отдела международных научных связей он внес свой вклад в развитие ИДВ.

Он активно участвовал в деятельности общественных организаций, включая Общество “Знание”, Общество российско-китайской дружбы.

Вызывала уважение гражданская позиция Николая Васильевича Бирюлина, неизменно преданного идеалам верного служения Отечеству, глубокого патриотизма, высокой гражданской ответственности и профессионализма.

Многолетняя и безупречная деятельность Николая Васильевича отмечена многими поощрениями.

Коллеги и друзья Николая Васильевича скорбят о кончине этого замечательного человека и приносят глубокие соболезнования его семье.

Светлая память о Николае Васильевиче навсегда сохранится в наших сердцах.

*Дирекция, общественные организации ИДВ РАН,
Редколлегия и редакция журнала “Проблемы Дальнего Востока”*

Семанов Владимир Иванович
03.03.1933 — 01.07.2010

1 июля 2010 года в г. Гессене (ФРГ) после продолжительной тяжелой болезни скончался крупный российский филолог-востоковед, доктор филологических наук, профессор ИСАА, член Союза писателей России Владимир Иванович Семанов. Это печальная весть не только для многочисленных учеников Владимира Ивановича, студентов и аспирантов российских и китайских вузов, где он читал лекции, синологов России и многих зарубежных стран, изучавших его монографии, но и для многомиллионной армии советских, а затем российских читателей, познакомившихся с современной китайской литературой благодаря талантливым переводам Владимира Ивановича.

В.И. Семанов родился 3 марта 1933 г. в Ленинграде. В 1955 г. он окончил Восточный факультет Ленинградского университета. Сферой его научных интересов стала литература Китая конца XIX — начала XX вв. Кандидатская диссертация, которую Владимир Иванович защитил в 1962 г., а через семь лет и докторская, свидетельствуют о широте кругозора, глубине научного подхода, умении увлечься изучаемой темой — тех качествах, которые впоследствии он прививал своим ученикам.

Больше тридцати лет Владимир Иванович преподавал в Институте стран Азии и Африки при МГУ. Студенты помнят его увлекательные лекции, его умение заинтересовать аудиторию. Прекрасное владение китайским языком, глубокая эрудиция, великолепное чувство русского языка — вот те качества, благодаря которым Владимир Иванович стал одним из лучших советских переводчиков китайской литературы. Он блестяще переводил прозу Лао Шэ, Гу Хуа, Лу Яо, Су Маньшу и многих других китайских писателей.

Владимира Ивановича всегда отличали трудолюбие, добрые отношения с коллегами, тактичность и уважение к своим ученикам, глубокая интеллигентность.

Светлая память о Владимире Ивановиче сохранится в наших сердцах.

Редколлегия и редакция журнала “Проблемы Дальнего Востока”

Уважаемые авторы журнала "Проблемы Дальнего Востока"!

Доводим до Вашего сведения, что в соответствии с требованиями Академиздатцентра "Наука" РАН с января 2006 г. Вы должны присылать в редакцию вместе с текстом статьи заполненный бланк договора. Бланк договора Вы можете найти на сайте нашего журнала www.ifes-ras.ru или на сайте Академиздатцентра "Наука" www.naukaran.ru.

Обращаем Ваше внимание на то, что договор вступает в силу только после принятия редколлегией журнала решения о публикации статьи.

Для оформления авторского гонорара необходимо представить в редакцию следующие сведения:

- дата рождения (число, месяц, год);
- домашний адрес с индексом;
- паспортные данные;
- номер страхового свидетельства Пенсионного фонда РФ;
- номер лицевого счета и реквизиты банка.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Интересующие вас вопросы вы можете задать зав. редакцией журнала
Елене Александровне Лапшиной по телефону 8 (499) 124-02-15.

Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.

*При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.*

Сдано в набор 20.06.2010 г. Подписано к печати 21.07.2010 г. Формат бумаги 70x100 2/16
Цифровая печать. Усл. печ. л. 15,0. Усл. кр.-отт. 9,9 тыс. Уч.-изд. л. 14,5 Бум. л. 6,0
Тираж 622 экз. Зак. 430

Издатель: Российская академия наук. Издательство "Наука",
117997, Москва, Профсоюзная, 90

Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. 8 (499) 124-09-02; e-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2010 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала «Проблемы Дальнего Востока» принимают к публикации рукописи статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

- Объем публикации, как правило, не должен превышать 1 а.л. (40 000 знаков).
- Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее основных положений (около 600 знаков) и перечнем ключевых слов, отражающих ее содержание, на русском и английском языках.
- К статьям, присылаемым в редакцию, должны быть приложены сведения об авторах (ФИО, место работы, должность, ученая степень и звание, контактный телефон, e-mail). Все текстовые материалы представляются в электронном виде на дискете 3,5" с распечатками через 2 интервала
- Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi
- Китайские имена и названия приводятся в русской транскрипции, основанной на системе Pinyin
- Все сноски и библиографические ссылки приводятся в конце статьи. Описания китайских, японских и вьетнамских изданий приводятся в транслитерации с последующим переводом на русский язык заглавия в квадратных скобках. Остальные печатные издания описываются на языке оригинала.

Правила оформления сносок:

Книги: Автор. Заглавие. Место издания. Год издания. С....

Публикации в периодических изданиях: Автор. Заглавие // Название издания. Место издания, год. Том, № (для газет – дата). С....

Составные части сборников и монографий: Автор. Заглавие. Место издания, год. С. ...

Материалы из WEB-сайтов описываются по тем же правилам, отделяясь от адреса сайта знаком (. –)

Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале можно получить по тел.: (499) 124 09 02.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.